

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2023

№ 3
(85)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Осипенко А.Л., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

Борчашвили И.Ш., доктор юридических наук, профессор, Международный университет Астаны, Республика Казахстан;

Бабаев М.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

Бойко А.И., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;

Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Московская академия Следственного комитета РФ;

Денисенко В.В., доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России;

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России;

Зайцев О.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;

Зиборов О.В., доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Ищенко Е.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Ларичев В.Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Osipenko A.L., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL COUNCIL:

Antonyan Yu.M., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, National Research Institute of the Russian MIA;

Borchashvily I.Sh., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Astana International University, the Republic of Kazakhstan;

Babaev M.M., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, National Research Institute of the Russian MIA;

Boyko A.I., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

Gilinsky Ya.I., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia;

Golik Yu.V., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation;

Denisenko V.V., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Krasnodar University of the Russian MIA;

Zherebtsov A.N., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Krasnodar University of the Russian MIA

Zaitsev O.A., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

Ziborov O.V., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Kikot Moscow University of the Russian MIA;

Ishchenko E.P., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Kutafin Moscow State Law University;

Kamyshansky V.P., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Kurdyuk P.M., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Larichev V.D., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, National Research Institute of the Russian MIA;

Lozovsky D.N., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Krasnodar University of the Russian MIA;

Лукашов А.И., кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет;

Майоров В.И., доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России;

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Университет прокуратуры Российской Федерации;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;

Наумов А.В., доктор юридических наук, профессор, Университет прокуратуры Российской Федерации;

Овчинский В.С., доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, Министерство внутренних дел РФ;

Плотников В.В., доктор социологических наук, доцент, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Понятовская Т.Г., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Потапенко С.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Кубанский государственный университет;

Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рарог А.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Рубис А.С., доктор юридических наук, профессор, Академия МВД Республики Беларусь;

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Субошич Д., доктор, профессор, Университет криминальных расследований и полицейской подготовки Республики Сербия;

Щенникова Л.В., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет;

Якимовски С., доктор, профессор, Университет криминальных расследований и полицейской подготовки Республики Сербия.

Lukashov A.I., Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Belarus State University;

Mayorov V.I., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Krasnodar University of the Russian MIA;

Matskevich I.M., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Meretukov G.M., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Mindagulov A.Kh., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Kazakh National University of Al-Faraby;

Naumov A.V., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Ovchinsky V.S., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Ministry of the Interior of Russia;

Plotnikov V.V., Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Kikot Moscow University of the Russian MIA;

Ponyatovskaya T.G., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Kutafin Moscow State Law University;

Potapenko S.V., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Kuban State University;

Pudovochkin Yu.E., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Kutafin Moscow State Law University;

Rarog A.I., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Kutafin Moscow State Law University;

Rasskazov L.P., Doctor of Sciences in Jurisprudence, History, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Rubis A.S., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus;

Starilov Yu.N., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University;

Suboshich D., Doctor of Science, Professor, University of Criminal Investigations and Police Training of the Republic of Serbia;

Schennikova L.V., Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Kuban State University;

Yakimovsky S., Doctor of Science, Professor, University of Criminal Investigations and Police Training of the Republic of Serbia.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ
С ЮБИЛЕЕМ!****УГОЛОВНОЕ ПРАВО.
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА**

Антоян Ю.М. Первобытная преступность

Иногамова-Хегай Л.В., Густова Э.В. Уголовная ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности: состав преступления и совершенствование законодательства

Кобец П.Н. Законодательные основы государств – участников Содружества Независимых Государств, направленные на защиту общественных отношений в сфере трансплантологии

Кутуев Э.К. Антикоррупционная политика России в эпоху перемен

Конорезов Н.А. Плагиат: уголовно-правовая и гражданско-правовая сущность понятия

Гюлбанкян А.А. Юридическая природа эксцесса исполнителя преступления

Дулькина Л.В. Судебное понимание признака публичности распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил и деятельности государственных органов Российской Федерации

КРИМИНОЛОГИЯ

Симоненко А.В. Участие общественных организаций в воспитании населения: криминологический аспект

Осипенко А.Л., Батоев В.Б. Использование систем видеонаблюдения в противодействии преступности

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Башинская И.Г. Проблемы отказа в возбуждении уголовного дела частного обвинения органами дознания

Шумилова Т.Н. Реализация принципов организации правосудия в досудебном производстве по уголовным делам

**РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Арутюнов А.С., Фаниев П.А. Анализ артефактов Windows как способ получения криминалистически значимой информации

Науменко О.А., Халин В.Д. Криминалистические аспекты исследования цифровых объектов при расследовании преступлений

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

Луговик В.Ф., Сургутсков В.И. Министерство внутренних дел или Министерство полиции: наименование и генезис функций

**6 CONGRATULATIONS
WITH ANNIVERSARY!****7 CRIMINAL LAW.
CRIMINAL POLICY**

7 Antonyan Yu.M. Primitive criminality

17 Inogamova-Khegay L.V., Gustova E.V. Criminal liability for the illegal implementation of medical activities: corpus delicti and improvement of legislation

24 Kobets P.N. Legislative framework of the member states of the Commonwealth of Independent States, aimed at protecting public relations in the field of transplantation

31 Kutuev E.K. Russia's anti-corruption policy in an era of change

37 Konorezov N.A. Plagiarism: criminal law and civil law essence of the concept

41 Gyulbankyan A.A. Legal nature of kurtosis of the perpetrator

46 Dulkina L.V. Judicial understanding of the sign of publicity of the dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces and the activities of state bodies of the Russian Federation

50 CRIMINOLOGY

50 Simonenko A.V. Participation of public organizations in the education of the population: criminological aspect

55 Osipenko A.L., Batoev V.B. The use of video surveillance systems in solving crime-fighting problems

61 CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

61 Bashinskaya I.G. Problems of refusal to initiate criminal proceedings in cases of private prosecution by investigation authorities

65 Shumilova T.N. Implementation of the principles of organization of justice in pre-trial proceedings in criminal cases

**72 DISCLOSURE AND INVESTIGATION
OF CRIMES**

72 Arutyunov A.S., Faniev P.A. Analysis of Windows artifacts as a way to obtain forensically significant information

76 Naumenko O.A., Khalin V.D. Forensic aspects of digital object research in crime investigation

**82 ADMINISTRATIVE LAW
AND ADMINISTRATIVE PROCESS**

82 Lugovik V.F., Surgutskov V.I. Ministry of Internal Affairs or Ministry of Police: name and genesis of functions

**ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Яблонский И.В., Кочкин А.А. Современные тенденции формирования территориальных органов МВД России: органы внутренних дел и федеральные территории

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ПРАВА И ГОСУДАРСТВА**

Карнаушенко Л.В. Язык права в современной социокоммуникативной реальности

Самойлов С.Ф., Белый А.Г. Раскол украинского социал-национализма и его политические последствия

Мятченко И.В., Кулинская С.В. Правовая культура в условиях виртуализации социального пространства

Нехай А.Ю., Голубихина Н.В. Правовой менталитет в системе социокультурных координат личности

Трикоз Е.Н., Швец А.А. Генезис и специфика системы источников права Новой Зеландии

Сокол Ю.В. Екатеринбургское юридическое общество

**КОНСТИТУЦИОННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

Таранюк Ю.В., Третьяков В.И. Полномочия и значение решений Конституционного Суда РФ и Суда ЕС для дальнейшего развития права: сравнительный анализ

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС**

Щенникова Л.В. Право собственности в исследованиях зарубежных цивилистов

Абросимов А.В. К вопросу о принципе добросовестности в материальном и процессуальном праве

**ФИНАНСОВОЕ, НАЛОГОВОЕ
И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО**

Ларичев В.Д., Панкратьев А.Н. Порядок направления налоговыми органами материалов для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях

**ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ ЕФИМОВИЧА
КВАШИСА****К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ****88 LAW ENFORCEMENT
ACTIVITY**

88 *Yablonsky I.V., Kochkin A.A.* Modern trends in the formation of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia: internal affairs bodies and federal territories

**94 THEORY AND HISTORY
OF LAW AND STATE**

94 *Karnaushenko L.V.* The language of law in modern sociocommunicative reality

99 *Samoilov S.F., Bely A.G.* The split of Ukrainian social-nationalism and its political consequences

105 *Myatchenko I.V., Kulinskaya S.V.* Legal culture in the context of social space virtualization

110 *Nehay A.Yu., Golubikhina N.V.* Legal mentality in the system of socio-cultural coordinates of the individual

115 *Trikoze E.N., Shvets A.A.* Genesis and specificity of the system of sources of law in New Zealand

120 *Sokol Yu.V.* Yekaterinodar Law Society

**125 CONSTITUTIONAL
AND MUNICIPAL LAW**

125 *Taranyuk Yu.V., Tretyakov V.I.* Powers and significance of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Court of the EU for the further development of law: a comparative analysis

**132 CIVIL LAW
AND CIVIL PROCESS**

132 *Schennikova L.V.* The property right in the studies of foreign civilists

140 *Abrosimov A.V.* On the issue of the good faith principle in civil and civil procedural law

**144 FINANCIAL, TAX
AND BUDGET LAW**

144 *Larichev V.D., Pankratiev A.N.* The procedure for sending materials by tax authorities to initiate a criminal case on tax crimes

**152 IN MEMORY OF VITALIY
EFIMOVICH KVASHIS****153 TO CONSIDERATION OF AUTHORS**

Поздравляем Бориса Яковлевича Гаврилова с юбилеем!

28 июля исполнилось 75 лет Борису Яковлевичу Гаврилову, доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, заслуженному юристу Российской Федерации.

Борис Яковлевич родился в деревне Маловской Владимирской области.

В 1974 г. окончил Всесоюзный юридический заочный институт, в 1989 г. – 1-й факультет Академии МВД СССР. Прошел путь от следователя Ленинского ОВД г. Владимира до заместителя начальника Следственного комитета при МВД России. В 2007 г. ушел в отставку в звании генерал-майора юстиции.

В 2001 г. Б.Я. Гаврилов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Реализация органами предварительного следствия правовых норм о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина», в 2005 г. – докторскую диссертацию на тему «Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства».

В декабре 2007 г. Б.Я. Гаврилов был назначен заведующим кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, в настоящее время работает профессором той же кафедры.

Борис Яковлевич – ведущий специалист в области уголовного процесса и криминологии, принимает активное участие в подготовке предложений по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Им подготовлено свыше 600 научных работ, опубликованных в России и за рубежом.

Под научным руководством профессора Б.Я. Гаврилова защитили кандидатскую диссертацию 37 соискателей, 5 его учеников стали докторами наук.

Редакционный совет журнала поздравляет Бориса Яковлевича с юбилеем, желает ему доброго здоровья, плодотворной научной деятельности и талантливых учеников!

**Редакционный совет журнала
«Общество и право»**

Первобытная преступность

Рассматриваются методологически важные проблемы происхождения преступности. Делается вывод о том, что общественно опасные действия, впоследствии названные преступными, совершались людьми всегда, с первых дней их появления на Земле. Утверждается, что преступность появилась до возникновения цивилизации, но является неотъемлемой частью последней. Первые законы зафиксировали то, что уже имело место в обществе. Предлагается выделить два вида первобытной преступности: сакральный (священный), определяемый нарушением правил общения с божествами, духами и другими мистическими силами, душами героев, первопредков, убитых врагов и т.д.; общеуголовный, который составляют кражи, грабежи, разбои, убийства и т.д., в будущем они сформируют ядро преступности.

Ключевые слова: первобытная преступность, эволюция преступности, душа, духи, мистические существа, сакральная преступность, общественная преступность.

Primitive criminality

Methodologically important problems of the origin of crime are considered. It is concluded that socially dangerous actions, later called criminal, have always been committed by people, from the first days of their appearance on Earth. It is argued that crime appeared before the emergence of civilization, but is an integral part of the latter. The first laws recorded what already took place in society. It is proposed to distinguish two types of primitive crime: sacred (sacred), defined by violation of the rules of communication with deities, spirits and other mystical forces, the souls of heroes, ancestors, killed enemies, etc.; ordinary crime, which consists of thefts, robberies, robberies, murders, etc., in the future they will form the core of crime.

Keywords: primitive criminality, evolution of crime, soul, spirits, mystical creatures, sacred crime, public crime.

Эволюция преступности – одна из составляющих истории развития общества, в котором социальные, экономические и гуманитарные процессы всегда вызвали изменения преступных проявлений, а также способов и средств совершения преступлений.

Преступность существовала во все времена, изменяясь не только от эпохи к эпохе, от страны к стране, но и, пусть и редко, от региона к региону. Территориальные различия в объеме, структуре, динамике, характере преступности тесно связаны с уровнем социально-экономического развития отдельных стран и народов, национальными традициями, обычаями, уровнем культурно-воспитательной работы, организацией быта и досуга населения, качеством правоохранительной деятельности и т.д.

Состояние преступности изменяется во времени и в пространстве, а также зависит от содержания, тенденций, причин и условий самой преступности.

Совершенно очевидно, что преступность имеет историческое происхождение, будучи причинно связанной с явлениями и процессами в обществе. Ее уровень и характер в различных социально-экономических системах и странах

коррелируют с конкретными обстоятельствами жизнедеятельности членов общества.

Знание о времени возникновения преступности дает возможность понять ее природу. То, что она могла появиться вместе с человеком, вовсе не свидетельствует о ее биологическом происхождении, поскольку люди даже в первобытном стаде общались друг с другом. Это было социальное общение, в рамках которого неизбежно возникали противоречия, которые следует расценить как причины опасных поступков. Правила поведения тогда фиксировались лишь в головах, но первобытные люди о них знали и были обязаны их соблюдать. Точно так же в криминальной среде существуют так называемые понятия, которых должны придерживаться все те, кто дорожит членством в этой среде; нарушение понятий может повлечь за собой применение неформальных санкций. В этом аспекте (возможно, и в других) криминальный мир очень походит на первобытный.

Определение, образно говоря, исторической точки рождения преступности с возникновения общения между людьми позволяет считать эту сферу объектом применения профилактических усилий в первую очередь путем воспитания.

Запреты на определенные поступки и указания можно обнаружить в ранних формах религии, например в тотемизме, знахарстве, ведовстве, шаманизме и др. [1]

На начальном этапе – в первобытном обществе – поступки, объективно опасные для общества (убийства, кражи, разбои и т.д.), не являются уголовно-противоправными, поскольку само уголовное право еще не существует, но названные действия тем не менее совершаются. Повторяющиеся и получающие распространение вредоносные поступки вызывают ответную реакцию со стороны общества, которая проявляется в том, что общественная опасность находит выражение в определенном запрете, устанавливаемом родом или племенем. Соответствующие нормы, не будучи записанными, существуют в устной форме наряду с мифами, легендами, сказками и т.п., а с появлением письменной культуры оформляются письменно.

Эволюция преступности зависит от развития цивилизации, в частности культуры и общественных отношений, в результате которого одни деяния становятся опасными для прежнего или нового господствующего порядка, а другие перестают быть таковыми. Например, в доиндустриальной Европе наиболее серьезными (и наказуемыми) считались преступления религиозного характера либо преступления против собственности, принадлежавшей аристократии. В настоящее время религиозные нарушения в большинстве своем не воспринимаются в западном мире как преступления вообще (ввиду светской основы современного законодательства) либо рассматриваются как малозначительные нарушения закона. В эпоху Античности и в Средние века убийство одного простоянина другим не считалось столь серьезным преступлением, как преступные деяния против аристократической собственности. Преступник мог искупить вину, выплатив родственникам жертвы определенную сумму денег. Иногда семья погибшего сама восстанавливала справедливость, убивая виновного. Кровная месть была особо распространенным явлением в первобытную эпоху. Проблема ее заключалась в том, что семья убитого могла отреагировать равноценным способом, а это приводило к потенциально нескончаемой веренице убийств. В некоторых районах Южной Италии (о. Сицилия) практика кровной мести существовала вплоть до XX в. Она существует и в настоящее время как способ восстановления справедливости между соперничающими «криминальными семьями» в Соединенных

Штатах Америки, а также на Северном Кавказе и в других регионах мира.

Итак, поскольку преступность отражает те или иные грани общества, с изменением общества изменяется и преступность. Современное общество за последние несколько десятков лет существенно трансформировалось, что, как было указано, привело к появлению новых и отмиранию старых деяний, считающихся преступлениями. Изменившаяся преступность часто требует изменения идеологии борьбы с ней.

Кроме того, исследование преступности именно в контексте анализа истории человечества (начиная с первобытных времен) позволяет не только проследить ее извилистый путь, основные структурные изменения, но и доказать, что она есть вечный и неизменный спутник людей.

Несмотря на довольно активное развитие криминологии как науки о преступности, последняя остается одной из главных социальных тайн. В данном смысле ее можно приравнять даже к смерти. При этом особенно трудно объяснить не преступность, а конкретное преступление, например убийство, связанное с особой жестокостью и без видимых причин.

Один из наиболее сложных вопросов, имеющих прямое отношение к природе преступности, заключается в том, когда, на каком этапе истории человечества она появилась. Этот вопрос в наше время ставится редко. В советской криминологии он решался просто и однозначно: преступность возникла с расслоением общества и формированием классов, а значит, она исчезнет с исчезновением классов при коммунизме, поскольку социальной почвы для нее уже не будет.

Такое положение принималось советскими криминологами, впрочем, они не очень задумывались об этом, так как среди них всегда было мало тех, кто глубоко разбирается в антропологии, этнологии и истории. Между тем приведенное марксистско-ленинское положение было основано на незнании этих наук. Такое незнание и сейчас держит многих криминологов в неведении относительно происхождения преступности и ее длительного, сложного и противоречивого пути. Конечно, отдельные ученые отмечают, что преступность зародилась в древности. Об этом писал, например, В.В. Лунеев, отмечая, что она зафиксирована в исторических документах с незапамятных времен, в Законах Хаммурапи (Древнего Вавилона) или Законах Ману (Древней Индии) [2, с. 298]. Но дело в том, что преступность древнее любых

писанных законов, любой письменной культуры; она возникла с появлением человека как социального существа. Названные законы фиксировали то, что уже было в реальной жизни.

В любом обществе (сообществе) всегда будут отдельные люди или группы людей, недовольные своим положением (социальным статусом, заработком, непризнанием в глазах ближайшего окружения, неуспехом у женщин, бедностью и т.д.), а потому желающие изменить его любым путем, даже преступным. Есть люди, которые ощущают угрозы (подлинные или мнимые) и готовы защитить себя, совершая преступления. По нашему мнению, подобные особенности всегда детерминировали преступность в прошлом и всегда будут существовать в будущем.

Преступность в истории человечества можно представить в виде змеи, которая движется не строго прямо, а извилистым и сложным путем. С одной стороны, она остро и живо реагирует на изменения социальной среды, представления людей и их требования, характер их сотрудничества или вражды, направленные на то, чтобы защитить чьи-то эгоистические или иные аморальные интересы либо предотвратить угрозу. С другой стороны, преступность твердо и неизменно идет вперед, несмотря на все преграды, которые ей ставят общество, государство и отдельные люди. В настоящей работе мы попытаемся проследить ее путь и в общих чертах объяснить происходящие в ней наиболее крупные изменения.

Преступность возникла до появления цивилизации, однако уже давно является ее неизменной частью, как и борьба с ней. Но, на наш взгляд, нельзя утверждать, что современная цивилизация способствует развитию преступности. Прежде всего мы не знаем, каковы были ее истинные масштабы в предыдущие эпохи, поскольку об этом нет никаких статистических данных.

На цивилизацию вообще ни в коем случае не стоит возлагать все надежды в противодействии преступности. Как оказалось, ее слой весьма тонок и не способен надежно вытравить человеческие пороки. Это доказала, например, нацистская Германия, народ которой всегда справедливо относили к числу самых цивилизованных, что отнюдь не помешало его представителям творить в XX в. неслыханные злодеяния.

Все вышеизложенное предопределяет актуальность настоящего исследования, направленного на изучение эволюции преступности на различных этапах развития общества.

Отдельные уголовно-правовые и криминологические аспекты изучения некоторых видов преступности на определенных этапах развития общества были предметом внимания многих ученых, среди которых следует отметить Э.В. Георгиевского, М.О. Косвена, Н.И. Зибера, Н.Н. Харузина, С.М. Иншакова, В.И. Кузицина, С.А. Муромцева, К.Е. Ливанцова, Н.А. Горелова, Э.М. Аннерса, А.И. Долгову, Ф.М. Решетникова, Н.Ф. Кузнецову и др. Некоторые вопросы античной и средневековой преступности нашли отражение в работах В.В. Кучмы, Е.В. Никитюка, Я. Шпренгера, Х.А. Льюренте.

Значительный вклад в исследование первобытной преступности внесли антропологи и этнологи Э.Б. Тайлор, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Д.Д. Фрезер, Л. Морган.

Безусловно, работы названных авторов имеют большую теоретическую и практическую значимость, однако не охватывают всех аспектов многовекового развития преступности, не отражают закономерности ее изменения во времени, в конкретных условиях определенного места.

Необходимо изучать эволюцию преступности на различных этапах развития общества, связав ее как с изменением круга деяний, признаваемых общественно опасными (преступлений), так и с факторами, повлиявшими на ее динамику и структуру, криминализацию и декриминализацию отдельных деяний.

Центральной идеей этой статьи является развернутое обоснование того, что системное исследование преступности предопределено всем ходом развития криминологии, логикой наращивания криминологических знаний. Это очень важное положение обосновывается путем анализа тех научных предпосылок, которые разработаны в трудах отечественных и зарубежных правоведов, философов, социологов, этнологов и представителей других отраслей знания.

Необходимо отметить, что подобного комплексного исследования ранее не проводилось. В некоторых работах изучались отдельные категории преступности, при этом указывалось на их изменение во времени и в пространстве. Здесь проведено обобщение ранее сделанных выводов, на основе имеющихся данных сформулированы новые выводы, что позволило представить общую картину эволюции преступности на различных этапах развития общества.

Оценивая преступность в первобытном обществе, необходимо понимать, что человек этого общества еще целиком и полностью пре-

бывал в природе, он еще не перешел от низших психодуховных переживаний к религиозному сознанию. Такое сознание было высшим и более совершенным, как явление цивилизации оно стало важнейшим шагом вперед. Однако, поскольку человечество все время развивается, можно предположить, что и религиозное сознание не является последним.

Итак, первобытный человек полностью существовал в природе. Как верно отмечает Б. Коваль, «в борьбе за существование он неизбежно был вынужден чрезвычайно бережно и уважительно относиться к окружающей среде. Человек еще не боролся с природой, а приспособлялся к ней, подчиняясь всем ее законам. И поэтому, как ни парадоксально, но именно дикарь ежеминутно вел самую напряженную психо-душевную жизнь. Расслабляться ни на минуту было нельзя. Любой просчет грозил гибелью. Вот почему весь окружающий мир – стихии природы, воды и леса, растения и животные, и, конечно, сами люди – представлялся насквозь живым, пронизанным какой-то тайной энергией, какими-то невидимыми непонятными и даже страшными духами-силами, которым следовало только поклоняться.

Всякого рода духи леса, воды, огня, ветра, души зверей, домовые, лешие, водяные, бегемоты, призраки умерших, упыри и иные необычные существа плотным кольцом окружали человека, постоянно намекая ему своими звуками, веяниями, светом, жестами или еще каким-то непонятным, но явным образом, что делать или не делать, как вести охоту, когда разжигать огонь, где строить жилища. Вся природа, как в зеркале, отражается в сознании человека. Внешний и внутренний миры слились в одно целое» [3, с. 18–19].

Все это создавало крайне сложные и напряженные условия жизни древнего человека, который еще должен был защищаться от окружающих его зверей и других людей. Поэтому повествования об утраченном когда-то земном рае не более чем сказка, сочиненная человеком, живущим в тяжелых условиях.

Преступность в первобытном обществе, строго говоря, отсутствовала, потому что ввиду отсутствия уголовного закона преступлений не было, но существовали общественно опасные деяния. Их совокупность можно условно называть преступностью.

Исследования историков, антропологов и этнологов не оставляют сомнений: даже в обществе (племени, роде и др.) дикарей существовал некий свод неписаных правил, нарушения которых влекли карательные санкции

от наказаний имущественного характера (например, таких, которые мы сейчас называем штрафом) до изгнания из племени и лишения жизни. То, что тогда не было писаных уголовных законов, не свидетельствует об отсутствии преступности, просто общество еще не достигло необходимого для этого уровня, люди не умели писать. Однако уже в то время действовали известные всему сообществу запреты, которые выполняли функции таких законов и которые нарушались.

Эти правила были обычаями, освященными традициями, авторитетом предков, магическими либо примитивными религиозными предположениями – одним словом, жизненной практикой тех лет. Без подобных обычаев общество не могло жить и развиваться, они обеспечивали его целостность, ограждали от наиболее опасных посягательств жизнь, здоровье и достоинство людей, имущественные интересы общины в целом или ее отдельных членов, все те ценности, которые имели сакральный характер и составляли духовную основу всего существования людей того времени. Данные ценности имели исключительное значение, поскольку первобытный человек немислим без своих идолов: духов предков, природы, животных и неодушевленных предметов; тотемов и табу. Посягательства на такие ценности таили величайшую социальную и психологическую угрозу, в том числе для жизни самих дикарей, которые, если лишить их собственного анимистического мира и его символов, могли просто погибнуть. Поэтому покушения на указанные ценности карались весьма сурово.

То же можно сказать и о современных дикарях, живущих в некоторых районах Африки, Океании и Латинской Америки. Они практически безграмотны и воспринимают уголовные и прочие законы государства, где проживают (если они, конечно, вообще знакомы с ними), в качестве правил, многие из которых противоречат их обычаям, но которым эти дикари вынуждены подчиняться. Вместе с тем система собственных запретов у них сохраняется, а механизм их функционирования примерно тот же, что и в далекие первобытные времена. Столь же велика для них значимость духов и различных компонентов магии, они ревностно оберегают свой внутренний мир и те обычаи, которые регулируют их жизнь. Нарушение этих обычаев влечет санкции, накладываемые не только вождями племен, но и шаманами, и колдунами, и самим сообществом.

Как отмечает Р. Осборн, у нас нет оснований рассматривать «пресловутый родоплеменной

строй как дряхлеющее и бессобытийное состояние коллективного невежества: уклад и устройство "варварского" доисторического общества позволяли ему весьма эффективно распределять властные полномочия, держать в жестких рамках преступное поведение и ход военных действий, успешно приспосабливаться к меняющейся среде обитания, а также создавать произведения искусства, которые остаются непостижимо прекрасными и поныне» [4, с. 17].

Самые древние уголовные законы (Законы Хаммурапи, Законы Ману) зафиксировали то, что уже давно существовало в жизни и вызывало реакцию общества. Эти законы не выдумывали, например, убийство или кражу, они лишь в письменном виде излагали то, что уже давно расценивалось сообществом в качестве опасного для него, но, конечно, подобная фиксация означала несомненное движение вперед. Можно возразить, что история знает великое множество случаев, когда не закон приспосабливался к жизни, а с помощью закона старались приспособить жизнь к тому, что в данное время требовалось правящей элите. Такими были многие законы германского Третьего рейха. Однако к тем древним законам, которые впервые письменно установили уголовную ответственность за преступления общеуголовной направленности, наказуемые в любом обществе, указанное по понятным причинам не относится.

В древних законах правовая норма еще не имела четких форм, в нее входили и иные формы, в том числе религиозные. Религиозные же санкции и сила обычая или общественного мнения были призваны активно содействовать реализации нормы. Священные тексты многих религий содержали по существу правовые предписания и санкции за их нарушения. Подобные предписания во множестве имеются в Библии, например в Книге Исход.

Фиксация преступности в первобытном обществе, исследование ее основных форм позволяют выстроить общую культурологическую теорию (или модель) преступности, глубже понять ее природу, в результате чего появится возможность еще раз доказать, что преступность есть вечный и неизменный спутник человечества, от которого оно никогда не сможет избавиться.

У нас, конечно, нет письменных сведений из той сверхдалекой поры, поскольку тогда еще не появилась письменность. Вообще, под первобытным обществом принято понимать социальные и экономические отношения, которые существовали многие тысячелетия у всех на-

родов на ранней стадии их развития. Производственные отношения этого строя возникли на основе низкого уровня развития производительных сил, примитивных орудий труда при общей собственности. Вместе с тем существовала и личная собственность на орудия труда, оружие, одежду, предметы домашнего обихода и т.д. Производство велось сообща, его продукты делились поровну. В этот период уже была семья, появились религия и другие мифологические формы культуры (в том числе живописная) в целом. Эта культура, в том числе закрепленная в мифах, оказала огромное влияние на человеческую культуру вообще, ее мы постоянно ощущаем в современных религиях, традициях, обычаях, ритуалах, привычках и т.п. Первобытная культура – то наследство, которое так или иначе всегда будет влиять на человечество, поскольку личность в филогенетическом плане формируется именно в ней.

Преступность является частью первобытной культуры. Сведения о ней можно получить из мифологических источников, а также, что несравненно важнее, из результатов современного научного изучения первобытных племен, все еще в изобилии имеющих на нашей планете.

Мифологические источники говорят о преступности лишь косвенно, поэтому можно ошибаться, опираясь только на них. К тому же речь может идти только о тех мифах, которые сохранились в последующую эпоху и были отражены в новых мифах и иных письменных формах.

Прежде чем рассматривать преступность как таковую, необходимо указать, какие запреты нарушали в то время действиями, которые мы сейчас назвали бы преступными. Это не уголовные законы, а неписанные правила, иногда очень строгие и поэтому караемые довольно сурово. Многие из таких правил потом, через века, становились писаными уголовными законами. Некоторые из них сохранились по сей день. То, что первобытные правила не записывались (на камне, папирусе, бумаге и т.д.), не меняет их сущности и содержания. Главное, что они существовали, защищали определенные ценности, что-то запрещали и карали за нарушения. От соблюдения этих правил зависели безопасность, благополучие и процветание племени или рода. О них знали все, кто принадлежал к какому-либо определенному сообществу. Соответствующие знания прививались людям с детских лет.

Полагаем, что применительно к первобытному строю можно говорить о следующих видах преступности.

1. Сакральный, т.е. священный, вид преступности. Древний человек был «окружен» бесчисленными богами, божками, духами героев, предков, убитых врагов, растительности, воды, неба, камней и др. Все они плотным кольцом окружали его. Кроме того, очень важно, что между отдельными явлениями и предметами существовали магические связи. Посягнуть на сверхъестественных персонажей или магические связи (а те и другие имели сакральный характер) означало нарушить основы жизни во вред человеку. Такие посягательства не могли не караться. При этом сами они тоже имели сакральный характер, поскольку вызывали изменения в мире.

Французский психолог Л. Леви-Брюль приводит слова эскимосского шамана Ауа: «Мы боялись духа земли, который вызывает непогоду и заставляет нас с боем вырывать нашу пищу у моря и земли. Мы боимся Сила (бога луны)... Мы боимся Таканагапсалук, великой женщины, пребывающей на дне моря и повелевающей морскими животными... Мы боимся коварных духов жизни, воздуха, моря, земли, которые могут помочь злым шаманам причинить вред людям. Мы боимся духов мертвых, как и духов животных, которых мы убили». Единственная возможность спасения для такого окруженного злыми силами человека заключается в том, чтобы сообразовать свое поведение со спасительными преданиями, унаследованными от предыдущих поколений. Эти предания суть правила, нарушение которых может иметь самые тяжкие последствия.

Д.Д. Фрезер дает обстоятельный перечень различных запретов в первобытном сообществе. Это табу на общение с иноплеменниками, пищу и питье, «обнажение» лица, выход из жилища, остатки пищи. Целый ряд табу распространялся на людей, в том числе вождей и правителей, носящих траур, женщин во время менструаций и родов, воинов, убийц, охотников, рыболовов и др. Существовало также множество табу на предметы и слова [5, с. 188–200].

В литературе приводится множество примеров применения уголовных наказаний к тем, кто нарушал запреты. Так, в Африке ни один человек и ни одно животное под страхом смертной казни не смели смотреть на правителя Лоанго, когда тот ел или пил. Когда в комнату, где обедал этот правитель, вбежал его собственный сын, отец приказал незамедлительно четвертовать его и носить части тела по населенному пункту. Увидеть за приемом пищи царя Дагомеи являлось уголовно наказуемым проступком [6].

Царь баньоро в Уганде не мог прикасаться к еде руками, поэтому его должен был кормить повар, который внимательно следил за тем, чтобы не коснуться металлическими вилками зубов царя, поскольку такой поступок карался смертью [7, с. 226].

Разумеется, особа правителя (царька) была не единственным объектом охраны, но именно с ней древний человек связывал свои благополучие и безопасность, веря в ее сверхъестественный статус.

Человек первобытного общества испытывал ужас перед смертью. Поэтому был выработан целый кодекс поступков (действий и бездействия), которые, по мнению древнего человека, максимально сокращали, а в лучшем случае исключали вообще контакты со всем тем, что имело отношение к смерти, и со всеми теми, кто так или иначе соприкасался с нею. Так, у первобытных аборигенов Андаманских островов существовал обычай, согласно которому, если один мужчина убивал другого в сражении между деревнями либо в личной ссоре, он оставлял свою деревню и отправлялся жить изолированно в джунгли, где должен был оставаться в течение нескольких недель или даже месяцев. После этого он проходил обряд очищения [7, с. 240]. Такие же правила действовали в Новой Гвинее, на островах Кука, у эскимосов, различных племен Африки, в Индии и т.д. Их существование Фрезер объясняет тем, что нарушение табу грозило гибелью самому убийце. Однако дело не только в этом, но и в том, что он должен был изолировать себя, поскольку представлял опасность для всего рода или племени. Изолироваться он должен был потому, что соприкасался со смертью, а она для первобытного человека была страшнее всего. Поэтому нарушение изоляции каралось сообществом очень строго.

Можно сказать, что само нарушение имело сакральный характер, так как, по представлениям древних людей, могло вызвать самые неблагоприятные для них последствия.

Из частей человеческого тела наиболее табуирована, или священна, всегда была голова. В Камбодже было обязательно уважать голову каждого человека, в особенности царя. В прошлом никто не мог прикоснуться к голове младенца у груди матери; если кто-либо осмеливался сделать это, его убивали, поскольку считали, что только так можно искупить подобное святотатство [7, с. 255].

Дикарь не в состоянии провести четкую грань между словами и вещами. Он считает свое имя существенной частью самого себя

и вследствие этого полагает, что с помощью магии через его имя, так же как и через его волосы, ногти или другие части тела, ему может быть нанесен вред. Поэтому он с большой осторожностью произносит свое имя и редко позволяет делать это другим. Так, у барунди, живущих к западу от озера Виктория (которое ранее называлось Виктория-Ньянза), люди неохотно сообщают незнакомцам свои имена или имена своих детей, чтобы эти незнакомцы не смогли посредством магии воздействовать на владельцев имен и навредить им. Бангала с Верхнего Конго полагают, что у духов плохое зрение, но очень острый слух, поэтому никогда не упоминают имя человека, пока он рыбачит, из опасения, что духи могут услышать и увести рыбу из сетей и ловушек. У говорящих на ила народов Северной Родезии человеку не разрешается произносить свое имя, особенно в присутствии людей старшего возраста. Если кто-либо кощунственно произнесет при них собственное имя, это считается серьезным проступком. Такого человека могут продать, сделать рабом или изгнать из общины, если члены его клана не выкупят его [7, с. 265].

Запрет на произнесение вслух имени имеет архетипический характер, он распространен повсеместно. Можно предположить, что клички, столь популярные в преступной среде, одним из источников имеют данные табу: кличка помогает скрыть подлинное имя человека.

Такое отношение дикаря к важным для него явлениям порождено особенностями его мышления. Они заключаются, как отмечал Л. Леви-Брюль, в безразличии к естественным причинам. Если дикарь заинтересован каким-нибудь явлением, то не ограничивается его пассивным восприятием, а реагирует на него, повинувшись своего рода умственному рефлексу; он думает о какой-либо таинственной и невидимой силе, выражением которой, по его представлениям, служит данное явление. Сверхъестественное колдовство дает первобытному человеку столь же быстрое и логичное объяснение всего происходящего, как и наше обращение к познаваемым силам природы. Он совершенно не пытается отыскать причинные связи, которые неочевидны сами по себе, и немедленно обращается к мистической силе. Но даже замечая причинные связи или воспринимая их под влиянием посторонних указаний, дикарь все же не придает им особого значения, а это является естественным следствием прочно установленного факта, что коллективные представления первобытных людей непосредственно вызывают у

них мысль о вмешательстве мистических сил [8, с. 284, 285].

Заметим, многие наши современники во вполне цивилизованных странах поступают точно так же. Объяснения, которые давал древнейший человек окружающим его вещам и явлениям, создающее и разрушающее значение, которым он наделял поступки и слова, для него вполне естественны. Как справедливо отмечал Э. Дюркгейм, такие объяснения представляются первобытному уму простейшими в мире. Он не видит в них ничего странного, это наиболее непосредственный способ представления мира и его понимания. Для него нет ничего странного в том, что можно голосом или жестами управлять стихиями, останавливать или замедлять движение звезд, вызывать или прекращать дождь и т.д. [9, с. 516].

Нарушение запретов, установленных первобытными сообществами и диктуемых условиями их существования, представлялось людям того времени чрезвычайно опасным. Поэтому такие нарушения наказывались, иногда очень сурово. То, что они не облекались в письменную форму закона, не столь существенно. Главное, что они считались общественно опасными.

Со временем сакральная преступность в том виде, в котором она существовала в первобытные времена, исчезла или почти исчезла. Еще очень долгие века людей наказывали за деяния, которые считались нарушениями священных запретов, а потому расценивались как весьма опасные. Длительное время такая преступность сохранялась в обществах, в которых были сильны мистические компоненты, например в Советском государстве, особенно в ленинско-сталинский период его существования. Так, самые суровые уголовные наказания могли последовать за неуважительные, по мнению властей, действия, даже жесты в отношении портретов так называемых вождей, тем более за критику их высказываний.

2. Общеуголовный вид преступности. Мы не называем его главным, но он, несомненно, доказывает, что преступность вечна: кражи, грабежи, разбои, убийства, изнасилования и т.д. всегда существовали и всегда будут существовать, потому что таков человек и таково общество, в котором он воспитывался, живет и действует. Преступность вечна, поскольку, как мы указывали выше, во все времена были и будут люди, недовольные своим положением и отношением окружающих к себе, а поэтому готовые нарушить уголовно-правовые запреты. Они готовы действовать в одиночку или группами. Главное, что они действуют. Причем

неудовлетворенность своим положением надо понимать очень широко: от неудовлетворенности собственным должностным или материальным положением до неудовлетворенности сексуальными отношениями.

По данным Ю.Н. Харари, в Португалии были изучены 400 скелетов, датируемых периодом непосредственно накануне перехода к земледелию. На двух из них были обнаружены явные следы насилия. А из 400 скелетов, найденных в досельскохозяйственных поселениях долины Дуная, следы насилия хранят 18. Также печальные свидетельства были обнаружены и в других местах. В Судане вблизи Джебель-Сахабы обнаружено захоронение возрастом 12 тысяч лет – 59 скелетов. В костях 24 из них застряли наконечники стрел и копий – это 40% от общего числа умерших. На одном из женских скелетов насчитали 12 ран. В пещере Офнет в Баварии археологи нашли останки 38 древних людей, по большей части женщин и детей, сброшенных в два погребальных рва. Половина скелетов, даже детских, хранят явные следы оружия – ножей, дубинок. Больше всего таких отметок у мужских скелетов [10, с. 77–78].

Первые земледельцы оказались столь же (а то и более) агрессивными, как их предки – кочевники. У крестьян уже появляется личное имущество, и им нужна земля для возделывания. Если соседи захватят пастбище или поле, то община погибнет от голода, а значит, теперь уже не осталось возможности для компромиссов и уступок. Охотники-собиратели попросту перебирались на другое место, если их прижимали сильные соседи, но для деревни переселиться под натиском врага значило бросить поля, дома и амбары. Как правило, беженцы были обречены голодать, а потому крестьяне предпочитали биться до конца.

Ю.Н. Харари указывает, что антропологические и археологические исследования свидетельствуют о том, что в простых аграрных обществах, где не имелось социальных структур выше деревни или племени, насилие было причиной примерно 15% смертей (из них 25% смертей среди мужского населения). У земледельческого племени дани в Новой Гвинее насильственная смерть уносила 30% мужчин. В Эквадоре вероятность насильственной смерти людей из племени уарони составляет 60% [10, с. 103].

Б. Малиновский, осуществивший многолетние этнологические полевые исследования туземцев Тробрианских островов, отмечает, что само понятие преступления в тробрианском обществе может быть определено только в самых общих чертах. Иногда в качестве та-

кового выступает взрыв страсти, иногда нарушение некоторого табу, иногда покушение на личность или собственность (убийство, кража, нападение), иногда это уступка своим преувеличенным амбициям, богатство, не санкционированное традицией и противоречащее прерогативам вождя или кого-либо из старейшин [11, с. 236].

Б. Малиновский приводит конкретные примеры совершения преступлений дикарями Тробрианских островов. Так, в одной деревне жили три брата, из которых самый старший – глава клана – был слепцом. Самый младший брат привык пользоваться этим его недостатком, срывая орехи бетеля с пальм прежде, чем они созревали. Слепой тем самым лишился принадлежавшей ему части орехов. Однажды, в очередной раз обнаружив, что его надули, он впал в ярость, схватил топор и, незаметно пробравшись в хижину брата, нанес ему удар. Раненый убежал и спрятался в доме третьего брата, который, разъяренный нападением на младшего брата, схватил копье и убил слепца. Убийца был посажен в тюрьму на год [11, с. 272].

Кража у тробрианцев имеет два значения: незаконное присвоение предметов личного потребления, орудий и ценных вещей, а также кража пищи растительного происхождения с огородов или из хранилищ. Кража продуктов считается наиболее позорной, поскольку для тробрианца нет большего позора, чем не иметь провизии, ощущать нехватку продуктов или просить их.

Убийства случались крайне редко. Кроме вышеописанного, Б. Малиновский рассказывает только об одном случае убийства: ночью копьем пронзили колдуна, пользовавшегося дурной славой, когда он скрытно подбирался к деревне. Это было сделано для защиты больного – жертвы колдуна кем-то из вооруженной охраны, которая в этих случаях стоит на посту всю ночь.

Малиновскому рассказывали еще о нескольких случаях убийств за прелюбодеяния или обиду, нанесенную высокопоставленным лицам, наконец, в драках и поединках. Во всех случаях, когда мужчина погибает от рук людей другого субклана, соблюдается долг чести. Теоретически эта месть считается неотвратимой, но на практике она обязательна только в том случае, если речь идет о взрослом высокопоставленном человеке, но и тогда понимается как излишняя, если погибший пострадал из-за собственной несомненной вины. В других случаях, когда вендетты явно требует честь суб-

клана, ее избегают, заменяя «платой за кровь» [11, с. 27].

Исследуя преступность в первобытном обществе, необходимо помнить, что его люди находятся под сильнейшим влиянием магии и даже на многие преступления так называемой общеуголовной направленности реагируют с ее позиций. Как справедливо отмечает Малиновский, мировоззрение дикарей – это путаница предрассудков и суеверий, дологическая смесь мистических сопричастностей (партиципаций) и несопричастностей [12, с. 273]. Однако при всем этом они ясно осознают опасность для себя определенного рода деяний и наказывают за их совершение. Их знания, несомненно, ограничены. Но в определенных ситуациях и представлениях они тверды и не стремятся к мистике или магии. Поэтому если у них ломается ограда огорода, они могут объяснить это действием таинственных мистических сил, но, чтобы исправить ее, прибегают не к магии, а к работе. Точно так же, если у первобытного человека что-то украли, он хочет поймать вора и вернуть похищенное. Правда, если для этого нужна магия, он к ней прибегает, но опасность для него самой кражи или грабежа понимает и без магии.

Вместе с тем следует учитывать, что первобытный период был в истории человечества весьма длительным и прошел несколько этапов. Это очень убедительно показал Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В ней он упоминал о позорном наказании за всякую половую связь вне брачных классов в первобытном обществе [13, с. 49], о кровной мести [13, с. 89], об убий-

ствах при бытовых конфликтах [13, с. 91] и т.д. Марксистская криминология, отстаивая свое ложное учение о классовом происхождении преступности, попросту игнорировала названные недвусмысленные высказывания одного из собственных основателей.

Таким образом, преступность пронизывает всю историю человечества с самых первых этапов. Можно возразить, что преступлений в первобытном обществе было мало и они представляли собой лишь отдельные эксцессы. Но в то время, во-первых, и людей было мало; во-вторых, никто не вел никаких учетов, никто не мог сказать, сколько было убито людей, изнасиловано женщин и разграблено имущества при очередном налете одного племени на другое. Однако такие налеты следует отнести к первым, хотя и весьма кровавым шагам по созданию единых государств.

Некоторые конкретные преступления вообще трудно отнести к определенной эпохе. Представьте себе такую ситуацию: после богатого улова рыбак возвращается домой, по дороге на него нападают двое разбойников и отбирают добычу. Скажите: когда это произошло – в доисторические времена или вчера в курортной зоне Подмосковья? Удивительно сходны мотивы преступного поведения тогда и сейчас, более того, за всю человеческую историю они практически не менялись, что говорит о временном единстве преступности. Меняются главным образом конкретные жизненные ситуации при совершении преступлений, способы реализации мотивов, а также орудия, используемые при этом.

1. Токарев С.А. *Ранние формы религии и их развитие*. М., 2011.

2. Лунеев В.В. *Курс мировой и отечественной криминологии: учеб.* М., 2011.

3. Коваль Б. *Дух. Душа. Духи. Символы и ценности бытия*. М., 2000.

4. Осборн Р. *Цивилизация. Новая история Западного мира*. М., 2010.

5. Фрезер Д.Д. *Золотая ветвь. Исследование магии и религии*. М., 1986.

6. Тайлор Э.Б. *Первобытная культура*. М., 1989.

7. Фрезер Д.Д. *Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Дополнительный том*. М., 1998.

8. Леви-Брюль Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М., 1994.

9. Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни // Религиоведение: хрестоматия / под ред. А.Н. Красникова*. М., 2000.

1. Tokarev S.A. *Early forms of religion and their development*. Moscow, 2011.

2. Luneev V.V. *Course of world and domestic criminology: textbook*. Moscow, 2011.

3. Koval B. *Spirit. Soul. Spirits. Symbols and values of life*. Moscow, 2000.

4. Osborne R. *Civilization. A new history of the Western world*. Moscow, 2010.

5. Frazer J.G. *The Golden Bough: A study in magic and religion*. Moscow, 1986.

6. Tylor E.B. *Primitive culture*. Moscow, 1989.

7. Frazer J.G. *The Golden Bough: A study in magic and religion. Additional volume*. Moscow, 1998.

8. Lévy-Bruhl L. *Supernatural in primitive thinking*. Moscow, 1994.

9. Durkheim E. *Elementary forms of religious life // Religious studies: reader / ed. by A.N. Krasnikov*. Moscow, 2000.

10. Харари Ю.Н. *Sapiens. Краткая история человечества*. М., 2018.

11. Малиновский Б. *Избранное: динамика культуры*. М., 2004.

12. Малиновский Б. *Магия, наука и религия*. М., 1998.

13. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. Т. 21*.

10. Harari Yu.N. *Sapiens. A brief history of humanity*. Moscow, 2018.

11. Malinovsky B. *Sel. works: dynamics of culture*. Moscow, 2004.

12. Malinovsky B. *Magic, science and religion*. Moscow, 1998.

13. Marx K., Engels F. *Works. Vol. 21*.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонян Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России; email: antonyaa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Yu.M. Antonyan, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, National Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation; email: antonyaa@yandex.ru

---

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна
Густова Элла Владимировна

Уголовная ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности: состав преступления и совершенствование законодательства

Одним из основополагающих факторов сохранения жизни и здоровья человека является медицинская деятельность. В условиях развития рыночной экономики, различных форм собственности и незапрещенных видов деятельности система здравоохранения в России представлена не только государственным и муниципальным сектором медицинских услуг, но и все более развивающимся рынком частной медицинской помощи, в том числе оказанием услуг народной медицины. В статье рассматриваются проблемы юридической конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ, анализируется судебно-следственная практика, предлагаются пути совершенствования законодательства об ответственности за незаконное занятие медицинской деятельностью.

Ключевые слова: медицинская деятельность, народная медицина, состав преступления, лицензия, разрешение.

Criminal liability for the illegal implementation of medical activities: corpus delicti and improvement of legislation

One of the fundamental factors in ensuring human life and health is medical activity. In the context of the development of a market economy, various forms of ownership and non-prohibited activities, the health care system in Russia is represented not only by the state and municipal sector of medical services, but also by an increasingly developing market for private medical care, including the provision of traditional medicine services. The article deals with the problems of the legal construction of the corpus delicti under art. 235 of the Criminal Code of the Russian Federation, the judicial and investigative practice is analyzed and ways to improve the legislation on liability for illegal medical activities are proposed.

Keywords: medical activity, traditional medicine, corpus delicti, license, permission.

Частная система здравоохранения является одной из составляющих всей системы здравоохранения в Российской Федерации. В настоящее время идет активный рост инвестиционных проектов, связанных с развитием частных медицинских учреждений. За последние пять лет количество организаций, предоставляющих медицинские услуги, увеличилось практически в 1,5 раза [1]. Активно развивается и фармацевтическая сфера, о чем свидетельствует тот факт, что объем государственных закупок лекарств в 2022 г. увеличился на 5% и превысил 910 млрд рублей, при этом согласно статистическим данным за 2020 г. на долю 10 крупнейших фармдистрибьюторов приходилось 74,1% российского рынка лекарственных средств и медицинских изделий [2].

Введенные в 2022 и 2023 гг. в отношении Российской Федерации санкции поставили перед фармацевтическим рынком задачу – обе-

спечить импортозамещение жизненно важных лекарственных препаратов. Для этого был введен упрощенный порядок их регистрации, а с сентября 2023 г. аптекам будет возвращено право самостоятельно изготавливать препараты, не зарегистрированные в Российской Федерации [3]. Частная медицинская практика уже давно стала обычным явлением в странах с развитой системой здравоохранения. В России само понятие частной медицинской практики до сих пор не получило достаточно внятного и обособленного законодательного регулирования, хотя с каждым годом все больше и больше врачей успешно открывают свои кабинеты и клиники.

Государство принимает меры для урегулирования и унификации медицинской и фармацевтической деятельности, приведения ее в соответствие всемирным стандартам. Однако подавляющее большинство подобных мер за-

ключается в издании нормативных правовых актов без должного внимания к их реализации.

К примеру, интернет-ресурс судебных и нормативных правовых актов РФ содержит 121 приговор, определение и постановление судов РФ, вынесенные по ст. 235 УК РФ с 25 ноября 2013 г. по июль 2023 г. [4]. В то же время информация о случаях причинения вреда здоровью и жизни людей, обратившихся в частные медицинские центры (в особенности центры эстетической медицины и косметологии), к лицам, занимающимся целительством и знахарством, о последствиях употребления лекарственных средств, изготовленных на частных фармацевтических предприятиях и не имеющих соответствующих лицензий, составляет значительную часть среди публикаций в средствах массовой информации и сети Интернет.

Частная медицинская практика впервые получила закрепление в качестве правового термина в ст. 56 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 22 июля 1993 г. № 5487-1, где было закреплено право на осуществление данного вида деятельности [5]. В соответствии с указанной статьей термин «частная медицинская практика» определялся как оказание медицинских услуг медицинскими работниками вне учреждений системы здравоохранения, осуществляемое за личный счет граждан или средства предприятий, учреждений и организаций (в том числе страховых медицинских). Отметим, что система здравоохранения Российской Федерации в 1993 г. представляла собой совокупность государственных и муниципальных учреждений медицинского и фармацевтического профиля. При этом исходя из конструкции нормы, предписывающей осуществлять оплату в соответствии с договором, его заключение выступало обязательным условием осуществления частной медицинской практики.

В уголовном законодательстве Российской Федерации закреплена ст. 235 «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности», согласно ч. 1 которой уголовная ответственность наступает за осуществление медицинской или фармацевтической деятельности лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности, при условии, что такая лицензия обязательна, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека. И здесь стоит обратить внимание на конструкцию и толкование данной нормы.

Объектом этого преступления является здоровье населения. В качестве дополнительного объекта исследуемого преступления могут выступать общественные отношения, связанные со здоровьем или жизнью человека. Однако не все представители юридической науки со-

гласны с обозначенным подходом относительно непосредственного объекта преступления. К примеру, М.М. Малахова определяет его как «общественные отношения, устанавливающие порядок лицензирования частной медицинской практики или частной фармацевтической деятельности» [6, с. 28]. Н.И. Ветров считает, что непосредственным объектом исследуемого состава преступления является здоровье человека, а дополнительным – жизнь человека, отмечая что при таком подходе оправданным выступает перемещение ст. 235 УК РФ из гл. 25 в гл. 16 УК РФ [7, с. 537]. Под основным непосредственным объектом исследуемого преступления А.Ю. Сичкаренко предлагает понимать «общественные отношения, связанные с получением неопределенным кругом лиц доброкачественных и квалифицированных медицинских и фармацевтических услуг» [8, с. 62].

Неоднозначным остается вопрос относительно предмета рассматриваемого преступления. Так, по мнению В.Н. Ворониной, лекарственные средства и препараты составляют предмет данного состава, при помощи их определения происходит разграничение ст. 235 УК со смежными нормами, например с нормой о препаратах, относящихся к наркотическим лекарственным средствам [9, с. 65]. Другие авторы полагают, что предметом преступления следует признавать специальный документ – лицензию, которая обязательна для данного вида деятельности [10, с. 746]. На наш взгляд, важным факультативным признаком объекта преступления является наличие потерпевшего, которому в результате совершенного деяния (нелицензированной медицинской фармацевтической деятельности) причиняется вред здоровью. Однако, по мнению некоторых авторов, соответствие медицинской организации указанным предписаниям не исключает возможность оказания ее работниками некачественной медицинской помощи пациенту, что само по себе обладает достаточной общественной опасностью, чтобы признаваться преступным деянием [11, с. 249].

Объективную сторону преступления характеризуют следующие признаки: действия в виде осуществления медицинской или фармацевтической деятельности в отсутствие лицензии на нее при условии, что такая лицензия обязательна; последствия в виде причинения вреда здоровью человека; связь между действием и последствиями.

Указывая в ст. 235 УК РФ только на отсутствие разрешения, законодатель подразумевает, что если нет соответствующего образования, то не может быть и разрешения (лицензии), что, на наш взгляд, необоснованно, поскольку на практике не исключены случаи оказания медицинской помощи лицами, не имеющими

соответствующего уровня образования и квалификации, в стенах медицинского учреждения, имеющего необходимые разрешительные документы.

Так, деяние, предусмотренное ст. 235 УК РФ, скорее напоминает преступление в сфере экономической деятельности, нежели преступление против здоровья населения. В рассматриваемом составе основной криминообразующий признак состоит не в отсутствии необходимой для осуществления медицинской или фармацевтической деятельности квалификации, а в отсутствии обязательной лицензии на данный вид деятельности.

Лицензирование – это административная процедура, представляющая собой деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и (или) их территориальных органов по выдаче (продлению) специального разрешения на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности (выполнение работ, оказание услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности) при соответствии их формальным лицензионным требованиям, например: наличие зданий, строений, сооружений и (или) помещений, отвечающих установленным требованиям, наличие медицинских изделий (оборудования, аппаратов, приборов, инструментов), необходимых для выполнения заявленных работ (услуг), наличие у соискателя лицензии высшего медицинского образования и т.п. [11, с. 248].

Вместе с тем согласно ст. 235 УК РФ уголовная ответственность за рассматриваемые действия наступает только при причинении по неосторожности вреда здоровью, при этом законодателем не определяется его степень. Таким образом, получается, что последствия могут относиться к легкому, средней тяжести или тяжкому вреду здоровью, что идет вразрез с другими нормами Особенной части УК РФ, в которых предусматриваются тяжкие последствия от действий, совершаемых по неосторожности. По этому поводу А.И. Рарог пишет, что последствия преступления сформулированы в законе крайне неопределенно, без уточнения степени тяжести вреда здоровью. Легкий вред здоровью здесь явно не имеется в виду, поскольку неосторожное его причинение по УК РФ вообще ненаказуемо. Неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью уголовный закон также по общему правилу не признает преступным [12, с. 173].

Полагаем, законодателю необходимо в ч. 1 ст. 235 УК РФ конкретизировать последствия, указав причинение тяжкого вреда здоровью.

Еще одной важной проблемой, с которой сталкивается судебно-следственная практика,

является установление точной причинно-следственной связи, возникающей между непосредственным действием и моментом нанесения вреда.

Ярким примером может послужить Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан № 22–2855/2019 от 10 июня 2019 г., согласно решению которого А.Т. Даянова была признана невиновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ, ввиду того, что потерпевшей (малолетнему ребенку) был причинен тяжкий вред здоровью не в процессе осуществления А.Т. Даяновой незаконной частной медицинской практики в виде медицинского массажа, а ввиду преступной небрежности, заключающейся в оставлении малолетнего ребенка на пеленальном столике без присмотра, повлекшем его падение [13].

Кроме того, при применении ст. 235 УК РФ должен быть решен вопрос о периодичности осуществления медицинской или фармацевтической деятельности. Достаточно ли одного случая, или деятельность должна носить систематический характер? Применение ст. 221 УК РСФСР требовало систематической деятельности за материальное вознаграждение. Причем деятельность эта являлась для лица основным или дополнительным источником дохода. Представляется, что данное требование должно применяться и в настоящее время относительно ст. 235 УК РФ, так как законодателем в диспозиции используется термин «деятельность», означающий «работу, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области» и предполагающий неоднократное выполнение определенных действий [14, с. 114].

В уголовно-правовой науке ведутся активные споры и относительно субъекта преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ. Часть авторов, к примеру А.Е. Шалагин, используют формулировку «лицо, достигшее 16 лет, не имеющее лицензии на такую деятельность» [15, с. 264]. Если же речь идет об организации, то привлекать к уголовной ответственности необходимо лицо, которое выполняет функции ее руководителя и в чьи обязанности входит получение всех необходимых лицензий, а также поддержание и соблюдение возложенных лицензионных требований [9, с. 64].

Анализируя субъективную сторону исследуемого преступления, стоит отметить, что большинство ученых склоняется к тому, что оно совершается с неосторожной формой вины, однако имеются дискуссии относительно ее вида. Так, М.М. Малахова, рассматривая субъективную сторону деяния, закрепленного ст. 235 УК РФ, полагает, что данное преступление может быть совершено только по легкомыслию, и раскрывает его субъективную

сторону следующим образом: «лицо осознает, что осуществляет общественно опасное деяние в виде занятия медицинской или фармацевтической деятельностью без лицензии, и предвидит возможность наступления такого последствия, как причинение вреда здоровью, но самонадеянно рассчитывает на его предотвращение без достаточных на то оснований» [6, с. 28].

В качестве примера, подтверждающего данную позицию, может выступить постановление Советского районного суда г. Махачкалы от 16 октября 2018 г. № 1–746/2018 по делу № 1–746/2018, в соответствии с которым С. после окончания срока действия лицензии занималась частной медицинской практикой в ООО «Медэкспресссервис». Осуществляя свою деятельность в качестве врача-гинеколога, С. ввела потерпевшей в область шейки матки обезболивающее вещество «Лидокаин», в результате чего у последней начался анафилактический шок. С., рассчитывая на предотвращение причиненного вреда, предприняла попытку проведения противошоковой терапии, но не осуществила весь необходимый комплекс действий, предписанный соответствующим приказом Минздравсоцразвития РФ, в результате чего наступила смерть потерпевшей. Действия С. были квалифицированы органами предварительного расследования по ч. 2 ст. 235 УК РФ [16].

По мнению других авторов, возможно совершение данного преступления и по небрежности, в случае если лицо не осознает, что подобная деятельность без лицензии может причинить вред здоровью.

Помимо юридической конструкции состава преступления, важным представляется определение и других теоретических и практических аспектов содержания ст. 235 УК РФ.

Так, согласно п. 10 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ об основах охраны здоровья) под медицинской деятельностью следует понимать профессиональную деятельность, заключающуюся:

- в оказании медицинской помощи;
- в проведении медицинских экспертиз;
- в проведении медицинских осмотров и освидетельствований;
- в осуществлении санитарно-противоэпидемических мероприятий (профилактических мероприятий);
- в трансплантации (пересадке) органов и (или) тканей;
- в обращении донорской крови и (или) ее компонентов.

Для признания медицинской деятельностью двух последних форм обязательным условием

выступает их осуществление исключительно в медицинских целях.

Под фармацевтической деятельностью в соответствии с п. 33 ст. 4 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» следует понимать деятельность, включающую в себя следующие компоненты:

- оптовую торговлю лекарственными средствами;
- осуществление их хранения;
- организацию и реализацию перевозки;
- осуществление (совместно с оптовой торговлей или отдельно от нее) розничной торговли лекарственными препаратами;
- их отпуск, хранение, перевозку и изготовление.

И здесь хотелось бы отметить, что система здравоохранения в Российской Федерации включает в себя государственные, муниципальные и частные медицинские и фармацевтические учреждения. При этом ст. 50 ФЗ об основах охраны здоровья закрепляет понятие народной медицины, фактически не относящейся ни к одной из отраслей системы здравоохранения. Часть первая данной статьи закрепляет определение термина «народная медицина», понимаемого как методы оздоровления, основанные на знаниях, умениях и практических навыках по оценке и восстановлению здоровья, которые утвердились в народном опыте. Таким образом, от частной медицинской практики нужно отличать применение народной медицины: это методы оздоровления, профилактики, диагностики и лечения, основанные на опыте многих поколений людей, утвердившиеся в народных традициях и не зарегистрированные в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Как было отмечено выше, для квалификации деяния в соответствии со ст. 235 УК РФ обязательным признаком выступает отсутствие лицензии на осуществляемый вид деятельности. Перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию, закреплен Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и постановлением Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 957 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности». Несмотря на существующий порядок получения разрешения на занятие народной медициной, в соответствии с вышеуказанными нормативными правовыми актами данный вид деятельности не относится к числу лицензируемых.

Правом на занятие народной медициной обладают граждане, получившие разрешение, выданное органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья. В свою очередь, ст. 235 УК РФ

не охватываются действия, относящиеся к народной медицине. Возникает вопрос: если действия народного «целителя» повлекли последствия для жизни или здоровья человека, то по какой главе УК РФ лицо будет привлечено к ответственности – «Преступления против жизни и здоровья» или «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»? Некоторые ученые, к примеру В.Г. Романов и И.В. Романова [17, с. 59], предусматривают возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, незаконно занимающихся народной медициной, по ст. 159 УК РФ. Согласно данной позиции лицо, заведомо не способное оказывать услуги, относимые к народной медицине, но вводящее потерпевшего в заблуждение о данных способностях с целью извлечения выгоды, осуществляет мошеннические действия.

В судебной практике встречаются случаи привлечения к уголовной ответственности по ст. 235 УК РФ за незаконное занятие народной медициной. Примером этого может выступать приговор Приволжского районного суда г. Казани № 1–554/02 в отношении гражданки Г., которая провела потерпевшему, страдающему онкологическим заболеванием, курс из восьми внутримышечных инъекций смеси физраствора с прокипяченным оплодотворенным куриным яйцом, тем самым причинив последнему вред здоровью средней степени тяжести [18].

В настоящее время повсеместное развитие информационно-телекоммуникационных технологий привело к тому, что целительство получило особую популярность. Средства массовой информации и телевидение активно пропагандируют народную медицину путем выпуска фильмов, сериалов и соответствующего контента. В социальных сетях и мессенджерах содержится множество предложений по оказанию услуг, относимых к народной медицине, в том числе лицами, не имеющими соответствующего разрешения. Статистические данные РАМН свидетельствуют, что у 95% процентов народных целителей отсутствует медицинское образование, многие из них занимаются своей деятельностью, не получив специальное разрешение, а свыше 40% нуждаются в лечении психических отклонений [19].

В ч. 7 ст. 50 ФЗ об основах охраны здоровья закрепляется положение, в соответствии с которым незаконное занятие (т.е. осуществление без получения соответствующего разрешения) народной медициной влечет за собой ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Ответственность за такие действия закреплена в ст. 6.2 КоАП РФ «Незаконное занятие народной медициной», в качестве наказания за них установлен штраф в размере от двух до четырех

тысяч рублей. В то же время следует указать, что последствия от таких действий могут иметь необратимый характер.

Возникает явный дисбаланс между общественной опасностью совершаемого деяния и наступающей ответственностью. Действительно, представляется логичным, что объектом посяательства незаконного занятия народной медициной выступают общественные отношения по охране здоровья населения, а также порядок осуществления отдельных видов деятельности. При этом фактически исследуемое деяние остается не урегулированным в уголовном законодательстве, а относительно возможности его квалификации в соответствии с общими нормами ведутся активные дискуссии.

Если обратиться к историческому опыту конструирования данной нормы, можно увидеть, что в УК РСФСР 1960 г. содержалась ст. 221 «Незаконное врачевание». С объективной стороны преступление представляло собой занятие врачеванием как профессией без надлежащего медицинского образования. Врачевание – это всегда деятельность, связанная с оказанием воздействия на здоровье конкретных лиц. Не имеющими надлежащего медицинского образования признавались лица, которые не получили специальной медицинской подготовки и звания в медицинских высших учебных заведениях. Незаконным врачеванием признавались оказание медицинской помощи, медицинский осмотр пациентов и дача рекомендаций по поводу лечения, назначение методов лечения, в том числе с помощью лекарственных препаратов, лекарственных трав и настоек из них, назначение лечения с помощью диеты или специальных физических упражнений и т. п.

По оценкам опрошенных россиян, основными проблемами российского здравоохранения видятся недостаточный уровень профессиональной подготовки врачей (43%), неполная оснащенность больниц современным оборудованием (37%) и недостаточные объемы финансирования отрасли в целом (20%) [20, с. 7].

Полагаем необходимым закрепление в УК РФ ст. 235.2 «Незаконное занятие народной медициной» в следующей редакции:

«1. Занятие народной медициной без получения разрешения, установленного законом, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное статьей 6.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, – наказывается...

2. Занятие народной медициной без получения разрешения, установленного законом, если оно повлекло по неосторожности смерть человека либо причинение тяжкого вреда его здоровью, – наказывается».

Учитывая, что народная медицина охватывает широкий диапазон видов лечения и практики, а также что в настоящее время отсутствуют обоснованные фактические данные о ее безопасности, эффективности и качестве оказания услуг, данный состав преступления целесообразно сконструировать с административной преюдицией. В науке уголовного права подход к таким видам составов неоднозначен, однако наметившаяся тенденция реформирования уголовного законодательства свидетельствует об увеличении числа подобных норм.

На основании изложенного отметим, что внесение изменений в ст. 235 и введение ст. 235.2 в УК РФ – необходимая мера реакции государства на преступления, совершаемые в обозначенных сферах, ввиду массовости их распространения, роста технологий, обеспечивающих их реализацию, и особой общественной опасности данных деяний. Действующие же нормы уголовного законодательства не в состоянии полностью отвечать целям уголовной политики нашего государства и обеспечивать эффективную борьбу с преступностью.

1. Ассоциация менеджеров медицинских организаций [Электронный ресурс]. URL: <https://hospitalmanagers.ru/> (дата обращения: 02.08.2023).

2. Рейтинге российских фармдистрибьюторов по итогам 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://dsm.ru/> (дата обращения: 02.08.2023).

3. С 1 сентября 2023 года лекарства смогут изготавливать только аптеки. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

4. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

5. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1318 (утратили силу).

6. Малахова М.М. Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.

7. Уголовное право: учеб. / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.

8. Сичкаренко А.Ю. Объект незаконного занятия частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (ст. 235 УК РФ) // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 3.

9. Воронин В.Н. Незаконное ведение фармацевтической деятельности: признаки состава преступления и его недостатки // Уголовный процесс. 2019. № 7.

10. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (научно-практический, постатейный) / под ред. Н.Г. Кадникова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

11. Качество уголовного закона: проблемы Особенной части / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2017.

12. Рарог А.И., Хельманн У., Головненков П.В. Фармацевтическое уголовное право Германии и России // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1(19).

1. Association of managers of medical organizations [Web resource]. URL: <https://hospitalmanagers.ru/> (date of access: 02.08.2023).

2. Rating of Russian pharmaceutical distributors based on the results of 2020 [Web resource]. URL: <https://dsm.ru/> (date of access: 02.08.2023).

3. From September 1, 2023, only pharmacies will be able to manufacture medicines. Access from the reference legal system "Garant".

4. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Web resource]. URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 10.08.2023).

5. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the protection of the health of citizens d.d. July 22, 1993 No. 5487-1 // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993 No. 33. Art. 1318 (abolished).

6. Malakhova M.M. Illegal private medical practice or private pharmaceutical activity: author. abstr. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Rostov-on-Don, 2008.

7. Criminal law: textbook / ed. by N.I. Vetrov, Yu.I. Lyapunov. 3rd ed., rev. and augm. Moscow, 2004.

8. Sichkarenko A.Yu. The object of illegal private medical practice or private pharmaceutical activity (article 235 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Problems of economics and legal practice. 2009. No. 3.

9. Voronin V.N. Illegal conduct of pharmaceutical activities: signs of a crime and its shortcomings // Criminal process. 2019. No. 7.

10. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical, article-by-article) / ed. by N.G. Kadnikov. 6th ed., rev. and augm. Moscow, 2019.

11. The quality of the criminal law: problems of the Special Part / resp. ed. A.I. Rarog. Moscow, 2017.

12. Rarog A.I., Helmann U., Golovnenkov P.V. Pharmaceutical criminal law of Germany and Russia // Library of criminal law and criminology. 2015. No. 1(19).

13. Appeal decision of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan No. 22-2855/2019 d.d. June 10, 2019 in case No. 22-2855/2019 [Web

13. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан № 22–2855/2019 от 10 июня 2019 г. по делу № 22–2855/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

14. Толковый словарь современного русского языка / сост. Д.Н. Ушаков. М., 2013.

15. Шалагин А.Е. О некоторых особенностях квалификации и предупреждения преступлений, предусмотренных ст. ст. 235 и 236 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1.

16. Постановление Советского районного суда г. Махачкалы (Республики Дагестан) № 1–746/2018 от 16 окт. 2018 г. по делу № 1–746/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.08.2023).

17. Романов В.Г., Романова И.В. Социальное мошенничество "COVID-19" и манипулятивные технологии социальной инженерии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. № 9.

18. Приговор Приволжского районного суда г. Казани № 1–554/02 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 08.08.2023).

19. Малаховская М.В., Ленская Л.Г., Цап Н.Г. Институциональные и технологические основы модернизации здравоохранения (на примере здравоохранительного сектора Томской области). Томск, 2016.

20. Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации. М., 2019.

resource]. URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 10.08.2023).

14. Explanatory dictionary of the modern Russian language / comp. D.N. Ushakov. Moscow, 2013.

15. Shalagin A.E. On some features of the qualification and prevention of crimes under art. 235 and 236 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of economics, law and sociology. 2012. No. 1.

16. Decision of the Sovetsky District Court of Makhachkala (Republic of Dagestan) No. 1-746/2018 d.d. Oct. 16, 2018 in case No. 1-746/2018 [Web resource]. URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 05.08.2023).

17. Romanov V.G., Romanova I.V. Social fraud "COVID-19" and manipulative technologies of social engineering // Bulletin of the Transbaikal State University. 2020. No. 9.

18. Verdict of the Privolzhsky District Court of Kazan No. 1-554/02 [Web resource]. URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 08.08.2023).

19. Malakhovskaya M.V., Lenskaya L.G., Tsap N.G. Institutional and technological foundations for the modernization of healthcare (on the example of the healthcare sector of the Tomsk region). Tomsk, 2016.

20. Current trends in the healthcare system of the Russian Federation. Moscow, 2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина; e-mail: LVInogamova-Khegaj@msal.ru;

Густова Элла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; e-mail: ellagustova@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

L.V. Inogamova-Khegaj, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University; e-mail: LVInogamova-Khegaj@msal.ru;

E.V. Gustova, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ellagustova@mail.ru

---

Кобец Петр Николаевич

Законодательные основы государств – участников Содружества Независимых Государств, направленные на защиту общественных отношений в сфере трансплантологии

Используя метод юридической компаративистики, автор рассмотрел законодательство государств – участников СНГ в сфере трансплантологии, обосновал необходимость исследования проблемных вопросов в исследуемой области законодательной и правоприменительной практики.

Ключевые слова: законодательные основы, правовое регулирование, донорский материал, трансплантационные операции, нормативно-правовая база, незаконная трансплантация, противодействие преступности, совершенствование законодательства, зарубежное законодательство, правотворческая деятельность.

Legislative framework of the member states of the Commonwealth of Independent States, aimed at protecting public relations in the field of transplantation

Using the method of legal comparative studies, the author reviewed the legislation of the CIS member states in the field of transplantology, substantiated the need to study problematic issues in the area of legislative and law enforcement practice under study.

Keywords: legislative bases, legal regulation, donor material, transplantation operations, regulatory framework, illegal transplantation, crime prevention, improvement of legislation, foreign legislation, law-making activity.

В конце XX – начале XXI в. вследствие стремительного научно-технического прогресса, которым было охвачено большинство сфер жизнедеятельности общества, медицинская сфера получила энергичное развитие и стала оснащаться передовыми техническими средствами. Стоит отметить, что в начале нового тысячелетия в медицине начали не только массово использовать техническое оснащение, но и применять последние разработки сферы высоких технологий, оказавшие положительное воздействие на развитие трансплантологии. При этом проблема наличия необходимого для проведения трансплантационных медицинских операций количества донорского материала, полученного на основе принципов добровольности в 20-х гг. XXI столетия, так и не разрешена.

В рамках рассматриваемой темы имеет особое значение то, что трансплантология тесно связана с соматическими правами человека – группой прав по распоряжению людьми собственным телом. Поэтому представители правовой науки все чаще обращаются к исследованию проблематики трансплантации. Нельзя

не указать также, что изучение и познание актуальных правовых вопросов трансплантологии важно не только для совершенствования теории права, но и для того, чтобы продолжать развивать и модернизировать юридическую практику [1, с. 15].

В связи с этим среди задач правовой науки в сфере донорства и трансплантации важнейшей остается совершенствование законодательных норм, которые бы позволяли всем без исключения гражданам иметь право самостоятельного решения вопроса отбора из их тел после смерти трансплантатов для последующих медицинских операций по пересадке нуждающимся лицам [2, с. 5]. Ввиду важности мер уголовно-правового противодействия преступности в обозначенной области автором проведен комплексный анализ законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество), регулирующего общественные отношения в сфере трансплантологии.

Обзор законодательства государств – участников СНГ в рассматриваемой сфере свидетельствует о том, что в большинстве правовых

норм к преступлениям против личности отнесены действия по принуждению людей к донорству.

Так, в ст. 137 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики 1999 г. (далее – УК Азербайджана), состоящей из шести частей, криминализованы не только незаконное донорство и трансплантация, но также отбор донорских органов без согласия и по принуждению. Проблемы, связанные с торговлей донорским материалом, тоже нашли отражение в ст. 137 УК Азербайджана. Данная уголовно-правовая норма регламентирует ответственность за куплю и продажу донорского материала и предусматривает специальную цель преступления, которая состоит в трансплантации органов и тканей. Еще более подробно о торговле донорским материалом говорится в ст. 137.1 УК Азербайджана. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 115 УК Азербайджана уголовной ответственности подлежит «жестокое либо бесчеловечное обращение с военнопленными, применение к ним пыток, проведение медицинских, биологических и других исследований, в том числе изъятие органов для трансплантации» [3].

В соответствии со ст. 115.1 Уголовного кодекса Республики Узбекистан 1994 г. (далее – УК Узбекистана) уголовно наказуемыми являются деяния, связанные с принуждением человека к согласию на изъятие у него органов и (или) тканей для трансплантации. А согласно ст. 133 данного Кодекса, криминализирующей деяния, связанные с изъятием донорского материала, подлежат уголовному наказанию нарушение установленных условий и «порядка изъятия и трансплантации органов и тканей человека, а равно изъятие органов или тканей умершего человека для консервации в научных или учебных целях без его прижизненного согласия» [4]. Также на основании ст. 133.2 УК Узбекистана установлен уголовный запрет на вывоз за пределы Республики Узбекистан трансплантируемых органов и тканей человека.

В Уголовном кодексе Туркменистана 1997 г. вопросы незаконной трансплантации и донорства предусмотрены ст. 129.1 «Торговля людьми», на основании ч. 2 которой уголовной ответственности подлежит торговля людьми в целях изъятия у жертвы органов и тканей для трансплантации [5].

В Республике Казахстан меры уголовной ответственности за изъятие донорского материала у живых людей и трупов для проведения трансплантационных операций закреплены в разных статьях уголовного законодательства. В частности, согласно ст. 116 Уголовного кодекса

Республики Казахстан 2014 г. (далее – УК РК) уголовно наказуемыми признаются «принуждение к изъятию или незаконное изъятие органов и тканей живого лица для трансплантации либо иного использования», а в соответствии со ст. 315 – «незаконное изъятие органов или тканей трупа человека для трансплантации либо иного использования» [6]. 11 мая 2007 г. Верховным Судом Республики Казахстан было принято Нормативное постановление № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека» [7]. Кроме того, в целях обеспечения правильного и единообразного применения законов Республики Казахстан и международных договоров, ратифицированных Республикой Казахстан, связанных с торговлей людьми, 29 декабря 2012 г. Верховным Судом Республики Казахстан принято Нормативное постановление № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми» [8].

Также необходимо отметить, что меры уголовной ответственности, связанные с трансплантацией донорских органов, предусматриваются п. 7 ч. 2 ст. 128 УК РК, запрещающей куплю-продажу или совершение иных сделок в отношении лица, а равно его эксплуатацию либо вербовку, перевозку, передачу, укрывательство, получение, а также совершение иных деяний в целях изъятия органов или тканей потерпевшего для трансплантации или иного использования. Согласно п. 6 ч. 2 ст. 35 УК РК признаются уголовно наказуемыми купля-продажа или совершение иных сделок в отношении несовершеннолетних, а равно их эксплуатация либо вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение, а также совершение иных деяний в целях изъятия у потерпевших донорского материала для трансплантации. Перечисленные в ст. 128 и 135 УК РК составы были введены Законом Республики Казахстан от 27 декабря 2019 г. № 292-VI [9].

В Уголовном кодексе Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. (далее – УК Республики Молдова) в п. б ч. 2 ст. 137 «Военные преступления в отношении лиц» предусмотрены меры уголовной ответственности за «подвержение лица, охраняемого международным гуманитарным правом, в рамках международного либо немеждународного вооруженного конфликта серьезной опасности для жизни или здоровья посредством изъятия тканей или органов для трансплантации, за исключением взятия крови или кожи для использования в терапевтических целях в соответствии с обще-

принятыми медицинскими нормами и при добровольном, ясном и предварительном согласии лица» [10]. Согласно ст. 158 УК Республики Молдова подлежит наказанию осуществление торговли человеческими органами, тканями и клетками, а в соответствии со ст. 213-1 – рекламная деятельность, проводимая в целях незаконного получения человеческих органов, тканей и клеток.

Уголовным законодательством Республики Молдова подробнейшим образом регламентированы меры уголовной ответственности в случаях совершения противоправных деяний, связанных с торговлей донорским материалом. Важно указать, что молдавские законодатели увеличили количество предметов преступления, предусмотренных ст. 158 УК Республики Молдова, включив в их состав не только отдельные органы, но также клетки и части органов. Объективная сторона рассматриваемого уголовно-правового состава не допускает не только продажу или покупку отобранного донорского материала, «но в том числе и его хищение, незаконное использование, хранение, владение, передачу, получение, импорт, экспорт, транспортировку таковых» [11, с. 195]. Кроме того, рассматриваемый состав содержит широкий перечень квалифицированных и особо квалифицированных видов данного противоправного деяния.

Важно отметить, что в ряде государств – участников стран СНГ проблемы, связанные с трансплантологией, регулируются не только кодифицированными уголовно-правовыми актами, но и отдельными законами.

Так, в пришедшем на смену Закону Республики Кыргызстан от 2 июля 1992 г. № 943-XII «Об охране здоровья народа в Республике Кыргызстан» новом законодательном акте – Законе Кыргызской Республики от 9 января 2005 г. № 6 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике» специально предусмотрена ст. 42 «Изъятие органов и (или) тканей человека для трансплантации» [12], в которой отмечается, что органы и ткани человека не могут быть предметом купли, продажи и коммерческих сделок, а лица, участвующие в подобной деятельности, должны быть привлечены к уголовной ответственности. Также данная норма запрещает принуждать лиц к изъятию донорского материала.

Необходимо отметить, что Законом Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 126 был введен в действие новый Уголовный кодекс Кыргызской Республики, в котором предусмотрена ответственность за принуждение

к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 140), за нарушение установленного законом порядка проведения трансплантации органов или тканей человека, а равно за незаконную торговлю ими (ст. 141). В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 167 «Торговля детьми» подлежит уголовному наказанию совершение данного деяния с целью изъятия у лица органов или тканей для трансплантации [13]. Пунктами 4 и 5 ч. 2 ст. 165 «Похищение человека» предусмотрена уголовная ответственность за совершение указанных деяний с целью изъятия у лица органов или тканей для трансплантации и с целью изъятия у умершего человека органов или тканей для трансплантации.

Среди нормативных правовых актов, которыми регламентированы вопросы трансплантации в Республике Таджикистан, прежде всего выделяется законодательный акт, обладающий высшей юридической силой, – Конституция Республики Таджикистан (далее – Конституция Таджикистана). Согласно ст. 18 Конституции Таджикистана каждому гражданину принадлежит право на свободу и личную неприкосновенность [14].

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан 1998 г. (далее – УК Таджикистана) ст. 121 предусмотрена ответственность за нарушение условий и порядка изъятия органов или тканей человека либо условий и порядка трансплантации, закрепленных законом, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью донора или реципиента. Согласно ст. 122 УК Таджикистана наказывается принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации. А в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 130 УК Таджикистана предусмотрена уголовная ответственность за деяния, связанные с похищением человека, совершенные в целях изъятия у потерпевших органов и тканей для трансплантации [15]. Торговля детьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации в соответствии с п. «д» ч. 2 ст. 167 УК Таджикистана также подлежит уголовной ответственности.

Нормативная база Республики Беларусь, регулирующая вопросы донорства и трансплантации, основывается на законах Республики Беларусь «О здравоохранении» (ст. 37), «О трансплантации органов и тканей человека», «О погребении и похоронном деле» и «О регистре населения» [16, с. 340]. Одной из отличительных черт рассматриваемых законодательных норм выступает презумпция согласия, закрепленная в ст. 11 Закона Республики Бе-

ларусь «О трансплантации органов и тканей человека», в соответствии с которой забор органов у трупа разрешен с момента констатации смерти, если отсутствовало предварительно зарегистрированное письменное заявление о несогласии на забор органов для трансплантации после смерти, а также если близкие родственники умирающего человека не выразили свое несогласие на забор органов в устной или письменной форме [17]. В подобной ситуации, если таких родственников нет или они не имеют возможности общения с врачом, считается, что согласие получено.

В то же время белорусские эксперты полагают, что законодательные основы трансплантологии в их стране развиты недостаточно [18, с. 45].

Уголовное законодательство Республики Беларусь, в частности Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК РБ), содержит несколько составов, предусматривающих уголовную ответственность в сфере трансплантации и донорства. Так, согласно п. 9 ч. 2 ст. 139 УК РБ «Убийство» подлежит наказанию совершение данного деяния для получения трансплантата либо использования частей трупа. Пункт 4 ч. 2 ст. 147 УК РБ «Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения» предусматривает наказание в случаях совершения указанных деяний для получения донорского материала. А за совершение незаконных действий, связанных с принуждением к даче органов или тканей для трансплантации, ответственность предусмотрена ст. 163 УК РБ. Нарушение условий и порядка забора или трансплантации органов или тканей человека в рассматриваемой стране наказывается в соответствии со ст. 164 УК РБ. Похищение человека, которое совершается с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации, наказывается в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 182 УК РБ. Также белорусские законодатели не оставили без внимания противоправные деяния, связанные с незаконным изъятием органов или тканей у умершего донора, которые наказываются в соответствии со ст. 348 УК РБ [19].

Обращаясь к уголовному законодательству Российской Федерации, в частности Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ), мы убеждаемся, что в нем также установлены меры уголовной ответственности за ряд следующих деяний в рассматриваемой сфере:

п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство в целях использования органов и тканей потерпевшего; п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей потерпевшего; ст. 120 УК РФ – принуждение к изъятию органов и (или) тканей человека для трансплантации; п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ – торговля людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей [20]. В ст. 120 УК РФ предусмотрены меры ответственности в случае совершения общественно опасных действий в области трансплантации, которые связаны с принуждением к изъятию донорского материала [21, с. 27]. В то же время «отечественные правоведы не имеют единой позиции относительно насилия, принуждения, понуждения, согласия потерпевшего на отчуждение у него донорского материала» [22, с. 184].

Если сравнивать приведенные уголовно-правовые нормы законодательства государств – участников СНГ в области трансплантологии с положениями УК РФ, можно отметить что в российском уголовном законодательстве отдельные проблемы в данной сфере решены не в полной мере. К примеру, российское уголовное законодательство не содержит мер уголовной ответственности за куплю-продажу органов и тканей, клеток, эмбрионов человека и совершение иных сделок с трансплантатами. Кроме того, существует необходимость проработки мер уголовно-правового регулирования в области изъятия донорского материала для проведения операций по трансплантации [23, с. 71].

В заключение отметим, что новейшие биомедицинские технологии в первую очередь связаны с трансплантацией донорского материала, поэтому их развитие происходит намного активнее других аналогичных направлений медицины. В государствах – участниках СНГ разработаны довольно действенные уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за незаконный отбор донорских органов, а также противоправную деятельность, связанную с их куплей-продажей, с принуждением к трансплантации и др. Сегодня совершенно очевидно, что законодателями было принято правильное решение криминализировать обозначенные выше деяния, поскольку противоправная деятельность в сфере трансплантологии получила самое широкое распространение в большинстве государств мира.

1. Трунцевский Ю.В. Криминальные угрозы в сфере фармацевтики и биотехнологий: международный опыт // *Медицинское право*. 2016. № 1. С. 10–16.

2. Кобец П.Н. Совершенствование основных направлений по противодействию незаконной трансплантации органов и тканей человека // *Медицинское право*. 2022. № 2. С. 3–7.

3. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]: утв. Законом Азербайджанской Республики от 30 дек. 1999 г. № 787-IQ (с изм. и доп. по сост. на 22.06.2022) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 11.12.2022).

4. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2012-XII (с изм. и доп. по сост. на 02.09.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 11.12.2022).

5. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изм. и доп. по сост. на 13.11.2021) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 11.12.2022).

6. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 03.09.2022) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 11.12.2022).

7. О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека [Электронный ресурс]: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 г. № 1 (с изм. и доп. по сост. на 11.12.2020). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30105456#sub_id=1900 (дата обращения: 11.12.2022).

8. О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми [Электронный ресурс]: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 дек. 2012 г. № 7 (с изм. и доп. по сост. на 08.12.2021). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31316980#sub_id=1300 (дата обращения: 11.12.2022).

9. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности: закон Республики Казахстан от 27 дек. 2019 г. № 292-VI [Электронный ресурс].

1. Truntsevsky Yu.V. Criminal threats in the field of pharmaceuticals and biotechnology: international experience // *Medical law*. 2016. No. 1. P. 10–16.

2. Kobets P.N. Improving the main directions for counteracting illegal transplantation of human organs and tissues // *Medical law*. 2022. No. 2. P. 3–7.

3. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan [Web resource]: approved by the Law of the Republic of Azerbaijan d.d. Dec. 30, 1999 No. 787-IQ (as amended on 22.06.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (date of access: 11.12.2022).

4. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan [Web resource]: approved by the Law of the Republic of Uzbekistan d.d. Sept. 22, 1994 No. 2012-XII (as amended on 02.09.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (date of access: 11.12.2022).

5. Criminal Code of Turkmenistan d.d. June 12, 1997 No. 222-I (as amended on 13.11.2021) [Web resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (date of access: 11.12.2022).

6. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan d.d. July 3, 2014 No. 226-V (as amended on 03.09.2022) [Web resource]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (date of access: 11.12.2022).

7. On the qualification of certain criminal offenses against human life and health [Web resource]: Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan d.d. May 11, 2007 No. 1 (as amended on 11.12.2020). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30105456#sub_id=1900 (date of access: 11.12.2022).

8. On the practice of applying legislation establishing liability for trafficking in persons: Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan d.d. Dec. 29, 2012 No. 7 (as amended on 08.12.2021). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31316980#sub_id=1300 (date of access: 11.12.2022).

9. On amendments and additions to certain legislative acts of the Republic of Kazakhstan on improving criminal, criminal procedure legislation and strengthening the protection of individual rights [Web resource]: Law of the Republic of Kazakhstan d.d. Dec. 27, 2019 No. 292-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39975530 (date of access: 11.12.2022).

10. Criminal Code of the Republic of Moldova d.d. Apr. 18, 2002 No. 985-XV (as amended on 21.07.2022) [Web resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (date of access: 11.12.2022).

URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39975530 (дата обращения: 11.12.2022).

10. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. по сост. на 21.07.2022) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 11.12.2022).

11. Шавловская В.В. Ответственность за торговлю органами, тканями и клетками: зарубежный взгляд // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 7. С. 194–198. DOI 10.23672/b8908-8841-4164-e.

12. Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]: закон Кыргызской Республики от 9 янв. 2005 г. № 6 (в ред. Закона КР от 15.09.2021 № 119). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1602?cl=ru-ru> (дата обращения: 11.12.2022).

13. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 окт. 2021 г. № 126 (в ред. Законов КР от 18.01.2022 № 4, 01.04.2022 № 22, 16.06.2022 № 45, 30.06.2022 № 51) [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru> (дата обращения: 11.12.2022).

14. Конституция Республики Таджикистан (в ред. референдума от 26.09.1999, 22.06.2003, 22.05.2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adliya.tj/ru/constitution?ysclid=lbrv68r2jt78710723> (дата обращения: 11.12.2022).

15. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по сост. на 19.07.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 11.12.2022).

16. Сидельников А.А., Ивашкевич Е.Ф. Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в Республике Беларусь и Российской Федерации // X Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 14 окт. 2016 г. Витебск, 2016. С. 339–341.

17. О трансплантации органов и тканей человека: закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-З (с изм. и доп.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2001. 2/576.

18. Бурко Л.А. К вопросу о правовом обеспечении трансплантации органов и тканей человека в Республике Беларусь // Новая наука в интерпретации современного образовательного процесса: сб. науч. тр. / под ред. С.В. Кузьмина. Казань, 2017. С. 43–46.

11. Shavlovskaya V.V. Responsibility for trade in organs, tissues and cells: a foreign view // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. No. 7. P. 194–198. DOI 10.23672/b8908-8841-4164-e.

12. On protecting the health of citizens in the Kyrgyz Republic: Law of the Kyrgyz Republic d.d. Jan. 9, 2005 No. 6 (as amended by the Laws of the Kyrgyz Republic on 15.09.2021 No. 119) [Web resource]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1602?cl=ru-ru> (date of access: 11.12.2022).

13. Criminal Code of the Kyrgyz Republic d.d. Oct. 28, 2021 No. 126 (as amended by the Laws of the Kyrgyz Republic on 18.01.2022 No. 4, 01.04.2022 No. 22, 16.06.2022 No. 45, 30.06.2022 No. 51) [Web resource]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru> (date of access: 11.12.2022).

14. The Constitution of the Republic of Tajikistan (as amended by the referendum on 26.09.1999, 22.06.2003, 22.05.2016) [Web resource]. URL: <https://www.adliya.tj/ru/constitution?ysclid=lbrv68r2jt78710723> (date of access: 11.12.2022).

15. Criminal Code of the Republic of Tajikistan d.d. May 21, 1998 No. 574 (as amended on 19.07.2022) [Web resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (date of access: 11.12.2022).

16. Sidelnikov A.A., Ivashkevich E.F. Legal regulation of transplantation of human organs and tissues in the Republic of Belarus and the Russian Federation // X Masherov readings: proc. of the intern. sci. and practical conf. of students, graduate students and young scientists, Vitebsk, Oct. 14, 2016. Vitebsk, 2016. P. 339–341.

17. On transplantation of human organs and tissues: Law of the Republic of Belarus d.d. March 4, 1997, No. 28-Z (amended) // Nat. register of legal acts Rep. Belarus. 2001. 2/576.

18. Burko L.A. On the issue of legal support for transplantation of human organs and tissues in the Republic of Belarus // New science in the interpretation of the modern educational process: coll. of sci. papers / ed. by S.V. Kuzmin. Kazan, 2017. P. 43–46.

19. Criminal Code of the Republic of Belarus d.d. July 9, 1999 No. 275-3 (as amended on 13.05.2022) [Web resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=6;-106#pos=6;-106 (date of access: 11.12.2022).

20. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on 21.11.2022) [Web resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 11.12.2022).

21. Kobets P.N. The main factors determining the need for legislative improvement of the

19. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 13.05.2022) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 11.12.2022).

20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21.11.2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.12.2022).

21. Кобец П.Н. Основные факторы, определяющие необходимость законодательного совершенствования института трансплантации органов и тканей человека, и меры по их нейтрализации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3(53). С. 26–31.

22. Савельева О.Ю. Уголовная ответственность за преступления против личности, связанные с изъятием и использованием органов и тканей человека // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 3(3). С. 183–186.

23. Бражников Д.А., Кобец П.Н. Обеспечение безопасности населения Российской Федерации в процессе совершенствования методов борьбы с незаконным изъятием органов или тканей человека для их трансплантации // *Ius Publicum et Privatum*. 2022. № 1(16). С. 68–77. DOI 10.46741/2713-2811.2022.16.1.006.

institute of human organ and tissue transplantation and measures to neutralize them // Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA. 2021. No. 3(53). P. 26–31.

22. Savelyeva O.Yu. Criminal liability for crimes against a person related to the seizure and use of human organs and tissues // *Vector of Science of the Togliatti State University*. 2010. No. 3(3). P. 183–186.

23. Brazhnikov D.A., Kobets P.N. Ensuring the safety of the population of the Russian Federation in the process of improving methods of combating the illegal removal of human organs or tissues for transplantation // *Ius Publicum et Privatum*. 2022. No. 1(16). P. 68–77. DOI 10.46741/2713-2811.2022.16.1.006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России; e-mail: pkobets37@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

P.N. Kobets, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Chief Researcher, National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: pkobets37@rambler.ru

---

Антикоррупционная политика России в эпоху перемен

Проводится анализ применения действующего законодательства, направленного на противодействие коррупции, которое было разработано под влиянием международных организаций и в соответствии с международно-правовыми стандартами. Ставится вопрос о необходимости радикализации мер противодействия преступлениям коррупционной направленности и ответственности коррупционеров. Автор предлагает существенно ужесточить уголовное наказание для коррупционеров, чьи действия непосредственно подрывают обороноспособность и суверенитет России.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, суверенитет, смертная казнь, уголовно-правовые меры.

Russia's anti-corruption policy in an era of change

An analysis is made of the application of current anti-corruption legislation, which was formed under the influence of international organizations and in accordance with international legal standards. The question is raised about the need to radicalize measures to counter corruption crimes and the responsibility of corrupt officials. The author proposes to significantly tighten criminal penalties for corrupt officials whose actions directly undermine the defense capability and sovereignty of Russia.

Keywords: anti-corruption policy, sovereignty, death penalty, criminal law measures.

На сегодня новый курс уголовной политики формируется в новой геополитической ситуации и с новым позиционированием России на мировой арене. Налицо открытая конфронтация с объединенным Западом, имеющая выход на военное противостояние. Это не может не сказаться на средствах проводимой государством уголовной политики, включая радикализацию мер уголовно-правового противодействия коррупции.

Антикоррупционная уголовная политика находится в тесной связи с обеспечением экономической безопасности [см.: 1–7], поскольку именно теневая экономика и ее потенциал питают большую часть коррупционеров как в России, так и за ее пределами.

В новую эпоху появились новые особенности реализации мер по борьбе с коррупцией, связанные прежде всего с международно-правовым аспектом. Ранее антикоррупционная политика проводилась с оглядкой на рекомендации ГРЕКО¹,

¹ Группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) – международная организация, созданная Советом Европы в 1999 г. Ее основной целью является помощь странам-участницам в борьбе с коррупцией. ГРЕКО устанавливает антикоррупционные стандарты (требования) для деятельности государства и контролирует соответствие практики этим стандартам; помогает обнаружить недостатки в национальной антикоррупционной политике и предлагает необходимые законодательные, институциональные или оперативные меры; предоставляет площадку для обмена решениями в области обнаружения и предотвращения фактов коррупции. См.: URL: <https://www.coe.int/en/web/greco> [8]; <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 16.06.2023).

МАНИВЭЛ², Венецианской комиссии³ и ЕСПЧ⁴, диктовавших свои подходы в этой области.

Следует признать, что во взаимодействии с международными организациями и с учетом международных правовых стандартов в России поменялась инфраструктура противодействия коррупции. За прошедшие годы унифицирован предмет в составах коррупционных преступлений, конкретизированы уголовно наказуемые проявления коррупционного поведе-

² Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег (МАНИВЭЛ) – региональная группа по типу ФАТФ, в задачу которой входит распространение политики международных стандартов в области противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) на страны Европы. МАНИВЭЛ является подкомитетом Европейского комитета Совета Европы по проблемам преступности (CDPC). См.: URL: <https://www.coe.int/en/web/moneyval> [9]; <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 16.06.2023).

³ Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) – консультативный орган по конституционному праву, созданный при Совете Европы в 1990 г. С 2002 г. участвовать в работе комиссии могут и страны, не входящие в Совет Европы. Сессии проходят в Венеции, откуда и неофициальное название комиссии. См.: URL: <https://www.venice.coe.int/webforms/events/> [10]; <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 16.06.2023).

⁴ Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) – международный судебный орган, юрисдикция которого распространяется на все государства – члены Совета Европы, ратифицировавшие Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, рассматривающий все вопросы, относящиеся к толкованию и применению конвенции, включая межгосударственные дела и жалобы отдельных лиц. См.: URL: <https://www.echr.coe.int/> [11]; <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 16.06.2023).

ния лиц в государственном и частном секторах, уравнена их ответственность (ст. 184, 200.7, 204–204.2, 290–291.2, 304 УК РФ), созданы условия для предупреждения преступлений при проведении государственных закупок и заключении крупных государственных контрактов (ст. 200.4–200.6 УК РФ), уточнены признаки посягательств на избирательные права граждан (ст. 141, 142, 142.2 УК РФ).

Заметим, что и ранее антикоррупционная политика проводилась Россией с учетом особенностей национальной правовой традиции, что вытекает из опубликованных отчетов ГРЕКО⁵.

Россией не была выполнена одна из ключевых рекомендаций, закрепленных в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (подписана Российской Федерацией 27 января 1999 г., ратифицирована 26 июля 2006 г.), касающаяся решения вопроса о конфискации имущества коррупционеров в рамках уголовного процесса через возложение на обвиняемого бремени доказывания законности происхождения его имущества. Уже в этом наметился национальный тип антикоррупционной политики России. Теперь он раскрылся в полной мере.

С момента начала вынужденной специальной военной операции Россия вышла из Совета Европы и Европейской конвенции по правам человека 15 марта 2022 г., из-под юрисдикции ЕСПЧ 16 сентября 2022 г.⁶ После решения Комитета Министров Совета Европы о лишении нашей страны права участия и обсуждения докладов, права голоса в Группе государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) Президент России провел ревизию дискриминационных (в отношении России) условий международного сотрудничества и предложил проект антикоррупционной политики, независимый от внешнего мониторинга и международных стандартов противодействия коррупции⁷. Таким образом, 9 января 2023 г. политическим решением о выхо-

де России из ГРЕКО и денонсации Конвенции по противодействию коррупции была закреплена суверенность российской антикоррупционной политики, нормативное закрепление эта установка получит с принятием соответствующего федерального закона.

Теперь российский законодатель при реализации уголовной антикоррупционной политики не связан ограничениями международно-правового характера. В связи с этим мы предлагаем вернуться к обсуждению вопроса о возможности введения смертной казни для коррупционеров, нанесших особый вред интересам России, в том числе в сфере обороны.

Опыт применения крайних мер в деле противодействия коррупции в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни двух видов наработан в Китае [13, 14], ему последовал Таиланд.

Ученые отмечают особенности правоприменительной практики Китая, а именно идею устрашения, лежащую в основе эффективности антикоррупционной политики КНР, и характерные ее черты: «стремление ликвидировать коррупцию в КНР основано на использовании радикальных средств уголовно-правового характера», «применение смертной казни носит публичный характер и транслируется СМИ, благодаря чему поддерживается "высокое давление" запрета на совершение коррупционного преступления и решается задача искоренения коррупции», «борьба с коррупцией осуществляется во взаимодействии с гражданским обществом» [14]. Мы склонны согласиться с тем, что «наказание всегда было, есть и будет мерой, которую общество использует для измерения человека и его поведения. Масштабы измерения меняются, а суть остается» [15].

В истории России радикальные меры в борьбе с коррупцией уже применялись. Наказание в виде смертной казни грозило «чинам» за посулы казенные и с народа согласно Указу Петра Первого от 24 декабря 1714 г.⁸ Оценка результатов проводимой политики того времени неоднозначна [16], однако предупредительный «устрашающий» эффект очевиден. Несмотря на заслуги перед отечеством и государством, за взяточничество, сопровождающееся совершением преступления, виновному грозила смертная казнь. В XVIII в. за неисполнение требований ревизионной коллегии Сената в определенных случаях (при злоупотреблениях, имеющих отношение к финансам государства)

⁸ Именной указ от 24 дек. 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/57565476/> (дата обращения: 16.06.2023).

⁵ Из доклада ГРЕКО от 26 августа 2020 г.: «Из 22 рекомендаций Российской Федерацией 9 были выполнены в полном объеме, еще 9 – выполнены частично, полностью невыполненными остались 4 рекомендации». См.: URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_otchet_o_vypolnenii_rossiey_rekomendatsiy_greko_ (дата обращения: 16.06.2023) [12].

⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 3940.

⁷ Законопроект № 272467-8 «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию», внесенный Президентом РФ В. Путиным на рассмотрение в Государственную Думу 9 янв. 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/272467-8> (дата обращения: 16.06.2023).

могли быть оштрафованы воеводы и даже губернаторы. Примеры из практики Сената времен от Петра Великого до Екатерины Второй описывает В.М. Грибовский. Исследователь разбирает ситуацию, когда был «колесован за взятки, потачку, посулы, похлебство, вымогательство и прочее» «обер-фискал Нестеров, заявивши сперва себя многими заслугами», в мотивировочной части обвинительного приговора указывалось: «Что, в конце концов, мог думать народ о должности» [17, с. 25, 262–283]. Самые суровые меры ответственности обеспечивали охрану не только казны, но и авторитета государевой службы. Однако ученый отмечает, что «в злоупотреблениях по службе тем строже наказывался виновный, чем ниже он был чином» [17, с. 127], называя это принципом назначения наказания высшим судом Сената, который, по мнению В.М. Грибовского, «вообще сторонился донесений о злоупотреблении должностных лиц и проявлял равнодушные к утеснению и обидам обывателей» [17, с. 73]. Это обстоятельство вынудило императрицу (Екатерину Вторую) усилить контроль над деятельностью Сената по суду и надзору [17, с. 120]. Вместе с тем наиболее часто принимаемые решения по частным делам, таким как учинение майором Перевераевым притеснений просителю Давыдовой, связаны с отстранением чиновника от должности – «надлежащее производство и решения чинить как наивозможно не продолжая более положенного по генеральному регламенту сроку» [17, с. 105]. Приведен образец затягивания процесса привлечения к ответственности коррупционера – следователя Крымова на четыре года: арестован в Иркутске 20 ноября 1760 г., дело велось в Санкт-Петербурге, приказ о передаче его суду состоялся 25 мая 1761 г., указ о его вине и назначении наказания подписан в начале февраля 1764 г. [17, с. 83, 85]. В этом примере представлен узаконенный порядок применения смертной казни к коррупционерам в истории России, отстранения от должности по частным мелким делам и затягивания процесса производства по коррупционным делам. Установление за коррупцию радикальной законодательной меры – явление не случайное. За совершение преступления нарушившему служебный долг чиновнику могло быть назначено наказание в виде смертной казни, даже невзирая на его прежние заслуги перед отечеством и государем.

Приведем несколько примеров рассмотрения дел коррупционной направленности в разных регионах России.

Ахматовским районным судом г. Грозного рассмотрено уголовное дело № 1-53/2021 в отношении сотрудника правоохранительных органов М-Б.М., использовавшего свое служебное положение для получения взятки в сумме 100 000 руб. за незаконное бездействие. М-Б.М. признан виновным в совершении преступления по ч. 3 ст. 290 УК РФ с назначением наказания в виде лишения свободы на 3 года с лишением права занимать должности в правоохранительных органах⁹.

18 октября 2021 г. вступил в силу обвинительный приговор по ч. 2 ст. 290, ч. 2 ст. 290 УК РФ (дело № 1-115/2021), вынесенный Байсангуровским районным судом г. Грозного в отношении ветеринарного фельдшера Зебер-Юртовского ветеринарного участка «Республиканской ветеринарной станции» Управления ветеринарии Правительства Чеченской Республики А.А.Л. Виновный, исполняя обязанности заведующего учреждением, получил взятку в сумме 30 000 руб. за выдачу в ускоренном режиме сопроводительного документа – справки на перевозку крупного рогатого скота. Наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года назначено условно с лишением виновного права занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий, на 1 год¹⁰.

Грозненским районным судом Чеченской республики за 2021–2022 гг. рассмотрено 7 уголовных дел за дачу взятки (1-26/2022, 1-14/2022, 1-75/2021, 1-64/2021, 1-53/2021, 1-43/2021, 1-42/2021) и 2 – за получение взятки (1-53/2022, 1-89/2021). Виновным по ч. 2 ст. 290 УК РФ признан заместитель директора по административно-хозяйственной части средней общеобразовательной школы М.А.З., предложивший передать ему денежные средства в сумме 30 000 рублей за содействие в трудоустройстве на техническую должность. Согласно приговору суда ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года условно с лишением права заниматься деятельностью, связанной с выполнением органи-

⁹ Дело № 1-53/2021 в отношении М-Б.М. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ахматовского районного суда г. Грозного. URL: https://ahmatovskij-chn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17649261&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 26.06.2023).

¹⁰ Дело № 1-115/2021 в отношении А.А.Л. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Байсангуровского районного суда г. Грозного. URL: https://bajsangurovskij-chn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16224571&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 26.06.2023).

зационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в государственных и муниципальных организациях, учреждениях и предприятиях, на 2 года¹¹.

Виновным по ч. 3 ст. 290 УК РФ признан временно исполняющий обязанности главы администрации сельского поселения Х.А.Ж., предложивший передать ему денежные средства в сумме 30 000 рублей за предоставление подложной выписки из похозяйственной книги. Согласно приговору суда ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года условно с лишением права заниматься деятельностью, связанной с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в государственных и муниципальных организациях, учреждениях и предприятиях, на 1 год¹².

Во Владивостоке Ленинским районным судом Г.О.В. – директор ГБУ «Хозяйственное управление администрации края» признан виновным в совершении преступлений (ч. 6 ст. 290 УК РФ и ч. 6 ст. 290 УК РФ), выразившихся в получении взяток в виде денег за совершение заведомо незаконных действий, а также действий, входящих в его служебные полномочия, которыми он мог способствовать взяткодателю в силу занимаемого должностного положения, в покровительстве и попустительстве со стороны Г.О.В., связанных с его служебным положением. Махинации осуществлялись в сфере строительства и были связаны с закупками и документацией к закупкам. Ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 16 лет 6 месяцев со штрафом в размере 150 000 000 руб. с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, выполнением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, на 12 лет¹³.

¹¹ Дело № 1-53/2022 в отношении М.А.З. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Грозненского районного суда Чеченской Республики. URL: https://groznensky--chn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11477625&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 26.06.2023).

¹² Дело № 1-89/2021 в отношении Х.А.Ж. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Грозненского районного суда Чеченской Республики. URL: https://groznensky--chn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11477625&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 26.06.2023).

¹³ Дело № 1-107/2023 (1-545/2022) в отношении Г.О.В. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ленинского районного суда г. Владивостока. URL: https://leninsky--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=195794007&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 26.06.2023).

Советским районным судом г. Владивостока без проведения судебного разбирательства в связи с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве привлечена к ответственности за пособничество в злоупотреблении должностными полномочиями (ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 285) главный бухгалтер Института проблем морских технологий Дальневосточного отделения Российской академии наук Ж.О.А. с назначением наказания в виде лишения свободы сроком на 1 год 8 месяцев условно. Преступные действия Ж.О.А. выразились в следующем: за денежное вознаграждение она предоставляла информацию о доходах и расходах организации; снимала с банковского счета организации денежные средства, полученные по контрактам, заключенным незаконно; передавала данные денежные средства организатору преступления; заключала по его указанию договоры подряда¹⁴.

Получила широкий общественный резонанс антикоррупционная деятельность в Центральной России. Из последних уголовных дел коррупционной направленности СМИ опубликован материал о заключении под стражу 24 июня 2023 г. директора департамента строительства и капитального ремонта администрации г. Нижнего Новгорода, обвиняемого в получении взятки в размере 1 000 000 руб. от представителя организации, в чьих интересах он совершил действия по обеспечению заключения муниципальных контрактов и общее покровительство (п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ). 19 апреля 2023 г. в Нижегородской области возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ в отношении двух сотрудников ОЭБиПК г. Кстово за получение взятки в размере 150 000 руб. от предпринимателя за «непривлечение его к ответственности» и общее покровительство¹⁵.

22 июня 2023 г. бывший гендиректор «Газпром трансгаз Нижний Новгород» Ю.В.М. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 290; ч. 2 ст. 290; ч. 1 ст. 286; п. «в» ч. 5 ст. 290; п. «в» ч. 5 ст. 290; п. «в» ч. 5 ст. 290; п. «в» ч. 5 ст. 290; п. «в» ч. 5 ст. 290; п. «в» ч. 5 ст. 290; ч. 1 ст. 30, п. «в» ч. 5

¹⁴ Дело № 1-318/2021 в отношении Ж.О.А. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Советского районного суда г. Владивостока. URL: https://sovetsky-rpm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=163037592&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 26.06.2023).

¹⁵ Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области. URL: <https://nnovgorod.sledcom.ru/news/item/1804534/> (дата обращения: 26.06.2023).

ст. 290; п. «в» ч. 5 ст. 290; ч. 6 ст. 290 УК РФ¹⁶. Ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 13 лет со штрафом в размере 200 000 000 руб.

Сравнительный анализ антикоррупционных судебных решений в Грозном, Владивостоке и Нижнем Новгороде позволяет заключить, что в России сложилась единообразная практика привлечения к ответственности за преступления коррупционной направленности с поправкой на оценку обстоятельств, определенных ст. 60 УК РФ.

Уголовной ответственности подлежат должностные лица, нарушившие антикоррупционное законодательство. Если в Грозном суды рассматривают небольшое количество дел в отношении коррупционеров, что, возможно, объясняется сравнительно меньшей коррупциогенностью власти в данном регионе, то в других регионах антикоррупционная судебная практика достаточно широка.

Меры ответственности коррупционеров зависят от характера и степени должностных злоупотреблений и обусловлены учетом иных обстоятельств и личности виновного. Согласно национальной российской традиции XIII в. высокое должностное положение не снижало суровость наказания виновного. В отличие от принципа назначения наказания высшим судом Сената («в злоупотреблениях по службе тем строже наказывался виновный, чем ниже он был чином») в современной антикоррупционной политике России действует принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ).

Пока законодатель не внес каких-либо серьезных изменений в уже состоявшиеся правовые параметры антикоррупционной политики. Введение в кодекс новых составов преступлений (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ) в сфере государственного оборонного заказа обозначило новую тенденцию в уголовно-правовом развитии. Однако это новшество не

¹⁶ Дело № 1-23/2023 (1-109/2022; 1-518/2021) в отношении Ю.В.М. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода. URL: https://nizgorodsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=75645896&case_uid=66da158e-8a4d-4836-b0cf-06e7b89dcf76&delo_id=1540006 (дата обращения: 26.06.2023).

1. *Стынин Д.А., Козлов А.В., Иванов В.А. Противодействие коррупции в системе экономической безопасности // Взаимодействие науки и практики в условиях инновационного развития общества: сб. науч. тр. МНИЦ «Наукосфера». Смоленск, 2022. С. 100–106.*

2. *Данилина М.В. Коррупционные риски как угроза экономической безопасности страны и средства их преодоления // Диалектика противодействия коррупции: сб. материалов*

вносит качественных изменений в проводимую уголовную политику по противодействию служебно-экономической преступности¹⁷. Полагая, что именно в сфере обеспечения обороноспособности коррупционные преступления недопустимы.

Мы предлагаем дополнить ст. 290 УК РФ частью 7 следующего содержания:

«7. Деяния, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи, если они совершены за заведомо незаконные действия (бездействия), связанные с причинением ущерба обороноспособности и суверенитету государства, –

наказываются штрафом в размере от пяти миллионов до десяти миллионов рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет, или в размере от восьмидесятикратной до стократной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере до стократной суммы взятки или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью».

При нарастании напряжения в противостоянии внешним и внутренним врагам России подход к уголовно-правовому противодействию коррупции, которая подрывает обороноспособность страны, должен быть изменен. По нашему мнению, в условиях чрезвычайного положения уместна радикализация средств уголовно-правового характера. Идея устрашения, заложенная взглядами Петра Первого на права и обязанности должностных лиц, позволит дисциплинировать коррупционеров, предупредить совершение новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ) коррупционной направленности в новую эпоху. Радикализация антикоррупционной политики России не идет вразрез с национальной правовой традицией.

¹⁷ Подтверждает данный тезис содержание законодательных новелл о внесении изменений в ст. 37 УК РФ (ч. 2.2) с целью признания правомерными действий обороняющегося при незаконном проникновении в его жилище посягающего.

1. *Stynin D.A., Kozlov A.V., Ivanov V.A. Countering corruption in the economic security system // Interaction of science and practice in the conditions of innovative development of society: proc. of the International Scientific Research Center "Naukosfera". Smolensk, 2022. P. 100–106.*

2. *Danilina M.V. Corruption risks as a threat to the economic security of the country and means of overcoming them // Dialectics of anti-corruption: proc. of the VII All-Russian sci. and pract. conf.*

VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 24 нояб. 2017 г. Казань, 2017. С. 62–64.

3. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

4. Епифанова Н.С. Экономические основы антикоррупционной политики. Новосибирск, 2009.

5. Александрова И.А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

6. Бирюков А.В. Антикоррупционная правовая политика России: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

7. Румянцева Е.Е. Противодействие коррупции. М., 2023.

8. URL: <https://www.coe.int/en/web/greco> (дата обращения: 16.06.2023).

9. URL: <https://www.coe.int/en/web/moneyval> (дата обращения: 16.06.2023).

10. URL: [venice.coe.int/webforms/events/](https://www.venice.coe.int/webforms/events/) (дата обращения: 16.06.2023).

11. URL: <https://www.echr.coe.int/> (дата обращения: 16.06.2023).

12. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_otchet_o_vypolnenii_rossiye_rekomendatsiy_greko_ (дата обращения: 16.06.2023).

13. Бесчастнов С.А. Влияние высшей меры наказания на уровень коррупции в Китае // Актуальные вопросы экономики: сб. науч. тр. Чебоксары, 2019. С. 31–36.

14. Александрова И.А. К вопросу о диалектике противодействия коррупции в России // Диалектика противодействия коррупции: сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 24 нояб. 2017 г. Казань, 2017. С. 14–21.

15. Александров А.С., Александрова И.А., Круглов В.И. Назначение уголовного судопроизводства и наказания. Н. Новгород, 2005.

16. Ширяев В.Н. Взятничество и лиходеятельство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916.

17. Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины второй. СПб., 1901.

with intern. participation, Nov. 24, 2017. Kazan, 2017. P. 62–64.

3. Astanin V.V. Anti-corruption policy of Russia: criminological aspects: diss. ... Doctor of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2009.

4. Epifanova N.S. Economic foundations of anti-corruption policy. Novosibirsk, 2009.

5. Alexandrova I.A. Modern criminal policy to ensure economic security and combat corruption: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Nizhny Novgorod, 2016.

6. Biryukov A.V. Anti-corruption legal policy of Russia: history and modernity: dis. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Krasnodar, 2014.

7. Rumyantseva E.E. Anti-corruption. Moscow, 2023.

8. URL: <https://www.coe.int/en/web/greco> (date of access: 16.06.2023).

9. URL: <https://www.coe.int/en/web/moneyval> (date of access: 16.06.2023).

10. URL: [venice.coe.int/webforms/events/](https://www.venice.coe.int/webforms/events/) (date of access: 16.06.2023).

11. URL: <https://www.echr.coe.int/> (date of access: 16.06.2023).

12. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_otchet_o_vypolnenii_rossiye_rekomendatsiy_greko_ (date of access: 16.06.2023).

13. Beschastnov S.A. The influence of capital punishment on the level of corruption in China // Current issues of economics: coll. of sci. papers. Cheboksary, 2019. P. 31–36.

14. Alexandrova I.A. On the issue of dialectics of combating corruption in Russia // Dialectics of anti-corruption: proc. of the VII All-Russian sci. and practical conf. with intern. participation, Nov. 24, 2017. Kazan, 2017. P. 14–21.

15. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A., Kruglov V.I. Purpose of criminal proceedings and punishment. Nizhny Novgorod, 2005.

16. Shiryayev V.N. Bribery and larceny in connection with the general doctrine of malfeasance. Yaroslavl, 1916.

17. Gribovsky V.M. The highest court and supervision in Russia in the first half of the reign of Empress Catherine II. St. Petersburg, 1901.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кутуев Эльдар Кяримович, доктор юридических наук, профессор, почетный работник в сфере образования Российской Федерации, начальник юридического факультета Санкт-Петербургского университета ФСИН России; e-mail: spbu@fsin.gov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

E.K. Kutuev, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honorary Worker in the field of education of the Russian Federation, Chief of the Faculty of Law, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia; e-mail: spbu@fsin.gov.ru

Плагиат: уголовно-правовая и гражданско-правовая сущность понятия

Проанализирована диспозиция нормы ч. 1 ст. 146 Уголовного кодекса РФ, охарактеризована сущность использованного в уголовном законе понятия «плагиат», которое не раскрывается ни самим уголовным законом, ни отраслевым законодательством. Установлено, что гражданско-правовое понимание плагиата основывается на нарушении неимущественных прав автора, главным образом – права авторства. Уголовный закон, в свою очередь, не проводит разграничение между неимущественным и исключительным правом автора, о чем свидетельствует материальная конструкция состава плагиата.

Ключевые слова: плагиат, присвоение авторства, право авторства, право на имя, неимущественное право автора, исключительное право автора.

Plagiarism: criminal law and civil law essence of the concept

The article analyzes the disposition of the norm of pt. 1 of art. 146 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author made an attempt to characterize the essence of the concept of plagiarism used in the criminal law, which is not disclosed either by the criminal law itself or by civil law. It was revealed that the civil law understanding of plagiarism is based on the violation of the non-property rights of the author, mainly the right of authorship. Criminal law understands plagiarism as a violation not only of the non-property right of the author, but also of the exclusive one, as evidenced by the structure of the crime and its mandatory element – causing damage.

Keywords: plagiarism, attribution of authorship, right of authorship, right to a name, non-property right of the author, exclusive right of the author.

Общественные отношения, связанные с приобретением, возникновением или изменением имущественных и личных неимущественных прав, в том числе в сфере интеллектуальной собственности, урегулированы нормами различных отраслей права, преимущественно гражданского, поскольку правовая природа таких отношений требует применения частноправовых механизмов. Вместе с тем публичный интерес в упорядочивании и стабилизации гражданско-правовых общественных отношений требует применения иных методов.

Уголовное право, охраняя общественные отношения в различных сферах, вынуждено применять несвойственную ему терминологию, имеющую гражданско-правовой или иной отраслевой характер и раскрывающуюся либо соответствующим законодательством, либо самим уголовным законом. Однако необходимо заметить, что в последнем случае содержание и сущность использованных в уголовном законе категорий нередко отличаются от их понимания в иных отраслях права. Наиболее сложной проблемой является обращение к понятию, сущность которого не раскрывается ни уголовным законом, ни отраслевым законодательством, что имеет место при конструировании

нормы, предусматривающей ответственность за присвоение авторства (плагиат), – ч. 1 ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Закрепленное в ст. 146 УК РФ определение плагиата как присвоения авторства, являясь по существу верным, с точки зрения гражданского права не охватывает всего его содержания. В первую очередь необходимо отметить несовершенство формулировки диспозиции нормы ч. 1 ст. 146 УК РФ. Присвоение или «похищение» авторства как неотчуждаемого и непередаваемого нематериального блага с позиции доктрины авторского права невозможно в принципе, поскольку к интеллектуально-правовым отношениям понятие «присвоение», традиционно относящееся к сфере права собственности, неприменимо [1, с. 71]. Заметим, что среди потерпевших уголовным законом назван и «иной правообладатель», однако неясно, каким образом присвоение права авторства, принадлежащего исключительно автору, может причинить вред иному правообладателю.

Положения ч. 1 ст. 146 УК РФ дополнительно разъяснены Верховным Судом РФ в части возможных действий, образующих объективную сторону плагиата, а именно: плагиат состоит в объявлении себя автором чужого произведе-

ния, выпуске чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издании под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени [2].

Право авторства, как и иные личные неимущественные права автора, непосредственно урегулировано нормами гражданского законодательства, которое понятием «плагиат» не оперирует. Определение гражданско-правовой сущности плагиата возможно лишь на основании норм, регулирующих авторское право как самостоятельный институт права интеллектуальной собственности (гл. 69–70 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ).

Право авторства понимается как основанная на факте создания произведения возможность признаваться его автором, т.е. гражданином, творческим трудом которого оно создано. Сопряженным с правом авторства является право автора на имя, т.е. право на идентификацию себя как автора, право использовать произведение под своим подлинным именем, псевдонимом или анонимно.

В соответствии с этим одна из составляющих плагиата – объявление себя автором чужого произведения – состоит одновременно из нарушения права авторства как такового (выдача чужого результата интеллектуальной деятельности за свой собственный) и нарушения права автора на имя (искажение информации о личности создателя). К такому выводу приходят и другие исследователи, отмечая, что плагиат всегда сопряжен с нарушением не только права авторства, но и других личных неимущественных прав [3, с. 32]. С этим не согласен В.С. Витко, указывая, что «присвоить право на имя» невозможно, поскольку автором оно уже было реализовано в виде выбора способа обозначения своей личности при создании произведения [4, с. 16].

Вместе с тем издание под своим именем произведения, созданного в соавторстве, напрямую связано с нарушением не только права авторства, но и права соавторов на имя, поскольку их возможность обозначения своей личности оказывается не реализованной вследствие умышленных действий плагиатора. В данном случае, как отмечает О.А. Фёдорова, необходимо говорить о прямом (плагиатор указывает себя в качестве автора) или косвенном (ссылка на подлинного автора произведения отсутствует) плагиате [5, с. 84].

Однако следует признать, что плагиат не всегда может быть связан с нарушением права

автора на имя. Например, в случае, когда имена плагиатора и автора совпадают. С другой стороны, самостоятельное нарушение права автора на имя без нарушения права авторства состав плагиата не образует (например, в случае, когда издатель, не отрицая права авторства, не использует выбранное автором обозначение своей личности).

Право авторства, как и право на имя, относится к неимущественным правам автора, из чего следует закономерный вывод о понимании плагиата как нарушения личных неимущественных прав автора. Однако приведенные выше разъяснения Верховного Суда РФ свидетельствуют о том, что уголовным законом не проводится разграничение между неимущественным и исключительным правом автора. Так, сложно представить ситуацию, когда выпуск произведения под своим именем не будет сопряжен с имущественной выгодой для плагиатора.

Более того, необходимым элементом плагиата как материального состава преступления является наличие общественно опасных последствий – причинение крупного ущерба автору или иному правообладателю. Однако уголовный закон не учитывает положения гражданского законодательства, гражданско-правовую сущность неимущественных прав автора, что фактически приводит к невозможности защиты неимущественных интересов автора уголовно-правовыми средствами.

Иными словами, в случае нарушения права авторства в силу его неимущественного характера потерпевшему может быть причинен только моральный вред, а размер его компенсации может быть определен только в порядке гражданского судопроизводства с учетом всех обстоятельств дела [6, с. 42]. По нашему мнению, крупный ущерб, названный в ч. 1 ст. 146 УК РФ, может быть определен только при нарушении исключительного права автора, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 146 УК РФ.

Таким образом, гражданско-правовое понимание плагиата основывается на нарушении неимущественных прав автора, главным образом – права авторства. Под плагиатом с позиции гражданского права необходимо понимать выдачу чужого результата интеллектуальной деятельности за свой собственный, сопровождающуюся искажением информации о личности создателя и причиняющую автору моральный вред.

Уголовно-правовая сущность плагиата заключается в любом нарушении авторских прав,

которое может сопровождаться нарушением как неимущественных прав, так и исключительного права автора, не связанных с незаконным использованием объектов авторского права.

Существует мнение, что плагиаторы своими незаконными действиями затрагивают не только личные неимущественные права автора, но и исключительное (имущественное) право [3, с. 34]. Однако, если такой подход действительно может быть воспринят гражданским правом, уголовному закону необходимо разграничить нарушение неимущественного права и нарушение исключительного права автора, по существу образующие два смежных состава преступления, которые без учета положений гражданского законодательства фактически оказываются единым преступлением.

С позиции уголовного законодательства субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла [7, с. 146]. Аналогичная позиция разделяется и гражданским законодательством. Так, неумышленное присвоение авторства не образует состав плагиата. Это может иметь место в случае создания идентичного произведения, когда применяемые художественные средства ограничены (программы для ЭВМ) [8, с. 71]. Кроме того, ввиду специфичности авторской деятельности исключать возможность создания двух идентичных произведений также нельзя.

Среди общих признаков понятия «плагиат», выделяемых в рамках уголовного и гражданского законодательства, следует обратить внимание на возможность присвоения авторства в отношении как целого произведения, так и его части, а также в отношении как обнародованного, так и необнародованного произведения (полный или частичный плагиат) [5, с. 84]. Однако необходимо заметить, что упоминание имени автора при заимствовании состава плагиата не образует.

Более сложным вопросом является определение наличия плагиата в отношении производных произведений, т.е. произведений, созданных на основе другого. С позиции уголовного права плагиат рассматривается в качестве присвоения авторства в отношении первоначального произведения, которое не было переработано плагиатором. Об этом свидетельствует характеристика плагиата, данная Верховным Судом РФ: объявление себя автором чужого произведения, выпуск чужого произведения. При этом с позиции гражданского законодательства создание производного произведения не считается присвоением чужого (ст. 1260 ГК

РФ). Производное произведение также считается объектом авторского права, а его создатель считается не плагиатором, а автором.

Проблема заключается в том, что в определенных случаях невозможно ясно установить, когда имеет место переработка и какова грань между плагиатом, созданием производного произведения в результате переработки и созданием самостоятельного независимого творческого результата на основе чужого произведения. Эту проблему можно проиллюстрировать следующим образом. Например, лицо, взяв за основу чужое произведение, вносит в него незначительные изменения, создавая таким образом иное произведение, которое хотя и не существенно отличается от первоначального, представляет собой самостоятельный творческий результат.

В доктрине гражданского права также продолжается дискуссия о критериях разграничения плагиата и переработки. Авторами отмечается, что в определенных случаях переработанное произведение может являться плагиатом, а основным критерием создания независимого произведения является степень творческой самостоятельности [9, с. 119]. Представляется, что проблема оценки достаточности творческого вклада и определение степени использования другого произведения требуют экспертной оценки специалиста в соответствующей области науки, литературы или искусства.

Из изложенного следует, что по смыслу ст. 146 УК РФ создание переработанного произведения, вне зависимости от степени творческой самостоятельности, не может являться плагиатом, поскольку такое произведение уже не будет «чужим». Однако гражданское законодательство учитывает степень творческого вклада при разграничении переработки и плагиата. В случае если переработанное произведение практически идентично первоначальному, что должно быть подтверждено при проведении искусствоведческой экспертизы, действия лица, осуществившего переработку, будут являться нарушением права первоначального автора на неприкосновенность произведения. Это, в свою очередь, с позиции гражданского права рассматривается как плагиат, который хотя и не влечет уголовной ответственности, является гражданско-правовым деликтом и исключает возможность правовой охраны такого переработанного произведения.

Таким образом, гражданско-правовая и уголовно-правовая сущности понятия «плагиат» различны по своему содержанию, что на прак-

тике приводит к неэффективности уголовно-правовой нормы, невозможности применения уголовно-правовых средств охраны интересов и прав автора. Необходимость устранения выявленных противоречий не вызывает сомнений, а возможные пути их преодоления, предлага-

емые исследователями, могут заключаться в реформировании как уголовного законодательства (изменение конструкции состава плагиата, декриминализация плагиата), так и гражданского (разработка механизма гражданско-правовой ответственности за плагиат).

1. Евстафьева И.В. О значении понятий «плагиат» и «антиплагиат» в современном российском праве // Юридическая наука и практика: альманах науч. тр. Самар. юрид. ин-та ФСИН России, Самара, 30 сент. – 10 дек. 2019 г. Самара, 2019. С. 70–72.

2. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апр. 2007 г. № 14 // Рос. газ. 2007. 5 мая.

3. Бобкова О.В., Давыдов С.А., Ковалева И.А. Плагиат как гражданское правонарушение // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2016. № 7. С. 31–37.

4. Витко В.С. О признаках понятия «плагиат» в авторском праве: пособие. М., 2017.

5. Фёдорова О.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 146 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 2. С. 83–88.

6. Мигачева А.Ю., Амиршатян К.Ю. Гражданско-правовая ответственность за плагиат: постановка проблемы // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 7. С. 41–43.

7. Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разд. VII–VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2023.

8. Захаренко Д.С., Соколова А.А. Плагиат в гражданском праве России // Современные проблемы гражданского права: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф., Краснодар, 29 мая 2017 г. Краснодар, 2017. С. 78–82.

9. Федоскина Н.И. Нарушение авторских и смежных прав: содержание и виды // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 110–120.

1. Evstafyeva I.V. On the meaning of the concepts of "plagiarism" and "antiplagiarism" in modern Russian law // Legal science and practice: almanac of sci. works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Sept. 30 – Dec. 10, 2019. Samara, 2019. P. 70–72.

2. On the practice of consideration by courts of criminal cases on infringement of copyright, related, inventive and patent rights, as well as on the illegal use of a trademark: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Apr. 26, 2007 No. 14 // Rossiyskaya Gazeta. 2007. May 5.

3. Bobkova O.V., Davydov S.A., Kovaleva I.A. Plagiarism as a civil offense // Patents and licenses. Intellectual property rights. 2016. No. 7. P. 31–37.

4. Vitko V.S. On the signs of the concept of plagiarism in copyright: manual. Moscow, 2017.

5. Fedorova O.A. Criminal and legal characteristics of crimes under part 1 of article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2012. No. 2. P. 83–88.

6. Migacheva A.Yu., Amirshatyan K.Yu. Civil liability for plagiarism: problem statement // Society: politics, economics, law. 2016. No. 7. P. 41–43.

7. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 vols. Vol. 2. The Special part. Sections VII–VIII / ed. by V.M. Lebedev. Moscow, 2023.

8. Zakharenko D.S., Sokolova A.A. Plagiarism in the civil law of Russia // Modern problems of civil law: proc. of the All-Russian correspondence sci. and practical conf., Krasnodar, May 29, 2017. Krasnodar, 2017. P. 78–82.

9. Fedoskina N.I. Violation of copyright and related rights: content and types // Journal of Russian Law. 2007. No. 11. P. 110–120.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Конорезов Николай Андреевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета; e-mail: konorezov@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

N.A. Konorezov, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Lecturer of the Department of Civil Procedure and International Law, Kuban State University; e-mail: konorezov@list.ru

Юридическая природа эксцесса исполнителя преступления

Эксцесс исполнителя имеет сложную дуалистическую природу. С одной стороны, деяние исполнителя, допустившего эксцесс, хотя бы частично остается в границах соучастия, ведь «автор» эксцесса и иные соучастники связаны объективными и субъективными «нитьями» – единством умысла, общей целью, совместными усилиями для ее достижения. С другой стороны, эксцессное деяние исполнителя в какой-то мере выходит за пределы соучастия, пересекает границы, лимитированные умыслом соучастников. Исходя из этого преступное поведение исполнителя преступления, допустившего эксцесс, включает в себя два структурных элемента: 1) деяние, совершенное в соучастии, посредством которого исполнитель реализует единый умысел соучастников; 2) эксцессное деяние, выходящее за пределы единого умысла соучастников и, как следствие, за границы соучастия в преступлении. Таким образом, диалектика эксцесса исполнителя состоит в том, что он берет свое начало в соучастии, но выходит за его рамки.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя преступления, качественный эксцесс, соучастие в преступлении.

Legal nature of kurtosis of the perpetrator

The kurtosis of the performer has a complex dualistic nature. On the one hand, the act of the perpetrator who allowed excess, at least partially remains within the boundaries of complicity, because the "author" of excess and other accomplices are connected by objective and subjective "threads" – unity of intent, a common goal, joint efforts to achieve it. On the other hand, the excess act of the performer to some extent goes beyond complicity, crosses the boundaries limited by the intent of the accomplices. Proceeding from this, that the criminal behavior of the perpetrator of the crime, who committed excess, includes two structural elements: 1) an act committed in complicity, through which the perpetrator realizes the common intent of the accomplices; 2) an extraordinary act that goes beyond the common intent of the accomplices and, as a result, beyond the boundaries of complicity in a crime. Thus the dialectic of the excess of the performer is that it originates in complicity, but goes beyond it.

Keywords: kurtosis of the perpetrator of the crime, qualitative kurtosis, complicity in a crime.

Приступая к анализу темы, обозначенной в названии статьи, отметим, что при всем обилии научной литературы, посвященной эксцессу исполнителя преступления (равно как и иных соучастников), в ней не уделяется должного внимания уголовно-правовой природе эксцесса. В частности, за рамками теоретических дискуссий незаслуженно остается вопрос о соотношении эксцесса исполнителя преступления с уголовно-правовым феноменом соучастия в преступлении как такового. Находится ли эксцесс соучастника в сфере соучастия или же выходит за рамки соучастия?

Такая постановка вопроса в научных трудах практически не встречается, а потому прямой ответ на него доктрина не дает. Тем не менее, насколько можно судить по имеющимся публикациям, представители уголовно-правовой науки, как правило, противопоставляют эксцесс и соучастие, полагая, что это взаимоисключающие явления. Тезисно сущность этого подхода можно изложить следующим образом: «экс-

цесс исполнителя – это не соучастие в преступлении». Например, А.Б. Калмыкова пишет: «Если соучастники объединили свои усилия для совершения одного преступления, например кражи чужого имущества, а исполнитель (или другой соучастник) совершил преступление иного вида – убийство, то *здесь не будет соучастия, здесь имеет место эксцесс исполнителя (ст. 36 УК РФ)* (выделено нами. – А.Г.)» [1, с. 22]. Эксцесс здесь рассматривается как противопоставление соучастию.

Аналогичный подход к соотношению рассматриваемых уголовно-правовых феноменов прослеживается в совместной публикации Т.В. Кленовой и Д.Л. Мнацаканяна. Указанные авторы отмечают, что в ст. 36 УК РФ «отражено понимание эксцесса исполнителя как неудавшегося соучастия» [2, с. 70], противопоставляя эксцесс и соучастие. При таком подходе изложенные в ст. 36 УК РФ предписания об эксцессе исполнителя рассматриваются в качестве «негативного» признака соучастия.

Вероятно, с инструментальной точки зрения этот подход может считаться приемлемым для решения квалификационных задач, связанных с разграничением соучастия в преступлении и эксцессного преступного деяния. Однако в теоретическом плане его нельзя признать удачным, поскольку он искажает юридическую природу эксцесса исполнителя преступления.

Эксцесс исполнителя имеет сложную дуалистическую природу. С одной стороны, «деяние исполнителя, допустившего эксцесс, хотя бы частично остается в границах соучастия, ведь "автор" эксцесса и иные соучастники связаны объективными и субъективными "нитями" – единством умысла, общей целью, совместными усилиями для ее достижения. Иными словами, исполнитель, допустивший эксцесс, хоть что-то из совместно задуманного все-таки должен совершить (например, похитить чужое имущество, пусть даже иным способом)» [3, с. 18]. Как справедливо отмечается в авторитетном комментарии к УК РФ, «эксцесс имеет место только в том случае, когда преступление, совершенное исполнителем, объективно связано с действиями иных соучастников, когда предварительные действия соучастников выступают необходимым условием формирования умысла на совершение эксцессного преступления. Наличие признака совместности на первоначальной стадии совершения преступления позволяет говорить о том, что изначально преступление начиналось как совершаемое в соучастии, в противном случае эксцесс исполнителя исключается» [4].

С другой стороны, «эксцессное деяние исполнителя частично (в большей или меньшей мере) выходит за пределы соучастия, пересекает границы, лимитированные умыслом соучастников, что, собственно говоря, и порождает различия в уголовно-правовой оценке сообщников» [3, с. 18].

Получается, что преступное поведение исполнителя преступления, допустившего эксцесс, включает в себя два структурных элемента:

1) деяние, совершенное в соучастии, посредством которого исполнитель реализует единый умысел соучастников;

2) эксцессное деяние, выходящее за пределы единого умысла соучастников и, как следствие, за границы соучастия в преступлении.

Таким образом, диалектика эксцесса исполнителя состоит в том, что он берет свое начало в соучастии (генетическая связь), но выходит за его рамки.

Постулат о том, что фундаментом эксцесса является соучастие в преступлении, под-

тверждается предписаниями ст. 36 УК РФ. Напомним, что в ст. 36 УК РФ эксцесс исполнителя определяется как «совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом *других соучастников* (выделено нами. – А.Г.)». При этом подчеркивается, что «за эксцесс исполнителя *другие соучастники* (выделено нами. – А.Г.) преступления уголовной ответственности не подлежат». Уголовный закон не случайно говорит о соучастниках преступления, ведь в определенной части (первый структурный элемент) деяние исполнителя признается совершенным в соучастии с другими лицами. Что же касается эксцессного деяния (второй структурный элемент), то в случае единоличного эксцесса исполнителя оно не может рассматриваться как совершенное в соучастии, а при групповом эксцессе (эксцессе соисполнителей) это деяние образует новое соучастие, которое не охватывается рамками первоначального соучастия.

Иллюстрацией тезиса о дуалистической природе эксцесса исполнителя может служить ситуация, которая стала предметом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации.

Так, Левин осужден за совершение разбойного нападения с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшей, группой лиц по предварительномуговору, сопряженного с незаконным проникновением в жилище Т.

Изменяя приговор, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации указала следующее. Исследованные и содержащиеся в приговоре доказательства не указывают на наличие предварительногоговора между Левиным и Федоровым на совершение разбойного нападения с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшей, либо с угрозой применения такого насилия. Напротив, суд признал установленным, что Левин и Федоров договорились между собой о совместном проникновении в дом потерпевшей Т. с целью завладения денежными средствами.

В материалах уголовного дела нет данных о том, что Левин был осведомлен о наличии у Федорова умысла на применение какого-либо насилия в отношении потерпевшей. Сам Левин никакого насилия к потерпевшей не применял и не угрожал ей применением насилия.

Таким образом, суд, установив наличиеговора на открытое хищение имущества, не обосновал и не привел доказательства наличия факта соисполнительства в совершении разбойного нападения. Указание суда на осознание Левиным факта применения насилия

Федоровым по отношению к потерпевшей юридически не определяет действия Левина как исполнителя разбойного нападения.

Законом определены особенности квалификации группового разбоя, которые сводятся к тому, что если умысел сообщников был первоначально направлен на совершение кражи или грабежа, а один из участников во время совершения преступления применил насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, то действия последнего правонарушителя представляют собой эксцесс исполнителя, за который не могут нести ответственность остальные причастные к преступлению лица.

При таких обстоятельствах действия Левина следует переqualифицировать с ч. 3 ст. 162 УК РФ на пп. «а», «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ как открытое хищение чужого имущества группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище (определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 сентября 2010 г. № 1-Д10-11).

Приведенный пример наглядно показывает тесную связь соучастия в преступлении и эксцессного деяния. Высшая судебная инстанция признала Федорова соисполнителем Левина в части группового грабежа, и в то же время единоличным субъектом эксцессного деяния. Без соучастия в грабеже эксцессное деяние в виде разбоя состояться не могло.

Итак, эксцесс – это выход за рамки соучастия, а значит, без соучастия в преступлении эксцесс невозможен. Исходя из этого, законодатель вполне обоснованно включил нормативные предписания об эксцессе исполнителя (ст. 36 УК РФ) в гл. 7 УК РФ «Соучастие в преступлении», подчеркнув тем самым, что эксцесс тесно связан с соучастием.

Отмеченный дуализм эксцесса исполнителя позволяет отграничивать эксцесс от смежных уголовно-правовых феноменов, в частности от замены планируемого совместно с иными лицами преступления другим разнородным преступным деянием. Примером такой замены может служить следующая ситуация. А. склонил Б. к совершению убийства и передал ему огнестрельное оружие для совершения этого преступления, однако Б., применив полученное от А. оружие, совершил разбойное нападение, т.е. иное преступление вместо того, что было запланировано изначально.

В уголовно-правовой доктрине эту ситуацию принято рассматривать в качестве разновидности качественного эксцесса исполнителя [5, с. 8, 14; 6, с. 42–51; 7, с. 82–83], однако такой подход вызывает принципиальное несогласие

некоторых исследователей. «Совершение другого преступления вместо запланированного совместно с другими лицами нельзя считать эксцессом исполнителя, поскольку в этой ситуации не возникло соучастия в преступлении. Сговор на совершение преступления, его совместное планирование, предоставление орудий и средств для совершения преступления не выходят за пределы приготовления к преступлению, ведь, совершая другое преступление вместо согласованного с иными лицами, исполнитель этого другого преступления фактически отказывается от доведения первоначально запланированного преступления до конца, что в соответствии с акцессорными правилами квалификации исключает соучастие в преступлении как таковое (нет исполнителя – нет и соучастия)» [3, с. 18].

А поскольку признаки соучастия в преступлении в рассматриваемой ситуации не прослеживаются, то и эксцесса исполнителя быть не может. Еще раз подчеркнем, что эксцесс имеет двойственную природу: он берет свое начало в соучастии, но выходит за его рамки. С учетом дуалистичной сущности эксцесса приходится констатировать, что замена планируемого совместно с иными лицами преступления другим разнородным преступным деянием не образует эксцесса исполнителя.

Дуалистическая природа эксцесса соучастника позволяет четко отграничить его от эксцесса «негодного» субъекта при опосредованном исполнении преступления. В последнем случае «негодный» субъект, т.е. лицо, не подлежащее уголовной ответственности в силу невменяемости, возраста, иных обстоятельств (например, вследствие введения в заблуждение), причиняет больший вред, чем планировал посредственный исполнитель (например, исполнитель склонил 13-летнего подростка к краже, а он совершил разбой; подстрекал душевнобольного побить потерпевшего, а он причинил ему смерть).

Понятно, что опосредованное причинение вреда не образует соучастия, а «негодный» субъект, руками которого совершено преступление, не подлежит уголовной ответственности и не может считаться соучастником преступления. Поэтому эксцесс, допущенный «негодным» субъектом, нельзя приравнивать к эксцессу исполнителя, также не вполне корректно распространять на эту ситуацию правила квалификации, изложенные в ст. 36 УК РФ, как это делает Г.А. Есаков. Он полагает, что «пределы ответственности посредственного исполнителя определяются направленностью

его умысла: в случае совершения "негодным" субъектом иного преступления квалификация действий посредственного исполнителя осуществляется с учетом правил об эксцессе исполнителя (ст. 36 УК)» [7, с. 69]. Представляется, что уголовно-правовая оценка эксцесса, допущенного «негодным» субъектом при посредственном исполнении преступления, должна быть дифференцированной в зависимости от характеристики этого субъекта. Одно дело, когда исполнитель согласует параметры преступления с психически здоровым подростком, которому до 14-летия осталось несколько дней. В этом случае допущенный им эксцесс не может вменяться посредственному исполнителю. И другое дело, когда посредственный исполнитель совершает насильственное преступление «руками» невменяемого субъекта. Здесь ссылка посредственного исполнителя на то, что его умыслом не охватывалось причинение «негодным» субъектом более тяжких последствий, не освобождает его от уголовной ответственности: он должен нести ответственность за причинение более тяжких последствий с косвенным умыслом. Впрочем, подробный анализ пределов ответственности посредственного исполнителя преступления в случае эксцесса, допущенного «негодным» субъектом, не является задачей нашего исследования. Ограничимся констатацией того, что этот эксцесс принципиально отличается от эксцесса соучастника преступления.

Не образуют эксцесса исполнителя преступления (равно как и иного соучастника) инициативные действия участника группового приготовления к преступлению, которые не охватывались умыслом иных участников. Например, А., Б. и В. сговорились тайно похитить

имущество в особо крупном размере, разработали план хищения, в соответствии с которым они должны проникнуть ночью во двор частного дома потерпевшего, с расчетом на то, что потерпевший в это время будет спать, и завладеть принадлежащим потерпевшему автомобилем. Чтобы облегчить хищение, В. по своей инициативе, без согласования с А. и Б. повредил дорогостоящий электромотор, приводящий в движение откатные ворота во двор частного дома потерпевшего, однако потерпевший заметил его действия и задержал В., который признался в планировании хищения. В результате преступление не было доведено до конца по независящим от виновных обстоятельствам.

В этой ситуации инициативные действия В. по повреждению чужого имущества (ч. 1 ст. 167 УК РФ), не охватываемые умыслом А. и Б., нельзя считать эксцессом соисполнителя, поскольку кража пресечена на стадии приготовления. А на этой стадии, как уже отмечалось, соучастие не создается, что исключает эксцесс исполнителя. Конечно же, А. и Б. не будут подлежать ответственности за умышленное повреждение чужого имущества, но не в силу предписаний ст. 36 УК РФ (поскольку эксцесса исполнителя здесь нет), а в силу отсутствия состава преступления, поскольку они не знали об инициативных действиях В. и не оказывали ему содействия в их совершении.

В завершение следует указать, что положение о дуалистической природе эксцесса имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Оно может служить ключом к разрешению правоприменительных проблем, связанных с разграничением эксцесса соучастника преступления и смежных уголовно-правовых феноменов.

1. Калмыкова А.Б. *Соучастие в преступлении (социальная и юридическая сущность): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.*

2. Кленова Т.В., Мнацаканян Д.Л. *Актуальные проблемы понимания эксцесса соучастника // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3.*

3. Гюлбанкян А.А. *Качественный (неоднородный) эксцесс исполнителя преступления // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 2.*

4. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 1. Общая часть / В.М. Лебедев [и др.]; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».*

1. Kalmykova A.B. *Complicity in a crime (social and legal essence): auth. abstr. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2010.*

2. Klenova T.V., Mnatsakanyan D.L. *Actual problems of understanding the kurtosis of an accomplice // Legal Bulletin of Samara University. 2019. Vol. 5. No. 3.*

3. Gyulbankyan A.A. *Qualitative (heterogeneous) kurtosis of the perpetrator of the crime // Bulletin of the Krasnodar University of Russian MIA. 2022. No. 2.*

4. *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 vols. Vol. 1. General part / V.M. Lebedev [et al.]; resp. ed. V.M. Lebedev. Moscow, 2017. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".*

5. Иванова Л.В. Уголовно-правовая характеристика эксцесса исполнителя преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009.

6. Капинус О.С., Ображиев К.В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. № 2.

7. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог; М-во образования и науки Рос. Федерации, Московская гос. юрид. акад. М., 2007.

5. Ivanova L.V. Criminal-legal characteristics of the kurtosis of the perpetrator of the crime: auth. abstr. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Tyumen, 2009.

6. Kapinus O.S., Obrazhiev K.V. Excess of the perpetrator and other accomplices of the crime: problems of qualification // Criminal law. 2018. No. 2.

7. Esakov G.A., Rarog A.I., Chuchaev A.I. Desk book of a judge in criminal cases / resp. ed. A.I. Rarog; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow State Academy of Law. Moscow, 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гюлбанкян Арам Артурович, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета; e-mail: aram.gyulbankyan@inbox.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.A. Gyulbankyan, Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University; e-mail: aram.gyulbankyan@inbox.ru

---

Дулькина Людмила Васильевна

Судебное понимание признака публичности распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил и деятельности государственных органов Российской Федерации

Рассмотрена складывающаяся практика установления признака публичности распространения заведомо ложной информации применительно к ст. 207.3 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий». Автор приходит к выводу, что установление данного признака, как правило, происходит в соответствии с его доктринальным пониманием, а также практикой применения иных норм УК РФ о «публично совершаемых» преступлениях. В статье предложено выделить следующие виды публичности: контактная и бесконтактная, конкретизированная и неконкретизированная.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, заведомо ложная информация, публичное распространение, Вооруженные Силы РФ, государственные органы РФ, правоприменительная практика.

Judicial understanding of the sign of publicity of the dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces and the activities of state bodies of the Russian Federation

The article considers the emerging practice of establishing the sign of publicity of the dissemination of knowingly false information in relation to art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation "Public dissemination of obviously false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the exercise by state bodies of the Russian Federation of their powers". The author comes to the conclusion that the establishment of this sign, as a rule, occurs in accordance with its doctrinal understanding, as well as the practice of applying other norms of the Russian Criminal Code on "publicly committed" crimes. It is also proposed to distinguish the following types of publicity: contact and non-contact, specific and non-specific.

Keywords: Russian Criminal Code, knowingly false information, public dissemination, Armed Forces of the Russian Federation, state bodies of the Russian Federation, law enforcement practice.

В первоначальной редакции УК РФ перечень «публично совершаемых» преступлений был невелик. К ним относились публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282), оскорбление представителя власти (ст. 319) и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354). За время, прошедшее с момента принятия действующего уголовного закона, число таких преступлений значительно выросло. Помимо вышеназванных, к изначально «публично совершаемым» необходимо отнести деяния, предусмотренные в обновленной редакции ст. 148 УК РФ, а также во вновь введенных ст. 205.2, 207.1, 207.2, 207.3, 280.1, 280.3, 280.4, 282.4 и 354.1 УК РФ.

Понятно, что признак публичности выступает в качестве «ключевого» при совершении каждого из перечисленных преступлений, а

его правильное установление является обязательным условием законного и обоснованного вменения любого из названных составов. Применительно к ст. 207.3 УК РФ это требование касается необходимости доказывания публичного характера распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, использовании государственными органами России своих полномочий, а также об оказании добровольческими формированиями, организациями или отдельными лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ.

За полтора года, прошедшие с момента появления ст. 207.3 УК РФ, в доктрине признак публичности распространения заведомо ложных (по существу, клеветнических) сведений был прокомментирован традиционно. Например, ряд авторов считает, что такой признак присутствует в случаях, когда «ложная информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и

выражена в любой доступной для них форме». В частности, публичное распространение заведомо ложной информации может быть совершено устно (выступление на собрании, митинге), письменно (распространение листовок, вывешивание плакатов), технически удаленно (при использовании Интернета, иных информационно-телекоммуникационных сетей, мессенджеров и др.). Тем не менее публичность является «оценочным признаком и должна разрешаться правоприменителем с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств» [1, с. 28].

О.В. Новикова считает, что публичный способ распространения информации «предполагает охват неопределенного количества лиц, то есть очень большой аудитории. В подобных случаях для распространения информации используется, как правило, сеть Интернет и мессенджеры, так как они позволяют с очень высокой скоростью распространять информацию и уже стали достаточно эффективным и популярным средством массовой коммуникации» [2, с. 179].

Особо следует отметить мнение о том, что эти признаки в ст. 207.3 УК РФ должны устанавливаться «так же, как и аналогичные признаки в иных нормах УК РФ – например, в ст. 205.2, 280, 280.1». По этой причине «в целях правильного и единообразного правоприменения при квалификации содеянного по ст. 207.3 УК РФ вполне применимы судебные правила, выработанные в решениях высшей судебной инстанции». А.Г. Кибальник подчеркивает, что речь идет о понимании признака публичности, разъясненного в положениях постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Прежде всего это касается положений пп. 4–7 постановления от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», а также пп. 18–20 постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [3, с. 67].

Как показало изучение судебной практики, применение ст. 207.3 УК РФ в плане установления признака публичного характера распространения заведомо ложных сведений в целом отражает доктринальные подходы и соответствует предписаниям решений высшей судебной инстанции. С другой стороны, анализ сложившейся практики применения данной нормы позволяет говорить о существовании следующих видов публичности распространения фейковой информации об использовании Вооруженных Сил и деятельности государственных органов России: контактная и бесконтактная, конкретизированная и неконкретизированная.

Контактная публичность имеет место в случаях физического непосредственного обращения распространителя заведомо ложных

сведений к другим лицам. В частности, такой вид публичности характерен для разного рода пикетирований, шествий и иных манифестаций. Однако он может иметь место при любом другом обращении виновного к конкретным людям. Хотя это и не обязательно, но при контактной публичности субъект обычно рассчитывает на то, что фейковая информация будет воспринята каким-то определенным кругом лиц, к которым он обращается.

Например, в приговоре по «делу Самодурова» указано, что виновный распространял заведомо ложные сведения в процессе личного непосредственного общения с другими лицами. Будучи сотрудником федерального Министерства по чрезвычайным ситуациям, он инициативно совершил поквартирный обход граждан, которым сообщал им же сочиненную информацию об «экстренной эвакуации» жителей Ялты по причине того, что «США уже направили ракеты и самолеты из-за войны на территории Украины» [4].

Как следует из приговора по «делу Ген», виновная, являвшаяся учительницей средней школы, непосредственно на проводимом ей уроке сообщала ученикам фейковую информацию о применении Вооруженными Силами РФ запрещенных средств и методов ведения военных действий. В частности, она заявляла о целенаправленном «уничтожении» российской армией «Мариуполя и других мирных городов Донбасса» [5].

Бесконтактная публичность исключает непосредственный физический контакт виновного с лицами, воспринимающими заведомо ложную информацию. Изучение судебной практики показывает, что «львиная доля» преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, совершается как раз таким способом, а именно посредством использования Интернета и иных информационно-телекоммуникационных сетей, а также социальных сетей и мессенджеров.

В изученных приговорах чаще всего встречается ставшая практически стандартной ситуация, когда бесконтактная публичность выражена в распространении фейковой информации в виде постов и комментариев в социальных сетях. Например, в приговоре по «делу Ганеева» указано, что виновный в своих постах заявлял о том, что уже в начале специальной военной операции Вооруженные Силы РФ «положили 10 000 своих бойцов, настроляли ракет и наломали своей техники на 300 млрд долларов» [6]. Как следует из приговоров по «делу Шамонова», «делу Москаленко», «делу Мишина», фейковая информация о потерях российских Вооруженных Сил, об «убийствах мирных жителей Украины», других «зверствах» и ином жестоким обращении военнослужащих Российской Федерации в отношении мирного украинского населения распространялась в постах и ком-

ментариях на страницах в социальных сетях [7, 8, 9].

Нередко распространяемая в социальных сетях фейковая информация носит поистине чудовищный характер. Например, в приговоре по «делу Щербакова» указано, что виновный на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» опубликовал следующие утверждения: «девочка 14 лет была изнасилована пятью мужчинами-окупантами в Буче», «мальчик 11 лет изнасилован на глазах у мамы», «20-летняя девушка изнасилована тремя окупантами "сразу во все возможные места" в Ирпене». При этом «автор» подчеркивал, что это «лишь щепотка в море насилия и боли, которую российские солдаты принесли мирным украинцам» [10].

Конкретизированная публичность в приговорах по ст. 207.3 УК РФ встречается относительно редко. Ее смысл состоит в том, что распространитель фейковой информации вполне определенно осознает, какое число лиц воспринимает такого рода сведения. Так, в уже упоминавшихся приговорах по «делу Самодурова» и «делу Ген» в первом случае количество таких лиц определялось проведенным виновным поквартирным обходом жителей Ялты, а во втором – числом учеников, присутствующих на уроке.

В подавляющем большинстве изученных уголовных дел имела место *неконкретизированная публичность*, когда виновные рассчитывали на восприятие фейковой информации неопределенным кругом лиц. Прежде всего это касается случаев размещения заведомо ложных сведений в Интернете, социальных сетях и мессенджерах. В этих случаях лица, воспринявшие такие сведения, могут составлять значительное число.

Например, в приговоре по «делу Горина» указано, что размещенную в видеохостинге YouTube запись заседания Совета муниципалитета, на котором виновный заявлял, что

российское руководство стремится «прекратить существование Украины как государства», «ликвидировать независимость Украины», просмотрело не менее 43 тысяч зрителей. В итоге виновный «ввел в заблуждение неограниченный круг лиц относительно правомерности действий Вооруженных Сил Российской Федерации при проведении специальной военной операции, создав видимость противоправной, нарушающей международное законодательство деятельности как Вооруженных Сил Российской Федерации в отдельности, так и органов государственной власти Российской Федерации в целом» [11].

Как указано в приговоре по «делу Белоцерковской», именно расчет распространителей фейков на то, что такую информацию воспримут как можно больше людей, создает «необоснованное нарастание социальной напряженности и причинение вреда публичным интересам Российской Федерации» [12].

Изучение складывающейся судебной практики применения ст. 207.3 УК РФ позволяет говорить о том, что в подавляющем большинстве случаев публичный характер распространяемой фейковой информации об использовании Вооруженных Сил и деятельности государственных органов России является одновременно неконкретизированным и бесконтактным. Иными словами, виновный, как правило, рассчитывает на восприятие фейков как можно большей аудиторией и реализует свои намерения посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей. В приговоре «по делу Невзорова» указано, что деятельность таких лиц направлена на стимулирование в обществе «ненависти к существующему в России политическому строю», «российской системе государственной власти», руководству государства и/или Министерству обороны РФ [13].

1. Бугера Н.Н., Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2. С. 25–30.

2. Новикова О.В. Сущность публичного распространения заведомо ложной информации применительно к ст. 207.3 УК РФ // Военное право. 2023. № 1. С. 175–180.

3. Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за публичное распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую статью УК // Уголовный процесс. 2022. № 5. С. 62–69.

4. Приговор Ялтинского городского суда Республики Крым по уголовному делу

1. Bugera N.N., Likholetov A.A., Likholetov E.A. The public spreading of misleading information about the activity of the armed forces of the Russian Federation: some issues of interpretation of the criminal law // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. No 2. P. 25–30.

2. Novikova O.V. The essence of the public dissemination of knowingly false information in relation to art. 207.3 of the Russian Criminal Code // Military law. 2023. No. 1. P. 175–180.

3. Kibalnik A.G. Criminal liability for public dissemination of fakes about the use of the Armed Forces of the Russian Federation. How to apply the new norm of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal procedure. 2022. No 5. P. 62–69.

4. Judgment of the Yalta City Court of Republic of Crimea in a criminal case No. 1-267/2022.

№ 1-267/2022 от 1 июня 2022 г. Уникальный идентификатор дела 91RS0024-01-2022-002496-24 (дата обращения: 25.08.2023).

5. Приговор Ленинского районного суда г. Пензы по делу № 1-184/2022 от 3 авг. 2022 г. Уникальный идентификатор дела 58RS0018-01-2022-003525-20 (дата обращения: 25.08.2023).

6. Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан по делу № 1-158/2023 от 6 марта 2023 г. Уникальный идентификатор дела 16RS0042-02-2022-008796-37 (дата обращения: 25.08.2023).

7. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени по уголовному делу № 1-1039/2022 от 20 июля 2022 г. Уникальный идентификатор дела 72MS0065-01-2022-004752-71 (дата обращения: 25.08.2023).

8. Приговор Дзержинского районного суда г. Оренбурга по делу № 1-371/2022 от 11 июля 2022 г. Уникальный идентификатор дела 56RS0009-01-2022-002864-08 (дата обращения: 25.08.2023).

9. Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области по делу № 1-426/2022 от 10 авг. 2022 г. Уникальный идентификатор дела 61RS0022-01-2022-004654-32 (дата обращения: 25.08.2023).

10. Приговор Тюменского областного суда по уголовному делу № 2-11/2022 от 21 июля 2022 г. Уникальный идентификатор дела 72OS0000-01-2022-000093-81 (дата обращения: 25.08.2023).

11. Приговор Мещанского районного суда г. Москвы по уголовному делу № 1-719/2022 от 8 июля 2022 г. Уникальный идентификатор дела 77RS0016-02-2022-014619-75 (дата обращения: 25.08.2023).

12. Приговор Басманного районного суда г. Москвы по делу № 01-0001/2023 от 6 февр. 2023 г. Уникальный идентификатор дела 77RS0002-02-2023-000074-42 (дата обращения: 25.08.2023).

13. Приговор Басманного районного суда г. Москвы по делу № 01-0152/2023 от 1 февр. 2023 г. Уникальный идентификатор дела 77RS0002-02-2022-024264-12 (дата обращения: 25.08.2023).

1 June 2022. Unique Case ID 91RS0024-01-2022-002496-24 (date of access: 25.08.2023).

5. Judgment of the Leninsky District Court of Penza in a criminal case № 1-184/2022. 3 August 2022. Unique Case ID 58RS0018-01-2022-003525-20 (date of access: 25.08.2023).

6. Judgment of the Naberezhnye Chelny City Court of the Republic of Tatarstan in a criminal case № 1-158/2023. 6 March 2023. Unique Case ID 16RS0042-02-2022-008796-37 (date of access: 25.08.2023).

7. Judgment of the Leninsky District Court of Tyumen in a criminal case № 1-1039/2022. 20 July 2022. Unique Case ID 72MS0065-01-2022-004752-71 (date of access: 25.08.2023).

8. Judgment of the Dzerzhinsky District Court of Orenburg in a criminal case № 1-371/2022. 11 July 2022. Unique Case ID 56RS0009-01-2022-002864-08 (date of access: 25.08.2023).

9. Judgment of the Taganrog City Court of Rostov Territory in a criminal case № 1-426/2022. 10 August 2022. Unique Case ID 61RS0022-01-2022-004654-32 (date of access: 25.08.2023).

10. Judgment of the Tyumen Territorial Court in a criminal case № 2-11/2022. 21 July 2022. Unique Case ID 72OS0000-01-2022-000093-81 (date of access: 25.08.2023).

11. Judgment of the Meshchansky District Court of Moscow in a criminal case № 1-719/2022. 8 July 2022. Unique Case ID 77RS0016-02-2022-014619-75 (date of access: 25.08.2023).

12. Judgment of the Basmanny District Court of Moscow in a criminal case № 01-0001/2023. 6 February 2023. Unique Case ID 77RS0002-02-2023-000074-42 (date of access: 25.08.2023).

13. Judgment of the Basmanny District Court of Moscow in a criminal case № 01-0001/2023. 1 February 2023. Unique Case ID 77RS0002-02-2022-024264-12 (date of access: 25.08.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дулькина Людмила Васильевна, старший помощник прокурора Чукотского автономного округа, аспирант Северо-Кавказского социального института; e-mail: kag@sksi.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

L.V. Dulkina, Senior Assistant of the Prosecutor of the Chukotka Autonomous Region, Postgraduate Student of the North Caucasian Social Institute; e-mail: kag@sksi.ru

---

Симоненко Александр Викторович

Участие общественных организаций в воспитании населения: криминологический аспект

В статье раскрыто значение воспитания для формирования социально одобряемого поведения, проанализирована роль общественных организаций в осуществлении антикриминального воспитания, обозначены основные направления их деятельности в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: криминология, профилактика преступлений, воспитание, общественные организации, антикриминальное воспитание.

Participation of public organizations in the education of the population: criminological aspect

The article analyses the importance of education for the formation of socially approved behavior, examines the role of public organizations in the implementation of anti-criminal education, and outlines the main directions of their activities in the area under consideration.

Keywords: criminology, crime prevention, education, public organizations, anti-criminal education.

Воспитание – это деятельность, направленная на формирование и развитие личности человека, его моральных, волевых, этических, социальных качеств, интеллектуальных способностей, характера и мировоззрения, передачу воспитуемым ценностей и норм поведения. Оно является одним из важнейших аспектов жизни каждого человека и играет значительную роль в становлении личности и функционировании общества в целом.

Процесс воспитания может занимать разное время, что обуславливается возрастом объекта, его индивидуальными особенностями, а также целями, которые ставит перед собой педагог. Наиболее интенсивно и результативно данный процесс протекает в период детства и юности.

Цели воспитания могут различаться в зависимости от конкретной ситуации. Однако общими целями воспитания можно назвать развитие интеллектуальных способностей, волевых, физических, эмоциональных качеств человека, подготовку молодых людей к самостоятельной жизни в обществе, формирование у них культуры здорового образа жизни, нравственных убеждений и ценностей. Наряду с этим в процессе воспитания происходит предупреждение разного рода социальных отклонений от существующих в обществе идеалов и норм. Таким образом, правильное воспитание уже само по себе является ключом к предупреждению социально неодобряемого и, в частности, преступного поведения. В последнем случае следует вести речь об антикриминальном воспитании как процессе формирования антикриминоген-

ных качеств и свойств личности. Именно в данном аспекте влияние воспитания на формирование криминогенных или антикриминогенных свойств личности следует считать предметной областью криминологической науки [1].

Воспитание в целом и криминологическое воспитание в частности может быть как формальным (в школе, вузе, на работе), так и неформальным (дома, в кругу друзей и семьи). Оно может быть индивидуальным или коллективным, зависеть от культурных и социальных норм, от индивидуальных особенностей человека.

Субъектами криминологического воспитания могут быть родители, учителя, воспитатели, тренеры, руководители детских и молодежных организаций и другие лица, которые активно участвуют в развитии личностных качеств человека и передаче ему знаний, умений, навыков и ценностей. Наряду с указанными субъектами, таковыми следует признать сотрудников правоохранительных органов, которые осуществляют правовое воспитание и просвещение населения [2].

Среди прочих субъектов воспитания стоит особо отметить роль различных общественных организаций, участвующих в формировании антикриминального мышления и поведения человека на различных этапах его жизни, в первую очередь в детском и подростковом возрасте.

О преимуществах воспитательного процесса именно через коллективное воздействие писал известный советский педагог А.С. Макаренко: «Коллектив – это социальный живой организм,

который потому и организм, что он имеет органы, что там есть полномочия, ответственность, соотношение частей, взаимозависимость, а если ничего этого нет, то нет и коллектива, а есть просто толпа или сборище» [3, с. 197].

О необходимости криминологического воспитания в первую очередь несовершеннолетних идет речь как в международных [4], так и в отечественных [5, 6] нормативных правовых актах. При этом существенная роль в них отводится общественным субъектам воспитательного процесса («...создание общественно-государственной системы воспитания детей», «...Развитие единой образовательной (воспитывающей) среды предполагает ... разработку и реализацию программ поддержки молодежных и подростковых общественных организаций, волонтерского движения...» и т.п.).

В системе предупреждения преступлений криминологическое воспитание относится к мерам общей (общесоциальной) профилактики [7, с. 305], поскольку направлено на минимизацию базовых причин преступности, коренящихся в личности человека и социальных противоречиях.

В качестве основных преимуществ осуществления криминологического воспитания коллективными субъектами можно назвать следующие.

1. Социализация. Молодые люди, растущие в коллективе, имеют больше возможностей для развития социальных навыков, учатся взаимодействовать с другими, слушать и уважать чужое мнение, решать конфликты и работать в команде.

2. Разнообразие опыта. В коллективе открывается доступ к различным видам деятельности, что помогает развивать индивидуальность, открывать новые таланты.

3. Развитие лидерских качеств. В коллективе есть возможность проявлять лидерские качества и учиться управлять другими. Это может быть полезным в будущей карьере и личной жизни.

4. Мотивация к обучению. В коллективе часто приходится конкурировать между собой, что стимулирует к обучению и развитию.

5. Поддержка и забота. В коллективе всегда есть старшие и более опытные участники, которые могут оказать помощь и поддержку младшим.

6. Эмоциональная стабильность. Воспитание коллективизма помогает воспитуемым чувствовать себя более уверенно и спокойно, так как они знают, что всегда могут рассчитывать на поддержку сверстников и взрослых.

7. Уменьшение чувства одиночества. В коллективе молодые люди чувствуют себя не одинокими, что снижает риск развития психических проблем, таких как депрессия и тревожность.

Участие общественных организаций (некоммерческих организаций, различных фондов, благотворительных сообществ, волонтерских групп и др.) в криминологическом воспитании является важным аспектом социальной политики государства.

По сравнению с государственными структурами у общественных организаций, участвующих в воспитании, есть целый ряд преимуществ:

гибкость и адаптивность – могут быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям и требованиям, что позволяет им действовать более эффективно для достижения своих целей;

независимость и прозрачность – обычно более независимы от государственных структур, что делает их деятельность более прозрачной для общества;

участие граждан – поощряют активное участие граждан в решении проблем, что способствует развитию гражданского самосознания и формированию гражданской ответственности;

разнообразие предложений – предлагают разнообразные услуги и решения, благодаря чему имеют больше возможностей для выбора эффективных стратегий и методов работы;

финансовые возможности – могут привлекать различные источники финансирования, включая пожертвования, гранты и другие виды помощи;

возможность привлечения специалистов – для выполнения своих задач могут привлекать специалистов из различных областей, что не всегда выполнимо в государственных организациях.

Основными направлениями участия общественных организаций в воспитании являются:

1) поддержка и развитие образовательных программ – могут оказывать помощь в создании и реализации образовательных проектов, направленных на повышение уровня знаний и навыков учеников и их родителей, на формирование у них ценностей и социальных компетенций;

2) организация досуга и дополнительного образования – предоставляют возможности для участия молодых людей в различных кружках, секциях, клубах по интересам, летних лагерях и других формах дополнительного образования; это помогает развивать интеллектуальные, творческие и спортивные способности, формировать навыки общения и командной работы;

3) оказание психологической поддержки и помощи – проводят консультации для родителей и воспитуемых, организуют группы поддержки, разрабатывают программы по предотвращению и коррекции девиантного поведения, агрессии, проблем в обучении и межличностных отношениях;

4) участие в правозащитной деятельности – следят за соблюдением прав несовершеннолетних и их семей, участвуют в разработке и реализации государственных программ по защите прав несовершеннолетних, сотрудничают с правоохранительными органами (например, межрегиональная общественная организация «За права семьи» с 2010 г. оказывает содействие семьям в защите их прав в области образования и здравоохранения, осуществляет правовое воспитание и просвещение школьников и их родителей [8]);

5) проведение профилактических и просветительских мероприятий – организуют акции, семинары, круглые столы, выставки и конференции по актуальным вопросам воспитания и развития несовершеннолетних, по проблемам семейного и социального неблагополучия (например, российское общество «Знание» – это общественная некоммерческая организация, осуществляющая просветительскую работу в регионах, формирование интеллектуального контента, проведение бесплатных лекций, а также разнообразных мероприятий в сфере воспитания, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся [9]);

6) взаимодействие с государственными органами – активно сотрудничают с органами образования, здравоохранения, социальной защиты, молодежными организациями и другими государственными структурами, что позволяет повысить эффективность работы по воспитанию несовершеннолетних (например, в качестве пилотного проекта в десяти регионах России в 2021/2022 учебном году вводилась должность советника директора школы по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями [10]);

7) привлечение внимания общественности к вопросам воспитания, – выступают с публикациями в СМИ, создают социальные ролики и фильмы, направленные на повышение общественного сознания и привлечение внимания к проблемам воспитания (например, автономная некоммерческая организация «Лаборатория социальной рекламы», начавшая свою деятельность в 2005 г. с роликов на тему проблемы защиты прав детей и распространения ВИЧ/СПИД, на сегодняшний день является крупным

экспертом, реализующим функции агентства по производству и продвижению социальной рекламы в сочетании с образовательными проектами в области социального PR [11]).

Свою деятельность по антикриминальному воспитанию в рамках общесоциального предупреждения преступлений общественные организации осуществляют в разнообразных формах:

содействие в бытовом устройстве: предоставление временного или постоянного жилья, предметов мебели и одежды, оказание помощи по восстановлению документов на жилище, предоставление предметов, необходимых для обеспечения бытовых условий (посуда, постельное белье, продукты и т.д.);

содействие в трудовом устройстве: помощь в постановке на учет в органах занятости населения либо предоставление постоянной или временной работы, профессиональное переобучение;

оказание материальной помощи: поддержка нуждающихся категорий граждан в виде оплаты лечения, компенсации услуг на содержание в социальных учреждениях (например, для детей-сирот или пожилых людей), оплаты мероприятий по ресоциализации и медицинской реабилитации;

проведение лекций, бесед, разъяснений и консультаций, в том числе о вреде и последствиях употребления алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ, о недопустимости совершения правонарушений, о ведении здорового образа жизни и т.п.;

проведение игр, конкурсов, квестов – такие формы используются преимущественно в работе с несовершеннолетними и молодежью;

оказание психологической помощи лицам, пострадавшим в результате противоправных действий или находящимся в тяжелой жизненной ситуации: психотерапия, психологическая коррекция, кризисное вмешательство, психологическая реабилитация, психологический тренинг;

правовое воспитание и просвещение – процесс распространения среди населения правовых знаний, способствующих росту правовой культуры, формированию уважительного отношения к праву, правосудию и законности, понижению уровня индивидуальной виктимности и общей превенции уголовного закона;

диагностика социального неблагополучия: сбор и анализ информации с целью выявления неблагополучных семей на ранней стадии и последующей профилактики семейного неблагополучия, преступлений, совершенных против несовершеннолетних;

проведение культурных (концерты, фестивали, выставки и т.д.) и спортивных (спортивные секции, соревнования) мероприятий, направленных на воспитание у несовершеннолетних и молодежи нравственных, волевых, физических качеств;

организация досуга несовершеннолетних;
содействие в получении образования, переобучении и трудоустройстве;

привлечение внимания общественности к проблеме, способной стать или уже являющейся фактором совершения преступлений: освещение социальных проблем в СМИ;

персонализация социальных проблем (когда, например, известные актеры, музыканты, спортсмены выражают свое негативное отношение к социальной патологии);

социальная реклама;

социальные акции.

Указанные направления и формы деятельности общественных организаций охватывают далеко не весь их потенциал, поскольку имеющиеся у них преимущества по сравнению с государственными субъектами воспитания (в том числе отсутствие бюрократических барьеров и формализма при осуществлении предупредительной практики) позволяют оперативно подбирать, создавать и использовать различные инструменты для достижения целей антикриминального воспитания.

Таким образом, участие общественных организаций в антикриминальном воспитании способствует созданию благоприятных условий для развития и социализации несовершеннолетних, обеспечивает поддержку и защиту их прав и интересов.

1. Симоненко А.В. *Воспитание в криминологии / под ред. и с предисл. С.Я. Лебедева; Фонд содействия правоохранит. органам «Закон и право»*. М., 2003.

2. Грибанов Е.В. *Правовое воспитание и просвещение населения как технология предупреждения преступлений // Общество и право*. 2020. № 4(74). С. 12–18.

3. Макаренко А.С. *Проблемы школьного советского воспитания // О воспитании детей в семье: избр. пед. соч. / под ред. Е.Н. Медынского*. М., 1955.

4. *Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс]*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 06.09.2023).

5. *Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р. Доступ из справ. правовой системы «Кодекс»*.

6. *Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года (вместе с Планом мероприятий на 2021–2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года): распоряжение Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р (в ред. от 18.03.2021). Доступ из справ. правовой системы «Кодекс»*.

1. *Simonenko A.V. Education in criminology / ed. and forew. by S.Ya. Lebedev; the Fund of Assistance to Law Enforcement Bodies "Lex and law"*. Moscow, 2003.

2. *Gribanov E.V. Legal education and public education as a crime prevention technology // Society and law*. 2020. No. 4(74). P. 12–18.

3. *Makarenko A.S. Problems of Soviet school education // On the upbringing of children in the family: sel. pedagogical works / ed. by E.N. Medynsky*. Moscow, 1955.

4. *United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules) [Web resource]*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (date of access: 06.09.2023).

5. *On approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025: decree of the Government of the Russian Federation d.d. May 29, 2015 No. 996-r. Access from the legal reference system "Code"*.

6. *On approval of the Concept for the development of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency for the period up to 2025 (together with the Action Plan for 2021–2025 for the implementation of the Concept for the Development of the system for the prevention of neglect and juvenile Delinquency for the period up to 2025): decree of the Government of the Russian Federation d.d. March 22, 2017 No. 520-r (as amended on 18.03.2021). Access from the legal reference system "Code"*.

7. *Zhalinsky A.E. Sel. works: in 4 vols. Vol. 1. Criminology / comp. by K.A. Barysheva,*

7. Жалинский А.Э. *Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Криминология / сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная, А.А. Попов; отв. ред. О.Л. Дубовик; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»*. М., 2014.

8. *За права семьи – Межрегиональная общественная организация*. URL: <https://profamilia.ru/> (дата обращения: 06.09.2023).

9. *Российское общество Знание*. URL: <https://znanierussia.ru/> (дата обращения: 06.09.2023).

10. *Новая философия воспитания: 17,5 тысячи советников директоров по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями работают в российских школах / Минпросвещения России*. URL: <https://edu.gov.ru/press/6310/novaya-filosofiya-vospitaniya-175-tysyachi-sovetnikov-direktorov-po-vospitaniyu-i-vzaimodeystviyu-s-detskimi-obschestvennymi-obedineniyami-rabotayut-v-rossiyskih-shkolah> (дата обращения: 06.09.2023).

11. *Лаборатория социальной рекламы*. URL: <http://www.soclaboratory.ru/index.php> (дата обращения: 06.09.2023).

O.L. Dubovik, I.I. Nagornaya, A.A. Popov; ed. by O.L. Dubovik; National research institute "Higher School of Economics". Moscow, 2014.

8. *For the rights of the family – Interregional public organization*. URL: <https://profamilia.ru/> (date of access: 06.09.2023).

9. *Russian Society of Knowledge*. URL: <https://znanierussia.ru/> (date of access: 06.09.2023).

10. *The new philosophy of education: 17.5 thousand advisers of directors for education and interaction with children's public associations work in Russian schools / Ministry of Education of Russia*. URL: <https://edu.gov.ru/press/6310/novaya-filosofiya-vospitaniya-175-tysyachi-sovetnikov-direktorov-po-vospitaniyu-i-vzaimodeystviyu-s-detskimi-obschestvennymi-obedineniyami-rabotayut-v-rossiyskih-shkolah> (date of access: 06.09.2023).

11. *Laboratory of social advertising*. URL: <http://www.soclaboratory.ru/index.php> (date of access: 06.09.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Симоненко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России; e-mail: a18071959@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.V. Simonenko, Doctor of Law, Professor, Chief of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: a18071959@yandex.ru

---

Использование систем видеонаблюдения в противодействии преступности

Рассмотрены вопросы использования систем видеонаблюдения при решении задач противодействия преступности, сформулированы предложения по его совершенствованию. Отражен передовой отечественный опыт повышения уровня информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов на основе внедрения и развития систем городского видеонаблюдения.

Ключевые слова: преступление, видеонаблюдение, видеокамеры, информационные технологии.

The use of video surveillance systems in solving crime-fighting problems

The issues of combating crime using video surveillance systems are considered, and a number of proposals are formulated for improving this process. The authors presented advanced domestic experience in ensuring an increase in the level of information support for the activities of law enforcement agencies through the introduction and development of a city video surveillance system.

Keywords: crime, video surveillance, video cameras, information technology.

В условиях цифровизации практически всех сфер жизнедеятельности современного общества, в том числе правоохранительной, различные цифровые системы активно внедряются в практику противодействия преступности. Важное место среди них занимают системы видеонаблюдения. Их применение позволяет собирать, хранить и обрабатывать огромные объемы оперативно значимой видеоинформации, ценность которой для предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений самых разных видов трудно переоценить [1]. Стоит отметить, что Россия занимает ведущие позиции в мире по темпам установки камер видеонаблюдения, участвующих в обеспечении криминологической безопасности, уступая только Южной Корее, а по числу таких камер занимает третье место после Китая и США, причем установка 58,3% камер видеонаблюдения произведена коммерческими организациями, 32,9% – государством, 8,8% – частными лицами [2].

Эффективность деятельности сотрудников правоохранительных органов по предупреждению преступлений и их раскрытию существенно повышается за счет того, что современные камеры способны не только зафиксировать информацию о маршрутах перемещений преступника, но и с использованием биометрических параметров установить его личность [3]. Высокая оперативность подобных процессов способствует существенному повышению раскрываемости преступлений по горячим следам,

сказывается на обеспечении оперативного контроля за активностью лиц, состоящих в профессиональных группах и преступных сообществах, выявлении граждан, находящихся в розыске [4].

Постоянно расширяющееся использование систем видеонаблюдения, интенсивное их совершенствование, наращивание мощности и функционала во многом обусловлены развитием и общедоступностью информационно-телекоммуникационных технологий, которые обеспечивают качественно новый, недостижимый ранее уровень доступа к видеоданным и их обработки. В последнее время особое развитие получают программно-аппаратные комплексы, позволяющие собирать, анализировать и сохранять достоверность видеоданных, имеющих доказательственное значение [5, 6]. Дополнительные возможности им придает применение технологий искусственного интеллекта, обеспечивающих выявление в изображениях деталей и признаков, указывающих на важные для обнаружения противоправной деятельности обстоятельства, скрытые связи и взаимозависимости, которые невозможно установить иными обычными средствами [7]. Обработывая получаемую видеоинформацию и сопоставляя ее с масштабными объемами данных из различных информационных систем, подобные комплексы способны по предустановленным наборам признаков (например, когда на объекте фиксируется необычно большое количество людей) формировать сигналы предупреждения о подготовке либо совершении противоправных действий в контролируемом секторе.

Направления применения систем видеонаблюдения в деятельности полиции закреплены в различных ведомственных нормативных актах. В частности, в Наставлении об организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению правопорядка в общественных местах, утвержденном приказом МВД России от 29 января 2008 г. № 81, определено, что с применением указанных систем обеспечиваются: круглосуточный комплексный и непрерывный сбор, анализ и оценка объективной информации о состоянии оперативной обстановки на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах, а также информационно-аналитическое и организационное обеспечение управленческих решений начальника органа внутренних дел по обеспечению правопорядка в общественных местах на территории обслуживания, местах проведения массовых мероприятий и при чрезвычайных обстоятельствах; своевременное выявление преступлений и иных правонарушений, организация деятельности по их предотвращению и пресечению, поиск похищенного автотранспорта и лиц, находящихся в розыске; формирование архивов теле- и видеозаписи для использования в соответствии с законодательством Российской Федерации в доказательной базе по совершенным преступлениям и иным правонарушениям для органов дознания, следствия и суда; принятие решения об осуществлении маневра нарядами комплексных сил в конкретном месте проведения массового мероприятия и при чрезвычайных обстоятельствах.

С учетом серьезности решаемых задач вопросам внедрения и совершенствования систем видеонаблюдения уделяется повышенное внимание на всех уровнях организации правоохранительной деятельности, достаточно широкое отражение они получают и в специальной литературе. Тем не менее представляется целесообразным дополнительно осветить накопленный опыт использования систем видеонаблюдения в правоохранительной сфере.

Напомним, что в 2014 г. в рамках реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 27 мая 2014 г. № Пр-1175) принята Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (распоряжение Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р). Данный аппаратно-программный комплекс (далее – АПК) предназначен для повышения общего уровня общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания за счет существенного улучшения

координации деятельности сил и служб, ответственных за решение этих задач, путем внедрения комплексной информационной системы, обеспечивающей прогнозирование, мониторинг, предупреждение и ликвидацию возможных угроз, а также контроль устранения последствий чрезвычайных ситуаций и правонарушений.

Полагаем, что наиболее показательным с точки зрения применения систем видеонаблюдения в противодействии преступности стоит считать опыт г. Москвы, где комплексно используются самые передовые разработки в сфере обеспечения безопасности. В 2017 г. при взаимодействии департаментов информационных технологий и региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы в качестве межведомственного коллегиального органа была создана рабочая группа верхнего уровня, основной целью которой стала координация использования и развития систем видеонаблюдения г. Москвы. Рабочая группа обеспечивает разрешение вопросов функционирования государственной информационной системы «Единый центр хранения и обработки данных» (далее – ГИС ЕЦХД) и информационно-аналитической системы мониторинга криминогенной обстановки и общественной безопасности в Москве (далее – АИС «Карта криминогенности»), поступления информации в ЕЦХД и АИС «Карта криминогенности», а также передачи информации, хранящейся и обрабатываемой в ГИС ЕЦХД и АИС «Карта криминогенности», конечным пользователям. К числу основных полномочий группы относятся рассмотрение и утверждение схем размещения и зон обзора камер видеонаблюдения локальных систем видеонаблюдения, а также решение вопросов о предоставлении доступа представителей органов власти и организаций к АИС «Карта криминогенности» в целях обеспечения безопасности.

О достаточно высокой эффективности деятельности межведомственной рабочей группы по обеспечению общественной безопасности свидетельствуют результаты 2022 г. Городская система видеонаблюдения, функционирующая на базе ГИС ЕЦХД, интенсивно развивалась в рамках реализации государственных программ «Развитие цифровой среды и инноваций» и «Безопасный город» и активно использовалась органами исполнительной власти и правоохранительными органами, обеспечивая авторизованным пользователям доступ как к видеозаписям в режиме реального времени, так и к архивным видеозаписям. По данным межведомственной рабочей группы, общее количество камер видеонаблюдения, входящих в структуру ГИС ЕЦХД по состоянию на декабрь

2022 г., составило 221 781, что на 8 690 камер больше, чем в январе 2022 г.

Особое место в работе группы занимают мероприятия по наращиванию количества и функциональности камер видеонаблюдения для комплексного решения различных социально важных задач, в том числе в сфере противодействия преступности. В соответствии с заключенными государственными контрактами в ГИС ЕЦХД поступают видеоизображения более чем со 164 тыс. камер видеонаблюдения, которые установлены: на подъездах жилых домов (104,5 тыс.); в жилых дворах (23,6 тыс.); в местах массового нахождения граждан (6,7 тыс.); в образовательных организациях (13,0 тыс.); на объектах социальной сферы и здравоохранения (13,4 тыс.); на объектах торговли (0,9 тыс.) и в иных местах (2,4 тыс.).

Помимо этого предпринимаются активные действия по комплексной интеграции в ГИС ЕЦХД камер локальных систем видеонаблюдения органов исполнительной власти г. Москвы, их подведомственных учреждений, коммерческих объектов (гостиничных комплексов и хостелов, ресторанов и кафе, торговых центров, банков и т.п.). Эти действия позволили привлечь в ГИС ЕЦХД более 57 тыс. камер, размещенных на таких объектах, как дороги общего пользования (5 116); Московское центральное кольцо (1 364); парковые зоны (4 575); железнодорожные вокзалы (163); автовокзалы (409); стадионы (4 621); объекты торговли (6 984); объекты социальной сферы и здравоохранения (5 174); ГБУ «Жилищник» (901); иные объекты (27 796). Продолжаются мероприятия по интеграции локальных систем видеонаблюдения торговых центров и парковых территорий: к декабрю 2022 г. подключены 2 680 камер в 387 торговых центрах и 4 575 камер в парках.

Одной из первоочередных задач по развитию городской системы видеонаблюдения в 2023 г., в том числе с точки зрения обеспечения общественной безопасности, признается дальнейшее объединение локальных систем видеонаблюдения органов исполнительной власти г. Москвы и их подведомственных учреждений. Планируется и далее последовательно включать в ГИС ЕЦХД камеры городских объектов здравоохранения, труда и социальной защиты, культуры и спорта, транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры, образования и науки, жилищно-коммунального хозяйства, коммерческих предприятий, парковых территорий и скверов, железнодорожных вокзалов, станций и остановочных пунктов пригородных пассажирских компаний, аэропортов.

Расширяется применение ГИС ЕЦХД в решении задач правоохранительной деятельно-

сти. В настоящее время ее пользователями являются более 8,5 тыс. сотрудников правоохранительных органов и более 8,1 тыс. сотрудников органов исполнительной власти и подведомственных учреждений. С использованием систем видеонаблюдения за год раскрыто 8 800 преступлений (в 2021 г. – 6579, +34%), в числе которых: убийства – 45; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 177; разбойные нападения – 213; грабежи – 619; кражи – 4138; мошенничества общеуголовной направленности – 1656.

Повышению эффективности использования видеоданных способствует наращивание количества камер видеонаблюдения с элементами видеоаналитики подсистемы автоматической регистрации сценариев индексирования видеоинформации (далее – Парсив ЕЦХД). К настоящему моменту возможностями видеоаналитики обладают более 107 тыс. камер видеонаблюдения, к информации с которых имеют доступ более 1,3 тыс. сотрудников правоохранительных органов. С помощью модуля видеоаналитики Парсив ЕЦХД в 2022 г. выявлено 28 814 лиц, представлявших оперативный интерес, из них 783 находились в федеральном розыске; 4 226 человек были задержаны.

Высокие результаты обеспечивает использование государственной автоматизированной информационной системы «Сфера» (ГАИС «Сфера»), накапливающей информацию в электронной форме и объединяющей программно-технические средства, предназначенные для автоматизации процессов централизованного сбора, обработки, хранения информации в целях обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры Москвы. В 2022 г. с ее помощью обнаружены 350 без вести пропавших (из них 84 несовершеннолетних), 2 253 гражданина, находящихся в розыске (из них 1 903 – за совершение преступлений). Применение систем видеонаблюдения позволило правоохранительным органам существенно облегчить решение задач борьбы с преступностью, обеспечить соответствующий уровень общественного порядка и общественной безопасности при проведении масштабных массовых мероприятий, в числе которых выборы в местные органы власти, шествие «Бессмертный полк», военный парад, концерты, спортивные мероприятия и др.

Межведомственной рабочей группой отлажено взаимодействие на постоянной основе с территориальными подразделениями МВД России. Например, доступ к ГИС ЕЦХД при решении задач борьбы с преступностью получают ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Полагаем, что

рассмотренный опыт построения, развития и использования систем видеонаблюдения заслуживает тщательного изучения и использования правоохранительными органами других регионов.

Понятно, что развитие систем видеонаблюдения требует решения комплекса сложных проблем, включая вопросы финансирования, материально-технического и кадрового обеспечения. Особое место в этом комплексе занимают вопросы нормативно-правовой регламентации функционирования систем. Так, регламентацию функционирования ГИС ЕЦХД определяет постановление Правительства Москвы от 7 февраля 2012 г. № 24-ПП «Об утверждении Положения о государственной информационной системе "Единый центр хранения и обработки данных"». Важные организационные вопросы регламентированы в распоряжении Департамента информационных технологий г. Москвы от 31 июля 2015 г. № 64-16-241/15 «Об утверждении регламента доступа пользователей к информации, содержащейся в государственной информационной системе "Единый центр хранения и обработки данных", регламента передачи информации об объектах видеонаблюдения в государственную информационную систему "Единый центр хранения и обработки данных" из внешних систем видеонаблюдения, регламента передачи в государственную информационную систему "Единый центр хранения и обработки данных" информации об объектах видеонаблюдения на основании заключенных Департаментом информационных технологий города Москвы государственных контрактов».

Особенности функционирования межведомственной рабочей группы определены в совместном распоряжении Департамента информационных технологий г. Москвы и Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы от 10 августа 2017 г. № 64-16-385/17/21-16-102/7 «О создании межведомственной рабочей группы верхнего уровня для рассмотрения и разрешения отдельных вопросов функционирования государственной информационной системы "Единый центр хранения и обработки данных" (ЕЦХД) и информационно-аналитической системы мониторинга криминогенной обстановки и общественной безопасности в городе Москве (АИС "Карта криминогенности"), поступления информации в ЕЦХД и АИС "Карта криминогенности", а также передачи информации, хранящейся и обрабатываемой в ЕЦХД и АИС "Карта криминогенности", пользователям информации».

Соответствующие подходы, на наш взгляд, заслуживают применения и в иных регионах.

Как уже отмечалось выше, в субъектах Российской Федерации деятельность по созданию и использованию систем видеонаблюдения для обеспечения безопасности осуществляется в рамках развертывания АПК «Безопасный город», образующего совместно с действующими федеральными системами обеспечения безопасности интеллектуальную многоуровневую систему управления безопасностью субъекта Российской Федерации в целом и муниципального образования в частности, за счет прогнозирования, реагирования, мониторинга и предупреждения возможных угроз, а также контроля устранения последствий чрезвычайных ситуаций. В структуре АПК предусмотрен правоохранительный сегмент, основная задача которого заключается в информационном обеспечении процесса противодействия преступности [8].

По состоянию на 1 января 2023 г. в 1 670 населенных пунктах Российской Федерации для обеспечения правопорядка и безопасности граждан на улицах и в иных общественных местах развернуты и функционируют свыше 550 тыс. камер видеонаблюдения, из них 218,5 тыс. – в местах массового пребывания граждан¹.

В то же время, по мнению опрошенных специалистов из органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, основными негативными факторами, сдерживающими полноценное развитие и использование правоохранительного сегмента АПК «Безопасный город» в регионах страны, являются:

недостаточное количество в системе видеонаблюдения интеллектуальных камер, обеспечивающих возможность ситуационного видеонаблюдения (11,1 тыс., или 2%), и биометрических камер (119,8 тыс., или 21,8%);

недостаточная проработанность вопросов правового регулирования на федеральном уровне и отсутствие единых требований к построению и развитию АПК;

отсутствие единой интеграционной платформы и соответствующей сетевой инфраструктуры (линий связи), обеспечивающей трансляцию информационных ресурсов АПК;

недостаточные объемы финансирования на развитие АПК, расходование выделяемых денежных средств в основном на поддержание сформированной инфраструктуры, а не на ее расширение;

отсутствие единых обязательных требований к системам видеонаблюдения коммерче-

¹ Данные формы статистической отчетности «ИТСиЗИ» (форма 520), утвержденной приказом МВД России от 31 дек. 2012 г. № 1164.

ских и иных объектов (камеры, расположенные на фасадах многоквартирных домов, предприятий, организаций, учреждений, торговых-развлекательных комплексов, спортивных сооружений и др.), их интеграции в правоохранный сегмент АПК «Безопасный город», технической защищенности от несанкционированного доступа.

На Федеральном портале нормативных правовых актов размещен внесенный МЧС России в 2021 г. проект федерального закона «О Единой системе безопасности среды жизнедеятельности и общественного порядка "Безопасный город"»², основной идеей которого согласно пояснительной записке является формирование законодательной базы, определяющей порядок создания, эксплуатации и модернизации единой системы «Безопасный город», координации деятельности сил и служб, ответственных за решение задач обеспечения безопасности среды жизнедеятельности и общественного порядка, с учетом отечественной и зарубежной практики.

Полагаем, что в законе и подзаконных актах целесообразно закрепить: единые технические условия (требования) по построению и развитию АПК «Безопасный город», обязательные для всех субъектов Российской Федерации, в целях интеграции отдельных элементов региональных сегментов АПК на унифицированной платформе и обеспечения информационной безопасности; единые требования к размещению систем видеонаблюдения, в том числе в непосредственной близости от режимных объектов, объектов жизнеобеспечения и повышенной опасности; условия предоставления доступа к информации субъектам оперативно-розыскной деятельности. Особые требования должны устанавливаться к обеспечению

² URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=121290>

1. Земляченко В.В. Технические особенности применения современных систем видеонаблюдения сотрудниками органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 3.

2. Плешаков В.А. Состояние криминологической безопасности как критерий оценки динамики показателей преступности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10.

3. Плахота К.С. Высокие технологии в раскрытии и расследовании преступлений // Совершенствование уголовно-процессуальных и

защиты информации об использовании системы сотрудниками правоохранительных органов, специальных служб и военнослужащими. Важно уделить внимание вопросу отнесения систем видеонаблюдения, входящих в состав АПК «Безопасный город», к объектам критической информационной инфраструктуры и их последующего категорирования. Должны быть выработаны и дополнительные механизмы защиты информации при создании и эксплуатации систем видеонаблюдения и автоматизированных систем персональных коммуникаций на основе больших данных, а также интеграции систем видеонаблюдения (независимо от их принадлежности), расположенных в общественных местах и местах с массовым пребыванием людей, в АПК «Безопасный город» либо иные государственные информационные системы наблюдения. Заслуживает проработки вопрос о внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации с целью введения обязательных требований к содержанию проектной документации на строительство объектов капитального строительства в части оборудования многоквартирных домов и прилегающей территории системами видеонаблюдения.

Предлагаемый перечень мер, разумеется, не является исчерпывающим, однако полагаем, что их последовательная реализация позволит дополнительно повысить эффективность использования систем видеонаблюдения при решении задач противодействия преступности, в том числе более эффективно осуществлять сбор, формирование, обработку, передачу или прием оперативно значимой информации при укреплении межведомственного взаимодействия. Особое внимание при этом, на наш взгляд, должно уделяться внедрению технологий искусственного интеллекта для обработки видеоданных.

1. Zemlyachenko V.V. Technical features of using modern video surveillance systems by employees of internal affairs bodies // Problems of law enforcement. 2020. No. 3.

2. Pleshakov V.A. The state of criminological security as a criterion for assessing the dynamics of crime indicators // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. No. 10.

3. Plakhota K.S. High technologies in solving and investigating crimes // Improving criminal procedural and forensic measures to combat crime: proc. of the Intern. sci. and practical conf., Omsk, Nov. 26, 2021. Omsk, 2022.

криминалистических мер противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 26 нояб. 2021 г. Омск, 2022.

4. Прокуденкова Т.М., Старичков М.В. Некоторые вопросы раскрытия и расследования преступлений «по горячим следам» // Право и управление. 2022. № 11.

5. Головчанский А.В. К вопросу о тактике изъятия записей камер видеонаблюдения при расследовании уголовных дел // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2.

6. Кураков Д.В. Системы видеонаблюдения как источник доказательств при раскрытии и расследовании преступлений // Служение науке – служение обществу: сб. ст. Междунар. науч.-исслед. конкурса. Петрозаводск, 2022.

7. Кузьмин Н.А., Половинка А.Ю. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5.

8. Мишин В.А. Цифровые технологии, применяемые в области предупреждения правонарушений (на примере аппаратно-программного комплекса «Безопасный город») // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 3.

4. Prokudenkova T.M., Starichkov M.V. Some questions of disclosure and investigation of crimes in hot pursuit // Law and management. 2022. No. 11.

5. Golovchanskiy A.V. To the question about the tactics of obtaining video surveillance records during criminal investigations // Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia. 2021. No. 2.

6. Kurakov D.V. Video surveillance systems as a source of evidence in solving and investigating crimes // Serving science – serving society: proc. of Intern. sci. and research competition. Petrozavodsk, 2022.

7. Kuzmin N.A., Polovinka A.Yu. About some possibilities of using artificial intelligence in the hardware and software complex "Safe City" in solving crimes in Moscow // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 5.

8. Mishin V.A. Digital technologies used in the field of crime prevention (on the example of the hardware and software complex "Safe City") // Problems of law enforcement. 2021. No. 3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Осипенко Анатолий Леонидович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе; тел.: +78612584050;

Батоев Владимир Батоевич, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник ФКУ НПО «Специальная техника и связь» МВД России; e-mail: vbatoev@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A.L. Osipenko, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Deputy Chief on Scientific Work, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612584050;

V.B. Batoev, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Senior Researcher, Scientific and Production Association "Special Equipment and Communications" of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vbatoev@mail.ru

---

Проблемы отказа в возбуждении уголовного дела частного обвинения органами дознания

Исследуются актуальные проблемы законодательного регулирования отказа в возбуждении уголовного дела частного обвинения сотрудниками органа дознания. Автор раскрывает процедуру принятия процессуального решения по заявлениям о преступлениях категории частного обвинения, поступающим в органы внутренних дел РФ, предлагает дополнить ст. 319 УПК РФ полномочиями судьи отказывать в возбуждении уголовного дела по преступлениям частного обвинения.

Ключевые слова: дела частного обвинения, уголовное дело, отказ в возбуждении уголовного дела, дознаватель, мировой судья.

Problems of refusal to initiate criminal proceedings in cases of private prosecution by investigation authorities

The article examines current problems of legislative regulation of the refusal to initiate a criminal case of private prosecution by employees of the inquiry agency. The author reveals the procedure for making a procedural decision on applications for crimes in the category of private prosecution received by the internal affairs bodies of the Russian Federation, proposes to supplement art. 319 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation gives the judge the authority to refuse to initiate criminal proceedings for crimes of private prosecution.

Keywords: private prosecution cases, criminal case, refusal to initiate a criminal case, investigator, magistrate.

В российском уголовном судопроизводстве существует институт частного обвинения, который предусматривает особенности уголовного процесса по отдельной категории преступлений. К таким преступлениям относятся: умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ), побои (ч. 1 ст. 116 УК РФ), нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ), клевета (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ). И хотя законодатель предусматривает особый порядок возбуждения и рассмотрения уголовных дел по данной категории преступлений, указанные деяния относятся к компетенции дознавателей и с точки зрения методики и тактики их расследования, как правило, не вызывают трудностей. В то же время вопросы, связанные с отказом в возбуждении данной категории дел органами дознания, недостаточно четко урегулированы в УПК РФ.

Характерным для исследуемой категории дел является факт возбуждения уголовного дела исключительно по инициативе потерпевшего. Такие заявления исторически расценивались как «уголовный иск» по делам о личной обиде [1, с. 228]. Можно проиллюстрировать сказанное примером из судебной практики. Уголовное дело возбуждено в отношении К., С., И. по ст. 112 УК РФ в связи с причинением по-

терпевшему вреда здоровью средней тяжести. Данное преступное деяние относится к категории преступлений публичного обвинения. Однако в дальнейшем выяснилось, что вред здоровью является легким, в связи с чем возникла необходимость переклассификации их действий на ч. 1 ст. 115 УК РФ, т.е. преступное деяние, которое относится к делам частного обвинения. Заявление потерпевшего в материалах дела отсутствует, уголовное дело по ч. 4 ст. 20 УПК РФ не возбуждалось. В результате уголовное дело прекращено по п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [2].

Заявление о преступлении частного обвинения подается непосредственно мировому судье по правилам территориальной подсудности. К нему должны прилагаться копии заявления и материалов в соответствии с количеством граждан, в отношении которых предполагается возбуждение уголовного дела. Из содержания ст. 318 УПК РФ не вполне понятен момент возбуждения дела: с момента подачи заявления либо вынесения постановления мировым судьей о принятии дела к своему производству. Представляется верным второй вариант. В подтверждение можно привести постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 [3]. В нем говорится, что после поступления заявления потерпевшего по рассматриваемой категории дел мировой

судья выносит постановление о принятии заявления к производству. С этого момента заявитель признается частным обвинителем (п. 27).

Обратимся к случаям, когда лицо, пострадавшее от преступления, непосредственно обращается в отдел полиции. Изначально может показаться, что в этом случае нужно лишь направить материал по подсудности в районный суд. Но это решение выглядит простым лишь на первый взгляд, поскольку УПК РФ требует особой процедуры представления материалов в суд. Речь идет о заявлении, оформленном согласно правилам ст. 318 УПК РФ, которое подается в суд. Отсутствие такого заявления порождает абсолютно обоснованное решение мирового судьи о возвращении указанного материала в ОВД на основании отсутствия заявления, адресованного суду.

Это вполне логично, так как, во-первых, мировой судья получает материал, который ему не адресован, во-вторых, волеизъявление лица, уведомленного о том, что компетенция рассмотрения дел подобной категории относится к суду (а не полиции), не известно, т.е. не ясно, остались ли у заявителя намерения о привлечении лица к уголовной ответственности.

Получается, что в случае обращения гражданина в ОВД с сообщением, указывающим на наличие признаков деяния, относящегося к категории дел частного обвинения, сотрудники полиции обязаны сначала принять заявление в форме протокола принятия устного заявления, т.е. в соответствии с нормами УПК РФ, регламентирующими их деятельность. Затем следует провести проверку по правилам ст. 144 УПК РФ, которая осуществляется дознавателем с целью определения наличия достаточных оснований для возбуждения дела. Однако в юридической литературе отмечается, что на орган дознания, дознавателя по рассматриваемой категории дел возлагается лишь обязанность передачи мирового судье сообщения о преступлении, т.е. без проведения проверки [4].

С этим сложно согласиться. В качестве аргумента приведем позицию Конституционного Суда РФ, указавшего, что зачастую потерпевшие по исследуемой категории дел обращаются в органы полиции. В этих случаях должностные лица обязаны принять сообщение о преступном деянии и провести проверку по правилам ст. 144 и 145 УПК РФ [5].

Убедившись, что принятие решения не относится к компетенции полиции, необходимо письменно разъяснить заявителю (в противном случае факт разъяснения будет невозможно доказать), что для решения вопроса ему необходимо обратиться к мировому судье. Однако на этом в процессуальном плане вопрос с поступившим в отдел полиции заявлением не будет окончательно решенным. Для его разрешения в порядке ст. 145 УПК РФ сотрудник

полиции обязан (хотя это прямо не указано в УПК РФ, но следует из законодательной логики) принять от заявителя еще одно заявление – на имя суда по правилам ст. 318 УПК РФ о привлечении лица, совершившего преступное деяние, к ответственности. Возникает вопрос: вправе ли дознаватель по итогам проверки отказать в возбуждении уголовного дела? В УПК РФ нормы на этот счет отсутствуют. Некоторые авторы отмечают, что в правоприменительной практике нередки случаи, когда дознаватели отказывают в возбуждении подобных дел [4].

В качестве обоснования таких действий, как правило, указываются попытки удержания так называемой статистической «дисциплины», которые приводят к существенным негативным последствиям как для обратившихся за помощью в ОВД граждан, так и для сотрудников, в лучшем случае увольняемых по отрицательным мотивам.

Конечно, необходимо признать, что количество регистрируемых преступлений, а также их раскрываемость учитываются в существующей сегодня системе оценки и ранжирования результатов деятельности подразделений ОВД.

В настоящее время в полиции имеет место «вопрос профессионального выживания», в связи с чем считается, что лучше зарегистрировать и отработать все, чем быть обвиненным в укрывательстве и объясняться перед должностными лицами контролирующими и надзорными органов.

Приведем позицию Конституционного Суда РФ по поводу отказа в возбуждении дела дознавателем по рассматриваемой категории. Исходя из содержания ч. 4 ст. 20, ч. 1 ст. 145 и ч. 3 ст. 318 УПК РФ, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель по итогам рассмотрения сообщения о преступном деянии может либо принять решение о возбуждении уголовного дела либо передать его в суд по правилам ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Указанные субъекты лишены права разрешать вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела данной категории, поскольку такое постановление выходит за пределы их компетенции, вследствие чего считается незаконным [6].

Уместно привести и позицию Верховного Суда РФ.

По приговору мирового судьи судебного участка № 2 г. Пятигорска В. Щепилов осужден по ч. 1 ст. 115 УК РФ. Суд апелляционной инстанции оставил данный судебный акт без изменения. Однако кассационная инстанция отменила приговор, мотивируя это тем, что имелось неотмененное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Щепилова за отсутствием состава преступления. Верховный Суд РФ не согласился с таким выводом, поскольку орган дознания не имеет права разрешать вопрос об отказе в возбуждении подобного уго-

ловного дела, и сослался на вышеназванное определение Конституционного Суда РФ [7].

Возможен вариант, когда потерпевший обращается с заявлением на имя начальника ОВД, а также заявляет об отсутствии намерений обращаться к мировому судье, т.е. отказывается от составления заявления, адресованного в суд. В случае отказа в возбуждении дела дознаватель обязан разъяснить потерпевшему последствия такого решения. Таким образом, отказ в возбуждении дела дознавателем допустим в ситуациях нежелания обращаться в суд.

В практике мировых судей возникают ситуации, когда частный обвинитель не имеет сведений о субъекте, совершившем преступное деяние. В этом случае мировой судья отказывается в принятии заявления и направляет его начальнику органа дознания, о чем уведомляет лицо, подавшее заявление (ч. 1.1 ст. 319, ч. 2 ст. 147 УПК РФ). Это вполне объяснимо, поскольку мировой судья является представителем судебной власти и не должен заниматься раскрытием преступных деяний [8, с. 37]. К сожалению, в указанных статьях отсутствует предписание о том, в какой форме и в какие сроки это должно быть сделано.

Итак, в случае принятия должностным лицом ОВД заявления на имя суда по правилам ст. 318 УПК РФ материал подлежит передаче по подследственности (подсудности). Если заявление подается непосредственно мировому судье и соответствует установленным требованиям, то судья возбуждает уголовное дело и признает заявителя частным обвинителем. Он разъясняет сторонам их процессуальные права и обязанности, а также возможность примирения. Если же заявитель откажется от дальнейшего преследования в судебном порядке, то производство прекращается (ч. 5 ст. 139, ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Обратим внимание, что речь идет о прекращении уже возбужденного уголовного дела. Мировой судья вправе отказать лишь в принятии заявления.

Иногда судьи допускают ошибки, квалифицируя решение данного вопроса по ст. 25 УПК РФ [9, с. 324]. Однако для этого предназначена специальная норма – ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Обратим внимание еще на один нюанс. В названной норме в случаях примирения сторон речь также идет о прекращении дела, а не об отказе в его возбуждении. Относительно примирения сторон все логично. Полагаем, что остается неурегулированной ситуация, когда дознаватель по результатам проверки приходит к выводу об отсутствии события преступления, но не может выйти за пределы своей компетенции и направляет материал мировому судье. На наш взгляд, следует предусмотреть в этих ситуациях возможность вынесения мировым судьей постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

После принятия мировым судьей заявления может оказаться, что субъект преступного деяния относится к категории, которая регламентирована в ст. 447 УПК РФ. Мировой судья отменяет постановление о принятии заявления к производству и направляет материалы руководителю следственного органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Эти вопросы относятся к подследственности Следственного комитета.

В завершение исследования можно сделать вывод, что отказ в возбуждении уголовного дела по преступлениям частного обвинения в УПК РФ не урегулирован. Анализ других норм и правоприменительной практики позволяет заключить, что это возможно лишь в ситуациях, когда обратившийся в ОВД заявитель после разъяснения ему существующей процедуры не намерен составлять заявление мировому судье по правилам ст. 318 УПК РФ.

В ситуации, когда дознаватель по результатам проверки приходит к выводу об отсутствии события преступления, но при этом должен направить материал мировому судье, на наш взгляд, следует предусмотреть возможность вынесения мировым судьей постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Для этого целесообразно ст. 319 УПК РФ дополнить пунктом 1.3 следующего содержания: «Если по поступившему из органов внутренних дел материалу мировой судья придет к выводу об отсутствии события преступления, то выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела».

1. Корякин А.Л. История становления и развития института частного обвинения в уголовном процессе России, проблемы частного обвинения и пути решения // Вестник Омского университета. 2013. № 3(36). С. 225–233.

2. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 авг. 2015 г. по делу № 72-УД 15-9 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/f86c63af477f25747db0c8076ee70488/> (дата обращения: 20.08.2023).

1. Koryakin A.L. History of the formation and development of the institution of private prosecution in the criminal process of Russia, problems of private prosecution and solutions // Bulletin of Omsk University. 2013. No. 3(36). P. 225–233.

2. Determination of the judicial panel for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Aug. 4, 2015 in case No. 72-UD 15-9 [Web resource]. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/f86c63af477f25747db0c8076ee70488/> (date of access: 20.08.2023).

3. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (в ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

4. Черепанова Л.В. Актуальные проблемы возбуждения уголовных дел частного обвинения прокурором, следователем, дознавателем // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 2(54).

5. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 24 и пункта 5 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.А. Школьник: постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2023 г. по делу № 36-П [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/documents/2023/07/05/document-1688483458867405.html> (дата обращения: 20.08.2023).

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 27 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. по делу № 706-О [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71284700/> (дата обращения: 22.08.2023).

7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 июля 2023 г. по делу 19-УД23-16-К5 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/407385398/>

8. Титов П.М. Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения в публичном порядке // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 35–40.

9. Коробова А.А. Актуальные проблемы производства по делам частного обвинения в уголовном процессе // Молодой ученый. 2021. № 22(364). С. 323–327.

3. On the practice of application by courts of norms regulating the participation of the victim in criminal proceedings: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 29, 2010 No. 17 (as amended on 16.05.2017) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. No. 9.

4. Cherepanova L.V. Current problems of initiating criminal cases of private prosecution by a prosecutor, investigator, inquirer // News of the Altai State University. 2007. No. 2(54).

5. In the case of verifying the constitutionality of part four of article 24 and paragraph 5 of article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.A. Shkolnik: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. June 28, 2023 in case No. 36-P [Web resource]. URL: <https://rg.ru/documents/2023/07/05/document-1688483458867405.html> (date of access: 20.08.2023).

6. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vladimir Nikolaevich Alekseev about the violation of his constitutional rights by paragraph 5 of part one of article 27 and paragraph 1 of article 254 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court d.d. March 29, 2016 in case No. 706-O [Web resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71284700/> (date of access: 22.08.2023).

7. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. July 6, 2023 in case No. 19-UD23-16-K5 [Web resource]. URL: <https://base.garant.ru/407385398/>

8. Titov P.M. Procedural features of initiating criminal cases of private prosecution in public order // Bulletin of the Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. P. 35–40.

9. Korobova A.A. Current problems of proceedings in cases of private prosecution in criminal proceedings // Young scientist. 2021. No. 22(364). P. 323–327.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Башинская Инна Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России; e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

I.G. Bashinskaya, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Deputy Chief of the Department of Criminal Procedure, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru

---

Реализация принципов организации правосудия в досудебном производстве по уголовным делам

В статье автор обращается к проблеме определения понятия и построения системы принципов организации правосудия в досудебном производстве по уголовным делам¹. На основе анализа действующего законодательства, решений Конституционного Суда РФ и разъяснений Верховного Суда РФ с учетом особенностей судебных процедур, осуществляемых в досудебном производстве, аргументирован тезис о действии в них общих условий судебного разбирательства (гл. 35 УПК РФ), относящихся к конституционным принципам организации правосудия, описана специфика их реализации.

Ключевые слова: суд, правосудие, принципы организации правосудия, уголовное судопроизводство, уголовное досудебное производство, общие условия судебного разбирательства.

Implementation of the principles of organization of justice in pre-trial proceedings in criminal cases

In the article, the author addresses the problem of defining the concept and system of principles of the organization of justice in pre-trial proceedings in criminal cases. Based on the analysis of the current legislation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, taking into account the peculiarities of judicial procedures carried out in pre-trial proceedings, the thesis on the operation of the general conditions of judicial proceedings in them (chapter 35 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) relating to the constitutional principles of the organization of justice is argued, the specifics of their implementation are described.

Keywords: court, justice, principles of the organization of justice, criminal proceedings, criminal pre-trial proceedings, general conditions of trial.

Конституция РФ провозглашает, что правосудие осуществляется только судом, посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118). Каждый вид судопроизводства обусловлен предметом рассмотрения и регламентирован, как правило, кодифицированными нормативными актами.

Правосудие как правоприменительная деятельность (характерная для всех сфер судопроизводства) [1, с. 33–34, 42–47] является процессуальной деятельностью суда (судьи), осуществляется в установленном законом порядке [2, с. 23], направлена на разрешение правового спора (конфликта) сторон [3, с. 45].

Важнейшие правовые положения, определяющие сущность и порядок осуществления правосудия, являются его принципами и отражены преимущественно в гл. 7 Конституции РФ². Некоторые из указанных конституционных уста-

новлений продублированы и детализированы в текстах федеральных конституционных законов, регламентирующих отдельные аспекты деятельности органов судебной власти, отражают различные аспекты правосудия (судоустройственные и судопроизводственные) [5]. В тексты таких законов включены нормы, в которых либо перечислены принципы, либо указано их нормативное содержание. Однако законодатель, несмотря на оперирование данным термином, не определил его значение. Поскольку положения, которые бы исчерпывающим образом устанавливали систему принципов организации правосудия, отсутствуют, Конституцию РФ и федеральные конституционные законы надлежит толковать в системном единстве. Стоит отметить, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и прямое действие. Фактически это означает, что для действия конституционных принципов организации правосудия не требуется их закрепление в отраслевых законах.

Многие конституционные установления, касающиеся осуществления правосудия, воспроизведены и развиты (детализированы) в уголовно-процессуальном законодательстве на уровне как принципов уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ), так и общих условий судебного разбирательства (гл. 35 УПК РФ).

¹ Исходя из поставленных в данном исследовании задач, мы не делим принципы на судопроизводственные и судоустройственные, используя унифицированную категорию – принципы организации правосудия, которая является более широким понятием и включает в себя оба указанных аспекта.

² В переводе с латинского «принцип» ("principium") означает «основа, начало, основное начало, на котором построено что-либо (научная система, теория, устройство и т.п.), закон, основное положение чего-либо, точка зрения, убеждение, правило поведения» [4, с. 533].

Полагаем, что это обусловлено стремлением законодателя к детальному урегулированию правоотношений в сфере уголовного судопроизводства, учитывая, что при осуществлении последнего ограничению могут быть подвергнуты наиболее значимые права личности, восстановить которые (в случае их незаконного и необоснованного ограничения, нарушения) не представляется возможным. По этой причине мы разделяем доводы Т.Ю. Вилковой о том, что нормы Конституции РФ, закрепляющие общеправовые и межотраслевые принципы, исходя из их смысла, требуют дополнительной регламентации вследствие следующих обстоятельств: формулировка конституционной нормы не указывает на возможность исключений, однако исключения предусмотрены в других положениях Конституции РФ; закрепленный в Конституции РФ общеправовой или межотраслевой принцип имеет или приобретает особенно широкую сферу реализации именно в уголовном судопроизводстве, исходя из чего имеет существенную отраслевую специфику; в УПК РФ содержатся правовые институты и (или) нормы, которые в совокупности или по отдельности могут расцениваться как противоречащие общеправовому или межотраслевому принципу либо не позволяющие обеспечить практически доступное и эффективное осуществление общеправового или межотраслевого принципа, придавая ему теоретический или иллюзорный характер в сфере уголовного судопроизводства [6, с. 14–15].

Следует подчеркнуть, что в УПК РФ впервые в истории развития соответствующей отрасли законодательства включена глава «Принципы уголовного судопроизводства»³, положения которой, исходя из легального определения уголовного судопроизводства, должны распространять свое действие как на досудебное, так и на судебное производство по уголовному делу. В этой части уголовно-процессуальный закон характеризуется относительной стабильностью: за два десятилетия своего действия он был дополнен двумя принципами, такими как разумный срок уголовного судопроизводства (2010 г.) и независимость судей (2013 г.).

Дискуссия о понятии принципов правосудия и их системе в науке уголовного процесса в настоящее время продолжается. Отметим, что некоторые ученые предлагают рассматривать принципы правосудия как сложившиеся с учетом исторического развития исходные начала национальной модели правосудия. В качестве

³ Обратим внимание, что в ней нашло свое нормативное закрепление назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), что лишь усугубляет терминологическую путаницу. Многие ученые-процессуалисты обоснованно ставят под сомнение правильность использования законодательной техники при таком подходе [7, с. 6].

основных принципов современной российской модели правосудия они определяют: законность, независимость судей, равенство всех перед законом и судом; доступность правосудия; состязательность и равноправие сторон; открытость судебного разбирательства; оперативность судебной защиты [8, с. 427].

Нам близка позиция В.В. Кальницкого о том, что принципы организации правосудия – это закрепленные в Конституции РФ и отраслевых законах наиболее общие положения, отражающие важнейшие стороны построения и функционирования органов судебной власти и обеспечивающие справедливое рассмотрение отнесенных к их компетенции дел в разумные сроки [9, с. 19].

Таким образом, принципы организации правосудия – это законодательно закрепленные мировоззренческие идеи высокой степени общности, отражающие наиболее демократические и гуманные аспекты, действующие в рамках сложных организационно-правовых структур (сферы судопроизводства) с учетом специфики исторического становления и национальных особенностей российской правовой системы.

Подчеркнем, что значение нормативного закрепления принципов организации правосудия для уголовного судопроизводства заключается в следующем: 1) они отражают наиболее значимые ценности конкретного исторического периода развития общества и государства; 2) насыщают уголовно-процессуальные процедуры гарантиями обеспечения прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство; 3) выступают непосредственным регулятором уголовно-процессуальных отношений в случае пробельности и коллизионности закона.

Исходя из того, что конституционные положения, касающиеся отправления правосудия, в большинстве своем выражены в качестве принципов уголовного процесса, отметим, что вопрос о содержании данной правовой категории относится к числу дискуссионных. На наш взгляд, одно из наиболее удачных определений предложено Н.С. Мановой: это обусловленные общепризнанными принципами и нормами международного права, законодательно закрепленные наиболее значимые положения системообразующего характера, выражающие демократическую и гуманистическую сущность российского уголовного процесса, определяющие построение всех его институтов и обеспечивающие достижение целей и задач, стоящих перед уголовным судопроизводством [10, с. 15].

На системообразующий характер принципов обоснованно указывает С.С. Безруков, говоря о том, что их содержание «не может быть

установлено отдельно взятой процессуальной нормой, обозначается в их совокупности. При этом принципы выступают наиболее общими, предельно абстрактными требованиями, не рассчитанными на непосредственную регламентацию правоотношений, реализующихся в них через частные нормы, созданные с учетом базового предписания» [11, с. 15]. Он же подчеркивает, что «процессуальные нормы формируются под влиянием принципов и не могут им противоречить. Именно на базе принципов выстраиваются уголовно-процессуальные правоотношения, реализуются субъективные права и обязанности участников уголовного судопроизводства» [11, с. 16].

Специфика уголовного судопроизводства в его доктринальном понимании определена содержанием ключевого (главного) вопроса, подлежащего разрешению судом (о виновности лица в совершении преступления и мере его ответственности). Его современная модель (в отличие, к примеру, от гражданского судопроизводства) сконструирована таким образом, что суд не может разрешить дело по существу без результатов осуществления предварительной деятельности органами, производящими проверку сообщений о преступлениях и предварительное расследование. Поэтому досудебное судопроизводство является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства. Определение принципов организации правосудия, которые регулировали бы соответствующие правоотношения, столь же важно, как и при разрешении уголовного дела по существу. Акты правосудия в досудебном судопроизводстве являются предпосылками качественного разрешения основного вопроса уголовного дела.

Обращает на себя внимание тот факт, что закрепленные в ст. 123 Конституции РФ принципы гласности, непосредственности, устности и равноправия сторон в УПК РФ сведены до общих условий судебного разбирательства (гл. 35), т.е. принципов «судебной» части уголовного судопроизводства. На первый взгляд, представляется, что они не касаются досудебного производства, но этот вывод безоснователен. Соглашаясь с мнением профессора В.В. Николюка о том, что уровень гарантий права на судебную защиту в рамках отправления правосудия должен отвечать международным стандартам, в первую очередь праву на справедливое судебное разбирательство [12, с. 410], целесообразно подчеркнуть важность соблюдения указанных норм в досудебном производстве (с учетом особенностей уголовно-процессуальных процедур, которые различаются между собой по предмету спора, специфике круга и правового положения участников, видам решений).

В пользу этого суждения свидетельствует правовая позиция Конституционного Суда РФ: судебная защита осуществляется посредством конкретных процедур, основана на конституционных принципах правосудия, предполагающих неукоснительное следование правилам уголовного судопроизводства и своевременность защиты прав и законных интересов участвующих в деле лиц⁴.

Не вдаваясь в полемику, отметим, что деятельность суда по реализации в досудебном производстве полномочий, указанных в положениях ст. 29, 125.1, 214.1, ч. 3 ст. 448 УПК РФ и т.д., воспринимается нами как осуществление правосудия. Это предполагает, что законом должны быть предусмотрены соответствующие механизмы и гарантии, создающие условия для справедливого судебного разбирательства.

С нашей точки зрения, к принципам организации правосудия, к той части из них, в которых отражены конституционные установления, реализация которых не зависит от этапа уголовного судопроизводства, могут быть отнесены нормы ст. 6.1–14, 16–19 УПК РФ. Отдельного внимания заслуживают те из них, содержание которых определяется исходя из назначения и специфики досудебного производства по уголовному делу: состязательность сторон, непосредственность и устность, гласность.

1. *Состязательность сторон.* На доктринальном уровне вопрос о действии принципа состязательности в досудебном производстве (включая его пределы) является спорным. Полагаем, что полностью отрицать здесь его действие нельзя по формальным основаниям. Системное понимание пп. 50, 51 ст. 5 УПК РФ позволяет заключить, что суд, проводя судебное разбирательство в форме судебного заседания в досудебном производстве, исходит из конституционного установления состязательности сторон правового спора. Применительно к досудебному производству стороны следует понимать как участников правового спора, а не в строго процессуальном смысле, отраженном в п. 45 ст. 5 УПК РФ.

Пределы действия принципа состязательности в досудебном производстве определяются, во-первых, исходя из тех правовых разногласий между государством и личностью, которые разрешает суд [13, с. 57]. Стороны преследуют противоположные интересы, чаще всего в условиях конфликтной правовой ситуации, подлежащей урегулированию посредством правосудия. Во-вторых, специфика реализации

⁴ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 14 янв. 2000 г. № 1-П, от 25 июня 2013 г. № 14-П; определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 578-О/2019.

рассматриваемого принципа связана с субъектами правоотношений, возникающих при этом, которые, в свою очередь, зависят от характера рассматриваемого спора. Положение суда как органа, осуществляющего правосудие, остается неизменным, вся процессуальная власть по рассмотрению и разрешению того или иного спора сосредоточена в его руках. При этом стороны защиты и обвинения в их доктринальном понимании и законодательном закреплении может и не быть (например, при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ). В-третьих, необходимо учитывать особенности деятельности суда по осуществлению правосудия в рамках специальных процедур, которые регламентируются достаточно большим количеством разрозненных уголовно-процессуальных норм (ст. 108, 125, 125.1, 165, 214, 214.1 УПК РФ и др.). Суд призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения, исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности, вне зависимости от того, на какой стадии производства по уголовному делу оно принимается. На это обращает внимание Конституционный Суд РФ, в решениях которого акцентируется, что при рассмотрении споров в сфере уголовного судопроизводства суд должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром⁵.

2. Непосредственность и устность. Конституционное установление о непосредственности судопроизводства (ч. 2 ст. 123 Конституции РФ) реализуется в досудебном производстве с некоторыми изъятиями и ограничениями. Так, по общему правилу судам предписывается проводить судебное разбирательство очно, т.е. в присутствии заинтересованных лиц. Данное требование воспроизведено в ч. 1 ст. 240 УПК РФ: в судебном разбирательстве все доказательства подлежат непосредственному исследованию. Это означает, что судья в судебном заседании лично заслушивает и воспринимает пояснения участников по существу спора, самостоятельно принимает решение по заявленным ходатайствам о приобщении документов и предметов в качестве доказательств. При этом лишь те данные, которые были проанализированы судьей при соблюдении уголовно-процессуальной процедуры, обретают значимость судебного доказательства и могут быть положены в основу акта правосудия.

В досудебном судопроизводстве обязательной оценке судьей также подлежит совокупность доказательств и изложение с ее учетом мотивов принятия решения, на что обращает внимание в своих разъяснениях Пленум Вер-

⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 8 дек. 2003 г. № 18-П (п. 2.1).

ховного Суда РФ⁶. Исключений из этого правила нет (в отличие, например, от норм, регламентированных разд. X УПК РФ).

Так, Конституционный Суд РФ указал, что при принятии решения об избрании меры пресечения именно на судью, выносящего соответствующее постановление, возлагается обязанность оценить достаточность имеющихся в деле материалов⁷ путем их активного исследования. В этом отношении также представляет интерес позиция высшего судебного органа конституционного контроля, в соответствии с которой в силу единства общих начал доказывания, закрепленных уголовно-процессуальным законом, правовое регулирование, согласно которому документы, представленные в судебное заседание сторонами или истребованные судом, могут быть на основании постановления суда исследованы и приобщены к материалам уголовного дела, распространяется на судебное заседание, осуществляемое в порядке, предусмотренном ст. 214.1 УПК РФ, как на одну из форм осуществления правосудия⁸. Отметим, что специфика данной судебной деятельности обстоятельно исследована профессором В.В. Николюком [14, 15].

Общее условие устности судебного разбирательства устанавливается в УПК РФ наряду с непосредственностью. Оно предполагает устную форму изложения пояснений (несмотря на то, что ранее эти сведения были зафиксированы в письменном виде), оглашение текстов различных документов, т.е. проговаривание сторонами данных в обоснование и поддержание своей позиции. Сочетание устности и письменности может быть представлено в виде формулы «Все, что сказано, должно быть написано, а все, что написано, должно быть сказано».

Норма, о которой упоминалось выше, содержит два глагола, определяющих сущность устности (иными словами, судового разбирательства): «заслушивает» и «оглашает», что предполагает воспроизведение посредством голоса и восприятие с помощью органов слуха и зрения (невербальные значения поведения лиц при даче судьей пояснений и других проверочных

⁶ См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 (пп. 29, 39, 43, 49); О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февр. 2009 г. № 1 (п. 1); О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 (п. 7).

⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П; определение Конституционного Суда РФ от 26 апр. 2016 г. № 713-О.

⁸ См.: определение Конституционного Суда РФ от 29 сент. 2020 г. № 1980-О.

действиях) информации в условиях непосредственного исследования доказательств судом.

Отступление от правила о непосредственном участии подсудимого, потерпевшего, свидетеля в судебном заседании стало возможным благодаря использованию в уголовном процессе достижений научно-технического прогресса и внедрению систем видео-конференц-связи (ч. 4 ст. 240 УПК РФ, ст. 241.1 УПК РФ). При этом в указанных законоположениях речь идет об участниках судебного производства, что объективно ставит вопрос о возможности применения названных норм по аналогии в досудебном этапе. По-видимому, с учетом схожести обстоятельств, обуславливающих необходимость дистанционного получения информации от лиц в ходе судебного заседания, на поставленный вопрос можно ответить утвердительно. Помимо перечисленных субъектов следует нормативно предусмотреть включение в этот перечень экспертов и специалистов в целях обеспечения быстрого получения сведений от них и принятия на их основе процессуальных решений.

В обоснование своей точки зрения отметим, что возможность использования процессуальной аналогии закреплена в правовых позициях Конституционного Суда РФ⁹ при условии, что уровень гарантий прав, предоставляемых участникам уголовного судопроизводства, не будет снижен. Соблюдение условия устности судебного заседания гарантирует своевременную осведомленность сторон об их действиях и позициях.

Необходимо обратить внимание на то, что условие устности не исключает, а наоборот, требует письменного закрепления процессуальных действий в судебном заседании, что позволяет участникам уголовного судопроизводства сделать вывод об их достоверности с учетом того, что весь ход судебного заседания обязательно фиксируется в протоколе (ст. 259 УПК РФ).

3. *Гласность* в качестве принципиального установления закреплена в ч. 1 ст. 123 Конституции РФ. Для участников уголовного судопроизводства гласность – это регламентированный уголовно-процессуальным законодательством правовой режим доступности участникам уголовного судопроизводства его хода и результатов, объем реализации которого зависит от процессуального статуса участника процесса, стадии уголовного судопроизводства и отдельных ее этапов [18, с. 214].

Как уже было отмечено, в УПК РФ она представлена как общее условие судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ), которое по общему правилу предполагает открытый характер. При этом Конституция РФ допускает слушание

дела в закрытом заседании в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Применяя аналогию права к регулированию правоотношений, складывающихся в процессе осуществления правосудия в досудебном производстве, обратим внимание на исключения, связанные с принятием решений о проведении закрытого судебного заседания: 1) требуется защита государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны; 2) исследуются данные о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет; 3) рассматриваются материалы о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и иные вопросы, затрагивающие сведения об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства, либо сведения, унижающие их честь и достоинство; 4) возникает необходимость обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц; 5) обеспечивается тайна предварительного расследования. Важно отметить, что, несмотря на ограничение гласности, решения судьи должны соответствовать критериям законности, обоснованности и мотивированности.

Гласность деятельности судебной власти предполагает открытость правосудия, с одной стороны, для общества в целом, с другой – для участников судебного заседания по конкретному спору, обеспечивая тем самым оперативность реакции на действия судьи в защиту своих интересов. Благодаря гласности сохраняется постоянный обмен мнениями между судьями и остальным обществом, вследствие чего юстиция не утрачивает связи с жизнью [16, с. 96–97].

Требование о доступности хода и результатов судебной деятельности для общественного ознакомления и обсуждения в целях обеспечения прав и свобод граждан, установления истины и воспитательно-предупредительного воздействия уголовного процесса повышает правовую культуру и развивает в гражданах чувство права и законности [17, с. 64–66].

Стоит отметить важность реализации права каждого на получение сведений о ходе и результатах судебного разбирательства при непосредственном присутствии в судебном заседании, ведении аудиозаписи происходящего или получении сведений посредством его транслирования или опубликования в средствах массовой информации. Нормативное требование об информированности общества о результатах деятельности судов закрепляется на уровне закона.

Пленум Верховного Суда РФ указал, что открытость и гласность судопроизводства являются гарантией справедливого судебного

⁹ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П (п. 8), от 29 июня 2004 г. № 13-П (п. 6).

разбирательства¹⁰, в связи с чем обязал суды создавать необходимые условия для обеспечения открытости и гласности судопроизводства и реализации права на получение информации о деятельности судов.

Одной из гарантий сохранения в тайне ставших известными в ходе судебного заседания данных предварительного расследования является установленная законом уголовная ответственность за их разглашение (ст. 310 УК РФ). Этот императив в числе прочего обеспечивает ограждение «заподозренного» лица от поспешного вывода о его причастности.

Таким образом, законодательные предпосылки, позволяющие сделать вывод об исключении принципа гласности в досудебном уголовном судопроизводстве, отсутствуют.

Принимая во внимание наступательный, порой неотложный характер уголовно-процессуальной деятельности, вопросы ограничения конституционных прав граждан в порядке ст. 165 УПК РФ целесообразно рассматривать в судебном заседании, исключая участие в нем лиц, в отношении которых принимается соответствующее решение, с обязательностью последующего судебного контроля (ч. 5 ст. 165 УПК РФ) и возможностью обжалования. В подобных случаях сохранение «тайны следствия» первично по сравнению с обеспечением гласности судебного заседания.

Конституционный Суд РФ установил, что в отличие от судебного разбирательства по существу уголовного дела требования открытости, гласности и состязательности сторон в этом производстве могут быть реализованы не в полной мере. В противном случае следственные и иные процессуальные действия, достижение позитивных результатов которых в значительной степени обусловлено их внезапным

¹⁰ См.: Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 дек. 2012 г. № 35.

и конфиденциальным характером, при уведомлении о предстоящем их проведении заинтересованных лиц могли бы утратить всякий смысл¹¹. В то же время действующее правовое регулирование обеспечивает защиту прав лиц посредством так называемого «последующего» судебного контроля.

Обратим внимание на еще одно исключение из общего порядка уведомления, которое связано с обязанностью следователя при производстве следственных действий в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ разъяснить заинтересованным лицам их права, в том числе право заявить ходатайство об участии в судебном заседании по проверке законности проведенного следственного действия, обеспечить возможность их реализации, указать суд, в котором будет проводиться судебное заседание¹².

В заключение считаем важным отметить, что, несмотря на законодательное закрепление некоторых конституционных принципов в качестве общих условий судебного разбирательства, они не утрачивают свое обязательное значение при регламентации судебной деятельности в досудебном уголовном судопроизводстве. Конституционные положения, обладая высшей юридической силой и прямым действием, играют значительную роль в механизме осуществления правосудия в досудебном производстве, имея определенную специфику реализации, обусловленную предметом рассматриваемых споров.

¹¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 124-О.

¹² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карпова Валерия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 21 нояб. 2022 г. № 3013-О.

1. Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

2. Михайловская И.Б. Судебная власть. М., 2003.

3. Бозров В.М. Суцность, содержание и форма правосудия по уголовным делам в российской правовой науке: общее и частное // Российский судья. 2020. № 2. С. 39–50.

4. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2014.

5. Судебное устройство и правоохранительные органы: учеб. / под ред. Л.В. Головки. М., 2022.

6. Вилкова Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

1. Lazareva V.A. Judicial protection in the criminal process of the Russian Federation: problems of theory and practice: diss. ... Dr of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2000.

2. Mikhailovskaya I.B. Judicial branch. Moscow, 2003.

3. Bozrov V.M. Essence, content and form of justice in criminal cases in Russian legal science: general and particular // Russian judge. 2020. No. 2. P. 39–50.

4. Egorova T.V. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. Moscow, 2014.

5. Judiciary and law enforcement agencies: textbook / ed. by L.V. Golovko. Moscow, 2022.

6. Vilkoval T.Yu. The system of principles of Russian criminal justice: auth. abstr. ... Dr of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2022.

7. Зажицкий В.И. Об основных направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3(23). С. 3–10.

8. Правосудие в современном мире. 2-е изд., доп. и перераб. / В.М. Лебедев, Т.Я. Хабриева, А.С. Автономов и др. М., 2018.

9. Судоустройство, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры: учеб. пособие / под ред. А.Н. Артамонова. Омск, 2020.

10. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.С. Мановой. М., 2019.

11. Безруков С.С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

12. Николыук В.В. Уголовный процесс: проблемы теории, законодательства и практики: избр. ст.: в 2 ч. М., 2021. Ч. II.

13. Бурмагин С.В. Метаморфозы состязательности уголовных производств по делам судебного контроля // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 2(159). С. 44–62.

14. Николыук В.В. Судебный порядок получения разрешения на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (п. 13 ч. 2 ст. 29, ч. 11 ст. 214, ст. 214¹ УПК России) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 1. С. 7–11.

15. Николыук В.В. Судебное производство о выдаче разрешения на отмену прекращения уголовного дела или уголовного преследования (ст. 214¹ УПК РФ) в структуре уголовного процесса // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 79–88.

16. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. 4-е изд. СПб., 1912. Т. 1.

17. Бахмадов Б.Д. Конституционный принцип гласности уголовного судопроизводства // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2012. № 6. С. 64–66.

18. Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019.

7. Zazhitsky V.I. On the main directions of improvement of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2011. No. 3(23). P. 3–10.

8. Justice in the modern world. 2nd ed., augm. and rew. / V.M. Lebedev, T.Ya. Khabrieva, A.S. Avtonomov et al. Moscow, 2018.

9. The judiciary, the organization of the prosecutor's office, the bodies of preliminary investigation and the advocacy: study aid / ed. by A.N. Artamonov. Omsk, 2020.

10. Principles of Russian criminal justice: content and implementation problems / ed. by N.S. Manova. Moscow, 2019.

11. Bezrukov S.S. Principles of the criminal process: auth. abstr. ... Dr of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2016.

12. Nikolyuk V.V. Criminal procedure: problems of theory, legislation and practice: sel. arts: in 2 pts. Moscow, 2021. Pt. II.

13. Burmagin S.V. Metamorphoses of the adversarial nature of criminal proceedings in cases of judicial control // Lex russica (Russian Law). 2020. Vol. 73. No. 2(159). P. 44–62.

14. Nikolyuk V.V. Judicial procedure for obtaining permission to cancel a decision to terminate a criminal case or criminal prosecution (clause 13 of pt. 2 of art. 29, pt. 11 of art. 214, art. 214¹ of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2022. No. 1. P. 7–11.

15. Nikolyuk V.V. Court proceedings on the issuance of a permit to cancel the termination of a criminal case or criminal prosecution (article 214¹ of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) in the structure of the criminal process // Russian Justice. 2022. No. 10. P. 79–88.

16. Foinitskiy I. Ya. Course of criminal proceedings: in 2 vols. 4th ed. St. Petersburg, 1912. Vol. 1.

17. Bakhmadov B.D. The constitutional principle of publicity of criminal proceedings // Bulletin of the Essentuki Institute of Management, Business and Law. 2012. No. 6. P. 64–66.

18. Kolosovich M.S. Procedural means of ensuring publicity and secrecy in criminal proceedings: conceptual foundations: diss. ... Dr of Sciences in Jurisprudence. Volgograd, 2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шумилова Татьяна Николаевна, адъюнкт Омской академии МВД России; e-mail: t_shumilova78@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

T.N. Shumilova, Adjunct, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: t_shumilova78@mail.ru

Арутюнов Александр Самсонович
Фаниев Павел Андреевич

Анализ артефактов Windows как способ получения криминалистически значимой информации

Рассматриваются возможности анализа артефактов операционных систем Windows с целью получения криминалистически значимой информации. Отмечается рост преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, что обуславливает необходимость развития криминалистической науки в части сбора следовой информации в цифровом пространстве. Описываются некоторые способы сбора цифровых следов: анализ кэш-памяти используемой Hyper-V Virtual Machine; изучение лога работы Windows PowerShell; исследование содержимого папки Recent. Рассматриваемые артефакты могут содержать информацию о действиях пользователей, конфигурации системы, а также наличии вредоносных программ.

Ключевые слова: компьютерная экспертиза, цифровой след, артефакты Windows, Amcache, PowerShell, Recent.

Analysis of Windows artifacts as a way to obtain forensically significant information

This article examines the possibilities of analyzing artifacts of Windows operating systems in order to obtain criminally significant information. There is an increase in crimes related to unauthorized access to computer information, which necessitates the development of forensic science in terms of collecting trace information in the digital space. Some methods of collecting digital traces are described, such as analyzing the cache memory used by Hyper-V Virtual Machine, studying the Windows PowerShell log, as well as examining the contents of the Recent folder. The artifacts in question may contain information about user actions, system configuration, as well as the presence of malware.

Keywords: computer expertise, digital footprint, Windows artifacts, Amcache, PowerShell, Recent.

С развитием информационных технологий и растущей зависимостью общества от компьютерных систем и сетей незаконный доступ к компьютерной информации становится все более актуальной проблемой. Киберпреступность не только наносит значительный ущерб отдельным организациям и обществу в целом, но и нарушает частную жизнь и права граждан.

В российском законодательстве за неправомерный доступ к компьютерной информации предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст. 272 УК РФ [1].

По данным официально опубликованной судебной статистики по назначенным наказаниям за совершение преступлений, в 2021 г. по ст. 272 УК РФ осуждено 133 человека, из них 111 по ч. 3 указанной статьи, предусматривающей ответственность за совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения. В 2022 г. по ст. 272 УК РФ осуждено 179 лиц, из них 149 человек – по ч. 3 указанной статьи. При этом в 2020 г. по данной статье было осуждено лишь 84 человека, из них 64 по ч. 3.

Кроме того, согласно сведениям о состоянии преступности за январь – июль 2023 г., размещенным на официальном сайте МВД России, количество совершенных киберпреступлений возросло на 27,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [2], что прямо указывает на рост киберпреступности.

Предотвращение и расследование киберпреступлений становится одной из приоритетных задач для правоохранительных органов и специалистов в области информационной безопасности. Раскрытие IT-преступлений требует наличия технического образования и особых навыков. Также в данной сфере деятельности необходимы регулярное обновление знаний и совершенствование методов расследования. Обеспечение безопасности компьютерной информации является сложной и многоаспектной задачей, требующей постоянного сотрудничества различных структур, обмена опытом между специалистами в области информационной безопасности, а также постоянного совершенствования методологии сбора и анализа доказательственной базы – цифровых следов.

Идея использования цифровых следов в правоохранительной деятельности не нова. В последние десятилетия компьютерные и мобильные технологии развивались очень интенсивно, предоставляя огромный объем информации, которую следователи могут использовать для решения оперативно-служебных задач. Банковские транзакции, местоположение сотовых телефонов, данные социальных сетей – это лишь несколько примеров цифровых следов, которые могут служить важными доказательствами в уголовном процессе. Использование цифровых следов становится неотъемлемой частью современной системы расследования преступлений, в особенности связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации. Анализируя цифровые следы, можно установить способ получения доступа к информации, определить профессиональную квалификацию злоумышленника, а в ряде случаев выявить, с какого устройства было совершено преступление.

Одним из способов сбора цифровых следов является анализ артефактов операционной системы Windows, который стал неотъемлемой частью современных методов судебного и компьютерного расследования. Исследование артефактов позволяет получить ценные данные, необходимые для реконструкции события преступления, идентификации виновных лиц, применяемых технических средств, анализа действий пользователей, вовлеченных в преступное взаимодействие. Рассмотрим ряд артефактов, могущих стать источником криминалистически значимой информации.

Amscache.hve – это файл, который используется для хранения информации о кэш-памяти в операционной системе HVM (Hyper-V Virtual Machine). Он содержит информацию о запускаемых в системе приложениях. В операционной системе Windows 8 для указанных целей используется файл RecentFileCache.bcf [3]. Файл Amscache.hve располагается в папке C:\Windows\appcompat\Programs, в нем указываются сведения о пути к исполняемым файлам запускаемых программ, временные метки их установки, запуска и удаления, а также контрольные суммы (SHA1) запущенных программ.

Существует два способа получения этого файла для анализа. Первый позволяет использовать для запуска системы Live CD со сторонней операционной системой, используя которую, можно скопировать указанный файл обычным способом. Во втором случае для по-

лучения указанного файла из запущенной операционной системы необходимо использовать специализированное программное обеспечение, например WinHex или R-Studio. Последующий анализ файла осуществляется с использованием утилиты RegRipper. В результате данные файла с необходимой информацией будут представлены в формате .txt. Например, используя базу данных virustotal.com, можно проверить наличие вируса в файле, в том числе используя сведения о hash-сумме файла, даже если он был удален.

Анализ лога использования Windows PowerShell позволяет получить информацию о вводимых в системе консольных командах. В случае если злоумышленники при загрузке вредоносного программного обеспечения (ПО) использовали консольные команды, это будет записано в исследуемых логах. Лог работы располагается в папке C:\Users\username\AppData\Roaming\Microsoft\Windows\PowerShell\PSReadLine\ConsoleHost_history.txt.

Следует помнить, что подобная возможность реализована только в версии PowerShell 5.1, которая по умолчанию устанавливается с операционной системой Windows 10. В более ранних версиях лог работы консоли хранится только в текущей сессии PowerShell и может быть получен путем ввода в консоли PowerShell команды «Get-History | Format-List -Property*».

Значительный интерес может представлять исследование содержимого папки C:\Users\username\AppData\Roaming\Microsoft\Windows\Recent. В ней хранится история запущенных на устройстве файлов и программ. Информация представлена в виде ярлычков со ссылкой на запущенный файл. Следует отметить, что, даже если запущенный файл был удален, останутся данные о его имени, расширении, а также месте последнего расположения. Подобная информация может быть полезна для обнаружения факта внедрения и запуска вредоносного ПО. Кроме того, в папке Recent содержатся еще две подпапки: AutomaticDestinations и CustomDestinations. Первая содержит пути к ранее открытым классическим файловым объектам, например файлам word, opera и т.д.; вторая – аналогичную информацию, но в отношении нестандартного либо «кастомного» программного обеспечения. Данные в них хранятся в формате .automaticDestinations-ms и .customDestinations-ms. Примечательно, что имена файлов содержат в себе отсылку к конкретному программному обе-

спечению. Например, по умолчанию код a7bd71699cd38d1c в имени файла с расширением .automaticDestinations-ms указывает на то, что в нем содержится информация о действиях, связанных с программой Microsoft Word 2010, а код 23646679aacccfae0 – на сведения о действиях, связанных с Adobe Reader 9. Следует отметить, что названные файлы относятся к категории OLE Compound Files и состоят из чисел в шестнадцатеричной системе счисления и адресных листов (DestList). Чтобы привести указанные файлы в вид, доступный для восприятия, необходимо вспомогательное ПО.

Для удобства анализа данных папки Recent целесообразно использовать специализированные программы-анализаторы, например Windows File Analyzer. Эта программа позволяет получить не только данные о расположении файла и временной шкале взаимодействия с ним, но и в ряде случаев сведения о mac-адресе устройства.

Немалый интерес при проведении расследования может представлять информация, полученная о UserAssist, компоненте операционной системы Windows, задействованном для управления поведением системы, оптимизации и ускорения входа в систему и др. Информация о UserAssist хранится в закодированном виде в реестре системы по адресу: HKEY_CURRENT_USER\SOFTWARE\Microsoft\Windows\CurrentVersion\Explorer\UserAssist\{GUID}\Count. Для его кодировки используются алгоритмы ROT-13, т. е. каждый символ заменяется на другой символ, находящийся на 13 позиций дальше в таблице ASCII.

В данном случае для большего удобства анализа информации целесообразно использовать различное специализированное ПО, например UserAssistView.

Программа декодирует информацию из файлов UserAssist и представляет ее в удобном для анализа формате. Ее использование позволяет получить сведения о наименовании программы и дате ее последнего запуска. При этом информация о запускаемых программах сохраняется даже после их удаления. Анализ этого компонента Windows может позволить выявить факты запуска стороннего ПО, в том числе установленного без ведома пользователя, например вируса.

При расследовании преступлений, связанных с утечкой информации, может потребо-

ваться установление факта подключения к компьютеру конкретного USB-устройства. Для этого целесообразно обратиться к PID и VID идентификаторам устройства, а также к реестру исследуемого компьютера. VID (идентификатор производителя) – это число, которое присваивается производителями оборудования, чтобы идентифицировать свои продукты. PID (идентификатор продукта) – число, присваиваемое производителем, чтобы идентифицировать конкретный продукт. Названные идентификаторы используются операционной системой и драйверами для определения того, какое устройство подключено и какой драйвер должен использоваться для его работы. Чтобы получить VID и PID устройства необходимо выполнить следующие действия:

подключить запоминающее устройство USB к компьютеру;

перейти в свойства устройства, раздел «оборудование»;

выбрать название интересующего USB-устройства из списка и перейти в подраздел «свойства»;

в появившемся окне выбрать вкладку «сведения», далее в строке «свойства» выбрать строку «ИД оборудования»; в ряде случаев VID и PID может быть указан в строке «Производитель», интересующая информация выглядит следующим образом: USB\VID_0781&PID_5571\00016623100521232145;

далее необходимо перейти в редактор реестра Windows, используя команду regedit; список всех USB-устройств, которые были подключены к компьютеру, можно найти по следующему адресу: HKEY_LOCAL_MACHINE\SYSTEM\ControlSet001\Enum\USB\.

В заключение отметим, что анализ артефактов Windows является эффективным методом получения цифровых следов и ценных сведений, необходимых для расследования киберпреступлений. Однако следует учитывать, что этот метод не является универсальным и может быть ограничен в определенных случаях, например, если пользователи используют другие операционные системы либо умышленно скрывают свой цифровой след. В целом анализ артефактов Windows может быть полезным инструментом для получения ценной розыскной информации, но требует от сотрудника, проводящего анализ, применения специальных познаний в IT-сфере.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/5c337673c261a026c476d578035ce68a0ae86da0/

2. Судебная статистика по данным о назначении наказаний за 2021–2022 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.apu-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – июль 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мед.рф/reports/item/40874008/>

4. Уроки форензики. Расследуем киберинцидент CyberCorp Case 1 [Электронный ресурс]. URL: [https://xakep.ru/2021/11/30/cybercorp-case-1/#:~:text=Amcache.%20hve%20—%20файл%20рееcтpa%2C,SYSTEM%20\(C%3A%5C%20Windows%5C%20System32%5C%20configSystem\)](https://xakep.ru/2021/11/30/cybercorp-case-1/#:~:text=Amcache.%20hve%20—%20файл%20рееcтpa%2C,SYSTEM%20(C%3A%5C%20Windows%5C%20System32%5C%20configSystem))

1. The Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on 04.08.2023) [Web resource]. URL: https://www.consulta.ntru/document/cons_doc_LAW_10699/5c337673c261a026c476d578035ce68a0ae86da0/

2. Judicial statistics on sentencing data for 2021–2022 [Web resource]. URL: <https://stat.apu-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>

3. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – July of 2023 [Web resource]. URL: <https://мед.рф/reports/item/40874008/>

4. Lessons of forensics. Investigating the cyberincident CyberCorp Case 1 [Web resource]. URL: [https://xakep.ru/2021/11/30/cybercorp-case-1/#:~:text=Amcache.%20hve%20—%20файл%20рееcтpa%2C,SYSTEM%20\(C%3A%5C%20Windows%5C%20System32%5C%20configSystem\)](https://xakep.ru/2021/11/30/cybercorp-case-1/#:~:text=Amcache.%20hve%20—%20файл%20рееcтpa%2C,SYSTEM%20(C%3A%5C%20Windows%5C%20System32%5C%20configSystem))

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арутюнов Александр Самсонович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России; e-mail: alexandr.arutyunov@gmail.com;

Фаниев Павел Андреевич, адъюнкт кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России; e-mail: pfaniev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A.S. Arutyunov, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Chief of the Department of Forensic Expert Activity, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: alexandr.arutyunov@gmail.com;

P.A. Faniev, Adjunct of the Department of Forensic Expert Activity, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: pfaniev@yandex.ru

---

Науменко Оксана Александровна
Халин Владислав Дмитриевич

Криминалистические аспекты исследования цифровых объектов при расследовании преступлений

Изучается природа цифровых объектов, анализируются особенности их криминалистического исследования при раскрытии и расследовании преступлений. Авторы рассматривают цифровой объект как нематериальный, содержащий в себе криминалистически значимую информацию, зафиксированную на материальном носителе или передающуюся посредством информационно-телекоммуникационных технологий, предлагают алгоритм (этапы) их исследования. В статье приводится перечень обстоятельств, подлежащих установлению при исследовании таких цифровых объектов, как криптовалюта, цифровой токен, цифровой двойник, цифровая платформа, программные средства анонимизации.

Ключевые слова: цифровой объект, криптовалюта, цифровой токен, цифровой двойник, цифровая платформа, программные средства анонимизации, расследование.

Forensic aspects of digital object research in crime investigation

The article draws attention to the nature of digital objects and their forensic investigation in the detection and investigation of crimes. The authors consider a digital object as immaterial, containing criminalistically significant information recorded on a material carrier or transmitted by means of information and telecommunication technologies, offering an algorithm (stages) of their research. The article offers a list of circumstances to be established in the study of such digital objects as cryptocurrency, digital token, digital twin, digital platform, anonymization software.

Keywords: digital object, cryptocurrency, digital token, digital twin, digital platform, anonymization software, investigation.

Активная интеграция цифровых технологий в жизнь общества привела к интенсивному развитию экономических отношений, что обусловило качественное изменение преступности, ее переход в виртуальное пространство. Существенное расширение способов, методов и инструментов обработки цифровой информации, а также появление новейших финансовых инструментов, обладающих высокой ликвидностью и простотой передачи, способствовали развитию криминальной технологии совершения преступлений.

Согласно статистике Министерства внутренних дел РФ за январь – апрель 2023 г. было выявлено 205,2 тыс. преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 27,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года [1]. По данным Генеральной прокуратуры РФ, за 2022 г. было возбуждено 1531 уголовное дело по преступлениям, связанным с цифровыми активами, что на 40% больше, чем в 2021 г. [2]. На расширенном заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 г. министр внутренних дел РФ В.А. Колокольцев отметил, что количество ки-

берпреступлений в России продолжает увеличиваться с каждым годом [3].

В случае кражи, мошенничества, присвоения или растраты, вымогательства, незаконного предпринимательства, легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, преступлений, связанных с оборотом наркотиков, психотропных препаратов или их аналогов, преступлений коррупционной направленности все чаще предметом и (или) средством совершения преступления выступают различные цифровые объекты.

Вопрос о том, что относится к цифровым объектам, в криминалистике является дискуссионным. Так, В.А. Мещеряков определил электронно-цифровой объект как «помеченную систему дискретных электронных сигналов, предназначенную для обозначения (по установленной системе кодирования) какой-либо информации и представленную в форме, пригодной для ее автоматической обработки, хранения и передачи с использованием средств вычислительной техники (компьютеров)» [4, с.

163]. О.С. Кучин к цифровым объектам относит информацию, размещенную в сети Интернет, электронные переписки, файлы и их фрагменты на электронных устройствах [5, с. 167]. В.Б. Вехов рассматривал в качестве цифровых объектов электронно-цифровые следы, которые определил как «любую криминалистически значимую компьютерную информацию, т.е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов. Эти следы являются материальными невидимыми следами. В основе механизма их образования лежат электромагнитные взаимодействия двух и более материальных объектов – объективных форм существования (представления) компьютерной информации» [6, с. 28–29].

Ведущие ученые в области гражданского права также изучают сущность цифровых объектов. Так, А.А. Карцхия считает, что цифровые объекты представляют собой нематериальные объекты в виде цифровых кодов и записей, охраноспособные объекты, признаваемые в качестве таких объектов законом либо в силу соглашений субъектов цифровых прав [7, с. 44].

С вступлением в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодательно закреплен перечень цифровых прав, которые можно считать цифровыми финансовыми активами. На наш взгляд, данные права отнесены к инвестиционным цифровым правам, при этом они не признаются платежными.

На основании изложенного выше полагаем, что под цифровым объектом в криминалистике можно понимать объекты, содержащие в себе криминалистически значимую информацию, зафиксированную на материальном носителе или передающуюся посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

Исследование цифровых объектов является неотъемлемой частью расследования многих преступлений. Процесс исследования цифровых объектов включает в себя поиск, получение, сохранение и хранение цифровых объектов, описание, выяснение и установление их происхождения и значимости, анализ доказательств и их убедительности, достоверности и относимости к уголовному делу [8, с. 7].

Исследование цифровых объектов в расследовании преступлений можно разделить на следующие этапы:

1. Идентификация (распознавание конкретного цифрового объекта, его основных характеристик и вида, в котором он представлен).
2. Сохранение.
3. Сбор.
4. Исследование.
5. Анализ.
6. Предоставление доказательств и принятие решения.

Предложенный алгоритм является обобщенным, так как при исследовании конкретного вида цифрового объекта возникают различные вопросы, требующие разрешения. Авторами были рассмотрены наиболее распространенные на данный момент цифровые объекты (криптовалюта, цифровой токен, цифровой двойник, цифровая платформа, программные средства анонимизации), являющиеся наиболее сложными для исследования при расследовании уголовных дел. В результате изучения материалов уголовных дел по преступлениям, связанным с информационно-телекоммуникационными технологиями, судебной практики, трудов ученых-криминалистов, актов законодательства Российской Федерации обобщены обстоятельства, подлежащие установлению в результате исследования изучаемых цифровых объектов, выявлены особенности их исследования в зависимости от вида объекта.

Например, криптовалюта как цифровой объект, подлежащий исследованию, наиболее часто встречается при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, психотропных препаратов или их аналогов, легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, коррупционными преступлениями.

Полагаем, что при исследовании криптовалюты подлежат установлению следующие обстоятельства:

- 1) конкретный вид криптовалюты;
- 2) основные характеристики криптовалюты, ее количество;
- 3) имеет ли данный тип криптовалюты свой блокчейн;
- 4) какой тип электронного кошелька был использован;
- 5) использовалась ли данная криптовалюта в ранее совершенных преступлениях, при оплате незаконных товаров и услуг;
- 6) использовался ли теневой сегмент сети Интернет при проведении операций с криптовалютой;
- 7) примерная стоимость криптовалют в фактических денежных единицах на момент исследования;

8) email-адрес, к которому привязан криптовалютный кошелек;

9) история операций по счету этого криптовалютного кошелька;

10) реальные данные о владельце криптовалютного кошелька;

11) криптовалютные адреса, как-либо взаимодействующие с криптокошельком владельца.

Так, в приговоре Таганского районного суда по уголовному делу № 01-0073/2023 обозначены установленные в процессе расследования сведения о криптовалюте как о цифровом объекте: конкретный вид криптовалюты, используемой злоумышленниками, тип и номер криптокошелька, количество криптовалюты, полученной в результате преступной деятельности, реальные данные о владельце криптовалютного кошелька, история операций по счету [9].

Следующий вид цифрового объекта – токен – может быть представлен как цифровой финансовый актив и как средство хранения электронных данных (например, электронной цифровой подписи или невзаимозаменяемой цифровой информации). Наиболее часто токены подлежат исследованию при расследовании преступлений, связанных с различными хищениями, а также противоправными действиями в области экономической деятельности.

В случае если исследованию в рамках уголовного дела подлежит цифровой токен, на наш взгляд, необходимо установить:

- 1) тип токена;
- 2) какой актив или иная ценность закреплена на токеном;
- 3) является ли данный токен централизованным;
- 4) на основе какого блокчейна создан токен;
- 5) для какой цели создан токен;
- 6) дает ли токен доступ к платформе или приложению;
- 7) какова примерная стоимость токена в фиатных денежных единицах;
- 8) с помощью какого смарт-контакта осуществляется доступ к токеном;
- 9) на основе какого стандарта был сформирован токен.

Например, в приговоре Преображенского районного суда г. Москвы по уголовному делу № 01-0254/2023 указаны установленные в ходе предварительного расследования сведения о типе токена, используемого злоумышленниками, для какой цели создан токен, дает ли токен доступ к цифровой платформе или приложению [10].

Следующий вид цифровых объектов в нашем исследовании – цифровые двойники,

представляющие собой программный аналог физического устройства, моделирующий внутренние процессы, технические характеристики и поведение реального объекта в условиях воздействия помех и окружающей среды. Цифровой двойник применяется на всех стадиях жизненного цикла изделия, включая разработку, изготовление и эксплуатацию. Как цифровой объект такие двойники исследуются в рамках расследования уголовных дел, связанных с нарушением авторских прав, незаконным использованием объектов авторского права и мошенничеством.

Предлагаем следующий перечень обстоятельств, подлежащих установлению при исследовании цифровых двойников:

- 1) моделью какого объекта является цифровой двойник;
- 2) к какому типу относится;
- 3) для какой цели создан;
- 4) на основе какой модели спроектирован.

Например, в постановлении Останкинского районного суда г. Москвы по уголовному делу № 01-0427/2021 были рассмотрены результаты исследования цифрового двойника в качестве цифрового объекта, указано, что в ходе предварительного расследования установлены следующие обстоятельства: моделью какого объекта является цифровой двойник, тип цифрового двойника, цель создания цифрового двойника, основные характеристики цифрового двойника [11].

Следующий вид цифрового объекта – цифровая платформа – представляет собой программную среду, на основе которой функционируют инструментальные (например, JAVA, Android OS, IOS), инфраструктурные (например, ЭРА-ГЛОНАСС) или прикладные (Uber, PayPal, Avito) аппаратные комплексы, обеспечивающие реализацию функций виртуальных систем. По нашему мнению, при исследовании цифровых платформ подлежат установлению следующие обстоятельства:

- 1) в какой форме представлена цифровая платформа;
- 2) в чем основное направление деятельности платформы;
- 3) функции, которые выполняет данная платформа;
- 4) что приводит или с чем работает цифровая платформа;
- 5) как происходит передача продукта, производимого платформой, конечному потребителю;
- 6) взаимодействует ли платформа с цифровыми финансовыми активами или виртуальным имуществом;

7) кто является владельцем цифровой платформы, какие реальные данные возможно получить о нем.

При совершении преступлений, связанных с цифровыми объектами, преступники активно используют средства анонимизации и сокрытия виртуальных следов противоправной деятельности. Как правило, это специализированные сервисы сокрытия трафика в сети Интернет (VPN), операционные системы и браузеры. Программные средства анонимизации могут выступать как предмет совершения преступления (например, при совершении преступлений в сфере компьютерной информации, когда средства анонимизации содержат в себе свойства вредоносных компьютерных программ) и как средство преступления (когда средства анонимизации используются для сокрытия следов преступления).

При использовании злоумышленниками подобных средств необходимо установить:

- 1) какие средства анонимизации использовались;
- 2) какой тип сети использовался для передачи данных;
- 3) какие устройства использовались для передачи данных;
- 4) какое программное обеспечение использовалось для передачи данных;
- 5) реальные данные злоумышленника.

Так, в постановлении Зеленоградского районного суда г. Москвы по уголовному делу № 01-0160/2023 перечислены основные характеристики VPN-сервиса, используемого злоумышленником для совершения преступления [12].

Для наиболее полного рассмотрения субъектом доказывания содержания цифровых объектов, связанных с совершением преступлений, необходимо привлечение эксперта или специалиста. Следует обратить внимание на особенности выявления, фиксации и изъятия материальных (электронных носителей) и цифровых объектов для экспертной оценки. Нужно отметить, что согласно ч. 2 ст. 161.1 УПК РФ электронные носители информации изымаются в ходе следственных действий с участием специалиста, однако, как показывает судебная практика, следователи, в случае если не происходит копирование информации, зачастую производят изъятие электронных носителей без привлечения специалистов. Например, в постановлении Московского городского суда по уголовному делу № 10-2117/2023 было отмечено, что ст. 164.1 УПК РФ регламентирует участие специалиста при изъятии электрон-

ных носителей информации, чтобы исключить возможность утраты информации или ее видоизменения, при этом для изъятия ноутбука специальных знаний не требуется, в связи с чем оснований для признания протокола обыска недопустимым доказательством не имеется [13]. Судебная практика идет по пути отказа в удовлетворении заявлений (жалоб) стороны защиты о признании доказательств (изъятых электронных носителей с имеющимися цифровыми объектами) недопустимыми по причине отсутствия специалиста при их изъятии [14, 15]. Исходя из вышеизложенного, мы пришли к выводу, что вне зависимости от вида и характера информации, содержащейся на электронном носителе, в случае если данные не подвергались копированию, носитель может быть изъят следователем без участия специалиста.

В ходе анкетирования следователей по вопросам изъятия и криминалистического исследования цифровых объектов нами были получены следующие результаты: 75% респондентов указали на необходимость привлечения специалиста при проведении следственных действий на первоначальном этапе (осмотр места происшествия, обыск, получение образцов для сравнительного исследования), а также при подготовке вопросов при назначении судебных экспертиз. При этом 68% респондентов отметили, что наиболее частой формой взаимодействия специалиста (эксперта) и следователя является оказание помощи в отборе объектов для экспертизы и формулировании вопросов для ее назначения.

Экспертное исследование цифровых объектов происходит в рамках проведения экспертиз. В зависимости от конкретного объекта могут назначаться программно-компьютерная экспертиза, информационно-компьютерная экспертиза и компьютерно-сетевая экспертиза, которые являются видами компьютерно-технической экспертизы. Сложность цифровой информации как объекта исследования и многообразии цифровых (виртуальных) следов, подлежащих установлению при расследовании преступлений в сети Интернет, приводят к тому, что в некоторых случаях криминалистически значимые обстоятельства могут быть установлены только в результате назначения и проведения комплексной компьютерно-технической экспертизы [16, с. 531]. Иногда значимые обстоятельства могут быть установлены только путем привлечения специалистов из соответствующих научных областей (программисты, бухгалтеры, экономисты, банковские служащие, финансовые менеджеры и др.). Напри-

мер, при расследовании уголовного дела, возбужденного по ч. 2 ст. 187 УК РФ, следователь привлек к участию в деле нескольких специалистов с целью изъятия различных цифровых объектов и электронных носителей: специалиста отдела исследования высокотехнологичных преступлений из организации, являющейся ведущим разработчиком решений для предотвращения кибератак, борьбы с мошенничеством и защиты брендов от цифровых рисков, специалиста департамента исследований высокотехнологичных преступлений из организации, занимающейся борьбой с киберпреступностью, и специалиста из отдела расследования и сопровождения криптовалютных инцидентов, обладающего специальными познаниями в области криптовалюты и блокчейна [9].

Подводя итог, необходимо отметить, что криминалистическое исследование цифровых объектов является необходимым элементом доказывания при расследовании ряда преступлений.

По нашему мнению, для более эффективного исследования цифровых объектов при расследовании преступлений требуется проведение всестороннего научного исследования категории цифровых объектов и законодательное закрепление если не исчерпывающего, то ориентирующего перечня критериев, характеризующих цифровые объекты. В рамках научных исследований требуется разработка основанных на практическом опыте ориентирующих алгоритмов исследования цифровых объектов следователем. Немаловажным является нормативное закрепление квалификационных требований для проведения компьютерно-технической экспертизы в целях надлежащего технического и компетентного обеспечения проведения данной экспертизы. Совершенствование процесса анализа доказательств, их убедительности, достоверности и относимости к уголовному делу позволит существенно повысить качество предварительного расследования уголовных дел.

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – май 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/39336121/> (дата обращения: 30.06.2023).

2. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 30.06.2023).

3. Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 30.06.2023).

4. Мещеряков В.А. Электронные цифровые объекты в уголовном процессе и криминалистике // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. тр. Воронеж, 2004. Вып. 5. С. 153–169.

5. Электронные носители информации в криминалистике / под ред. О.С. Кучина. М., 2017.

6. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008.

7. Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2(31). С. 43–46.

8. Киберпреступность: Серия учеб. модулей / Управление ООН по наркотикам и преступности. 2019.

9. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/criminal/details/4872af10-8fed-11ed-8cb8-411c8b1900cf> (дата обращения: 30.07.2023).

10. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электрон-

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – May of 2023 [Web resource]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/39336121/> (date of access: 30.06.2023).

2. Legal statistics portal [Web resource]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (date of access: 30.06.2023).

3. Extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Web resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744> (date of access: 30.06.2023).

4. Meshcheryakov V.A. Electronic digital objects in criminal procedure and criminalistics // Voronezh criminalistic readings: coll. of sci. papers. Voronezh, 2004. Iss. 5. P. 153–169.

5. Electronic media in criminalistics / ed. by O.S. Kuchin. Moscow, 2017.

6. Vekhov V.B. Criminalistic doctrine about computer information and means of its processing: auth. abstr. ... Dr of Sciences in Jurisprudence. Volgograd, 2008.

7. Kartskhiya A.A. Digital rights and law enforcement // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 2(31). P. 43–46.

8. Cybercrime: a Series of training modules / UN Office on Drugs and Crime. 2019.

9. The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow [Web resource]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/criminal/details/4872af10-8fed-11ed-8cb8-411c8b1900cf> (date of access: 30.07.2023).

10. The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow [Web resource]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/preobrazhenskij/services/cases/criminal/details/c9cf7340-b761-11ed-bb86-b9be6ea2572d> (date of access: 30.07.2023).

ный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/preobrazhenskij/services/cases/criminal/details/c9cf7340-b761-11ed-bb86-b9be6ea2572d> (дата обращения: 30.07.2023).

11. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/ostankinskij/services/cases/criminal/details/a3f03e40-c238-11eb-ac0c-593632aba917> (дата обращения: 30.07.2023).

12. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zelenogradskij/services/cases/criminal/details/cf6bc490-b74b-11ed-9e4f-c512ba30e334> (дата обращения: 30.06.2023).

13. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/dc42f410-9bd8-11ed-a9ba-4f41fd1ae033> (дата обращения: 30.06.2023).

14. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/criminal-materials/details/f2092c30-aa91-11ec-ae0e-f1a885fba855> (дата обращения: 30.06.2023).

15. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/68c06650-1eef-11ed-a551-776fd50c2e22> (дата обращения: 30.06.2023).

16. Сысенко А.Р., Смирнова И.С., Тимошенко С.Е. Проблемы назначения и производства судебной компьютерно-технической экспертизы // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 4. С. 523–532. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-naznacheniya-i-proizvodstva-sudebnoy-kompyuterno-tehnicheskoy-ekspertizy> (дата обращения: 26.06.2023).

11. The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow [Web resource]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/ostankinskij/services/cases/criminal/details/a3f03e40-c238-11eb-ac0c-593632aba917> (date of access: 30.07.2023).

12. The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow [Web resource]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zelenogradskij/services/cases/criminal/details/cf6bc490-b74b-11ed-9e4f-c512ba30e334> (date of access: 30.06.2023).

13. The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow [Web resource]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/dc42f410-9bd8-11ed-a9ba-4f41fd1ae033> (date of access: 30.06.2023).

14. The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow [Web resource]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/criminal-materials/details/f2092c30-aa91-11ec-ae0e-f1a885fba855> (date of access: 30.06.2023).

15. The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow [Web resource]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/68c06650-1eef-11ed-a551-776fd50c2e22> (date of access: 30.06.2023).

16. Sysenko A.R., Smirnova I.S., Timoshenko S.E. Problems of appointment and production of forensic computer-technical expertise // Siberian Legal Review. 2020. No. 4. P. 523–532. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-naznacheniya-i-proizvodstva-sudebnoy-kompyuterno-tehnicheskoy-ekspertizy> (date of access: 26.06.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Науменко Оксана Александровна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России; e-mail: kseny1010@mail.ru;

Халин Владислав Дмитриевич, адъюнкт Краснодарского университета МВД России; e-mail: honjo33@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

O.A. Naumenko, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Professor of the Department of Forensic Science, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kseny1010@mail.ru;

V.D. Khalin, Adjunct, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: honjo33@gmail.com

---

Луговик Виктор Федорович
Сургутсков Вадим Игоревич

Министерство внутренних дел или Министерство полиции: наименование и генезис функций

Излагаются результаты анализа процесса формирования и функционирования Министерства внутренних дел в системе органов публичной власти. Критической оценке подвергаются отдельные исторические этапы реформирования МВД, обусловленные политической и социальной обстановкой, и связанные с этим проблемы функционирования органов внутренних дел в условиях постоянной реорганизации. Показано место Министерства внутренних дел среди других органов охраны правопорядка. Представлены аргументы в пользу обоснованности традиционного наименования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, несмотря на значительное сужение возложенных на него функций и задач, которое произошло за последние полвека.

Ключевые слова: исторический опыт, МВД России, сфера внутренних дел, органы внутренних дел, милиция, полиция, полицейская деятельность, реформа.

Ministry of Internal Affairs or Ministry of Police: name and genesis of functions

The results of the analysis of the process of formation and functioning of the Ministry of Internal Affairs in the system of public authorities are presented. The individual stages of the historical reforms of the Ministry of Internal Affairs, conditioned by the political and social situation and related problems of the functioning of Internal Affairs bodies in conditions of constant reorganization, are critically evaluated. The place of the Ministry of Internal Affairs among other law enforcement agencies is shown. Arguments are presented in favor of the validity of the traditional name of the federal executive authority in the field of internal affairs, despite the significant narrowing of the functions and tasks assigned to it, which has occurred over the past half century.

Keywords: historical experience, Russian Ministry of Internal Affairs, sphere of internal affairs, internal affairs bodies, militia, police, police activity, reform.

Общеизвестно, что крупномасштабные преобразования полицейского управления и органов полицейской власти в Российской империи начались сразу же после восшествия на престол Императора и Самодержца Всероссийского, Великого князя Финляндского, царя Польского Александра I (1777–1825 гг.). 8 сентября 1802 г. им был подписан манифест «Об учреждении Министерств», определивший ориентир новейшего государственно-политического устройства системы управления в Российской империи: «...разделить государственные дела на разные части, сообразно естественной их связи между собою, и для благоуспешнейшего течения поручить оные ведению избранных нами министров...» [1, с. 143].

Образованное для управления государственными делами Единое Министерство состояло из восьми отделений: военного, морского, иностранных дел, юстиции, внутренних дел,

финансов, коммерции и народного просвещения. Глава каждого отделения имел статус министра, а сами отделения после их учреждения начали официально именоваться министерствами. Возглавил Министерство внутренних дел (далее – Министерство, МВД) один из приближенных императора, бывший чрезвычайный посланник в Константинополе и будущий Государственный канцлер внутренних дел граф Виктор Павлович Кочубей (1768–1834 гг.).

В подчинение МВД была передана полиция [2, с. 12–13]. Последняя в России уже существовала на регулярной основе почти век. Ее появление в нашем государстве связано с реформами Петра I. В 1715 г. было объявлено о создании в Санкт-Петербурге Главной полицейской канцелярии, а 25 мая 1718 г. введена должность генерал-полицмейстера, возглавившего эту канцелярию. В Регламенте Главному Министру 1721 г. отмечалось, что «полиция есть душа гражданства и всех добрых поряд-

ков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [3, с. 50].

Кроме поддержания общественного порядка и борьбы с преступлениями, данное ведомство решало значительное количество административно-хозяйственных задач, связанных со строительством и содержанием публичных зданий, управлением государственной промышленностью, совершенствованием сельского хозяйства и частной промышленности, промыслов и ремесла, предотвращением и борьбой с эпидемиями и эпизоотиями. Особое место среди функций Министерства занимал надзор за снабжением населения продовольствием, его качеством, ценами, содержанием дорог, состоянием медицины, местными органами власти (как назначаемыми, так и выборными). МВД также осуществляло общее руководство деятельностью последних.

Манифестом от 25 июня 1811 г. было создано Министерство полиции, поглотившее большинство функций Министерства внутренних дел (исключение составили отрасли земледелия и промышленности), однако его деятельность не дала ощутимого результата, «внесла много путаницы в работу других министерств» [4, с. 104]. Указом от 4 ноября 1819 г. Министерство полиции снова встало в подчинение МВД.

Несмотря на предпринимаемые действия по совершенствованию системы органов публичного управления Российской империи, МВД продолжало вплоть до 1917 г. ориентироваться на решение стратегических внутриполитических вопросов, что обуславливало его гиперфункциональность, чрезмерную громоздкость и трудноуправляемость.

Начало советского государственного строительства со всей революционной очевидностью требовало создания принципиально новых институтов, ведающих сферой внутренних дел, с отличной от имперской иерархией и структурой. 28 октября 1917 г. (10 ноября по новому стилю) декретом Народного комиссариата внутренних дел РСФСР была учреждена рабочая милиция. С 1922 г. в структуре НКВД уже находилось шесть подразделений: Организационно-административное управление, Главное управление милиции, Главное управление принудительных работ, Центральное управление по эвакуации населения, Главное управление коммунального хозяйства, Управление делами. Таким образом, наркомат продолжал реализовывать, как и в царское время, не только правоохранные (собственно полицейские), но и хозяйственные функции, хотя и в меньшем объеме. Кроме того, НКВД

оказывал большое влияние на местные органы управления, выступая «в качестве связующего звена между центральным и местным управлением» [5, с. 114] вплоть до временного упразднения в 1930 г.

Создание на фундаменте НКВД новой государственной структуры не носило спонтанный характер. Как отмечают исследователи, «В начале 30-х годов началось законодательное оформление командно-административной системы, централизация власти. В результате дискредитации и последующей ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных республик такие звенья НКВД, как милиция, уголовный розыск, места заключения, были включены в состав Объединенного государственного политического управления» [6, с. 4–5].

Образованный постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел претерпел значительные функциональные изменения. На наркомат, в частности, была возложена обязанность обеспечения революционного порядка и государственной безопасности, охраны общественной (социалистической) собственности; записи актов гражданского состояния (запись рождений, смертей, бракосочетаний и разводов); пограничной охраны. Наркомат формировали Главное управление государственной безопасности, Главное управление рабоче-крестьянской милиции, Главное управление пограничной и внутренней охраны, Главное управление пожарной охраны, Главное управление трудовых лагерей и трудовых поселений, отдел актов гражданского состояния и Административно-хозяйственное управление. Именно этот довоенный этап можно назвать периодом окончательного избавления МВД–НКВД–ОГПУ–НКВД от коммунальных (административно-хозяйственных) функций на местном уровне.

В предвоенные, военные годы и первое послевоенное десятилетие обновление внутренней структуры наркомата внутренних дел, его максимальная централизация и сосредоточение среди основных направлений деятельности, помимо правоохраны, на стратегических социально-экономических и административно-политических функциях продолжались. Внушительный объем возложенных на органы внутренних дел задач был причиной начавшейся в 1929 г. и продолжавшейся до начала Великой Отечественной войны форсированной индустриализации в СССР, а также обострения внутриполитической борьбы элит и чрезвычайно

сложной международной обстановки¹. Страна готовилась к неминуемой войне. После ее окончания требовалось за непродолжительный период восстановить колоссальные и беспрецедентные материальные разрушения, преодолеть острую нехватку человеческих ресурсов, голод, беспризорность, высокий уровень организованной преступности. «Представляя из себя карательный орган партийно-государственного механизма, беспрекословно выполняя директивные указания властных структур, органы внутренних дел обеспечивали реализацию важнейших стратегических направлений внутренней политики сталинского руководства» [7, с. 73].

В 1946 г. с упразднением Совета Народных Комиссаров СССР в Совет министров СССР НКВД был преобразован в Министерство внутренних дел СССР.

Обратим внимание на следующие два примечательных факта. С 1947 по 1950 г. функции по охране общественного порядка, борьбе с уголовной преступностью и хищением социалистической собственности, обеспечения внутренней безопасности в стране, а, следовательно, соответствующие органы, милиция, внутренние войска и некоторые другие были переданы из МВД Министерству государственной безопасности. Могло показаться, что ведомство потеряло свое главное ядро: правоохранительную функцию, непременную составляющую сферы внутренних дел. Однако в марте 1953 г. после смерти И.В. Сталина произошло слияние этих органов с освобождением вновь образованного МВД СССР от производственно-хозяйственной и уголовно-исполнительной деятельности. Тем самым предполагалось усиление власти первого заместителя Председателя Совета министров СССР и одновременно министра внутренних дел СССР Лаврентия Павловича Берии (1899–1953 гг.) в его противостоянии с конкурирующей политической элитой. В этом же году Л.П. Берия был арестован, осужден по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР к высшей мере уголовного наказания и расстрелян.

Вторым небезыntenесным событием стало «реформирование» Министерства в 1957 г., а на самом деле очередное внутреннее полити-

ческое противостояние в руководстве страны, победу в котором одержали Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971 гг.), ставший первым секретарем ЦК КПСС, и его окружение. Проведенные организационные перемены привели к упразднению союзного МВД и переименованию МВД республик в составе СССР в министерства охраны общественного порядка, которые, в свою очередь, в 1966 г. были ликвидированы, а также организации Министерства охраны общественного порядка СССР. Это название, по мнению руководства страны, в отличие от «эластичной» сферы внутренних дел, отражало истинный функционал министерства, которое должно было обеспечивать общественный порядок, бороться с преступностью и заниматься перевоспитанием преступников, находящихся в местах лишения свободы [8, с. 7]. Через два года уже другие руководители вернули ведомству прежнее наименование – Министерство внутренних дел, которое остается неизменным до настоящего времени.

Последующий почти двадцатилетний период функционирования МВД неразрывно связан с именем его руководителя Николая Анисимовича Щелокова (1910–1984 гг.), одного из ближайших соратников и друзей Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева (1906–1982 гг.). Это время можно с полным основанием рассматривать как лучшую пору расцвета министерства, прежде всего его ядра – советской милиции. И дело тут вовсе не в начавшейся в художественной литературе и киноискусстве (кстати, очень успешной) пропагандистской идеализации образа советского милиционера. Нормативное правовое регулирование статуса милиции приобрело черты, свойственные современному законодательству, закрепляющему правовое положение органов внутренних дел. Качественному обновлению подверглась вся система Министерства, придан новый импульс развитию ведомственного высшего и среднего профессионального образования. Именно тогда из стен учебных заведений МВД СССР вышла целая плеяда видных ученых. Кроме того, многократно возросла роль общественности, участвующей в охране правопорядка.

Не в последнюю очередь повышение политического влияния и веса Министерства было связано с укреплением единой системы управления внутренними войсками, которые в период так называемой «оттепели» подверглись децентрализации, что повлекло в последующем некомплект кадрового офицерского состава [7, с. 7]. Обрел организационную самостоятель-

¹ В связи с этим уместно вспомнить слова выдающегося руководителя СССР, генералиссимуса Советского Союза, «Отца народов» и «Великого вождя и учителя» Иосифа Виссарионовича Сталина (1878–1953 гг.), произнесенные им 4 февраля 1931 года: «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют... Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

ность следственный аппарат. «Продуктивность решения партийно-политического руководства Союза ССР о создании в системе МВД следственного аппарата (принятого в контексте конкретно-исторического периода существования СССР) и действенность мер, направленных на повышение эффективности его деятельности, подтвердились уже в течение нескольких лет» [9, с. 19]. На фоне научно-технического прогресса в стране небывалый подъем переживала ведомственная криминалистическая наука [10, с. 119–120].

Начавшееся в 1985 г. и достигшее своего апогея в 1991 г. идеологическое и экономическое перестроение нашего государства не повлекло тектонических сдвигов в системе МВД, хотя и заметно ослабило его влияние в противостоянии с другими правоохранительными органами (КГБ, Прокуратурой СССР). Политическая борьба и предательство элит, приведшие к гибели Советского государства, в целом не отразились на функциях и полномочиях Министерства.

На закате СССР был принят (правда, на очень короткое время) первый законодательный акт, регламентирующий правовое положение милиции – Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-1 «О советской милиции». Буквально через месяц вступил в силу Закон РСФСР от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции». Данный нормативный правовой акт, действовавший почти двадцать лет, вплоть до его отмены в 2011 г., в полной мере соответствовал международным стандартам и даже получил положительную оценку экспертов Совета Европы как один из самых передовых полицейских законов в европейском пространстве. Причины его отмены были обусловлены реформой МВД. «Главной целью процесса всего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации в соответствии с положениями Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 было определено выведение системы МВД России на новый более качественный рубеж развития» [11, с. 18]. Основные усилия преобразований были направлены на переживающую кризис во взаимоотношениях с обществом милицию. Федеральный закон от 7 февраля 2001 г. № 3-ФЗ «О полиции» за истекшие 12 лет со дня его вступления в силу показал свою жизнеспособность как документ, отражающий квинт-эссенцию предназначения одной из составных частей федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Что касается внутреннего построения Министерства в постсоветский период, то оно

проходило модификацию сообразно меняющимся задачам и целям государства, динамике социально-экономических и политических преобразований. Постепенно ушли из ведения МВД противопожарная служба и уголовно-исполнительная система, внутренние войска, подразделения по лицензионно-разрешительной работе, вневедомственная охрана, а также подразделения ОМОН и СОБР. Теперь они входят соответственно в МЧС России, Минюст России, в ведении которого находится ФСИН России, и Росгвардию. В настоящее время подразделения по вопросам миграции, как и подразделения, противодействующие преступлениям в сфере экономики, оборота наркотических средств и психотропных веществ, будучи ранее частью самостоятельных федеральных служб ФМС России, ФНС России и ФСКН России, вновь влились в структуру полиции. Тем самым были устранены параллелизм и распыленность полномочий указанных органов относительно к МВД. Произошла его окончательная демилитаризация. Нельзя также забывать еще об одной немаловажной причине крупного реформирования Министерства в 2016 г., указанной в одной из научных работ (по нашему мнению, не совсем удачно) «революцией полномочий» [12, с. 75], которая была связана с экономией бюджетных средств.

Подводя итоги, сделаем следующие выводы.

Эволюция Министерства внутренних дел как независимого звена в системе исполнительно-распорядительной власти нашей страны насчитывает более двух веков. С учетом господствующих политических установок по мере роста экономики, все большей ее «технологизации», увеличения численности населения страны, развития общественной жизни функции и задачи Министерства расширялись или, наоборот, уменьшались, усложнялись, подвергались оптимизации. Начиная с 60-х гг. XX в. и до наших дней руководством страны принимались меры по совершенствованию организационной структуры МВД в целях освобождения Министерства от различных хозяйственных, общеуправленческих и некоторых других функций, что препятствовало его вовлечению в политический процесс в качестве одной из сторон противоборствующих группировок.

Современное МВД России наделено обширными полномочиями в одной из отраслей государственного управления – административно-политической области управления внутренними делами, внутриорганизационная и внешняя стороны деятельности которой сводятся к широкому комплексу обеспечивающих

и правовых отношений. Вместе с тем Министерство – лидирующий, но не единственный субъект среди других федеральных органов исполнительной власти, реализующих свои полномочия в сфере внутренних дел.

В правовых и демократических государствах, в том числе Российской Федерации, широкое и, если можно так выразиться, «идеологическое» толкование сферы внутренних дел в настоящее время не применяется. Она представляет собой область общественных отношений, содержание которой главным образом и преимущественно относится к полицейской деятельности, осуществляемой очень небольшим кругом федеральных органов исполнительной власти, подотчетных Президенту РФ. При этом объем полицейских полномочий, которыми наделены эти органы, существенно различается, не вызывая конкуренции.

Будучи высокоорганизованной, построенной иерархично, по линейно-отраслевому принципу, структурой, МВД руководит и осуществляет контроль за весьма сложной в построении единой и централизованной системой самостоятельных и взаимосвязанных подразделений, организаций, учреждений. Они составляют основу органов внутренних дел, а ядром последних, в свою очередь, выступает полиция. Таким образом, можно с уверенностью утверждать об организационной цельности (единстве, сплоченности) органов внутренних дел и полиции. Изложенное позволяет сделать вывод, что наименование «Министерство внутренних дел» достаточно точно передает сегодняшнюю актуальную (читай, правильную – В.Л., В.С.) суть его смыслового содержания и не нуждается в какой-либо корректировке.

1. *Манифест об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 27. № 20406.*

2. *Быков А.В. Основные вехи истории российской полиции: учеб. пособие. Омск, 2018.*

3. *Сургутсков В.И. Административная деятельность органов внутренних дел (полиции): учеб. М., 2023.*

4. *Болгова Е.И. Состояние и правовое развитие уголовно-исполнительной системы России в XIX – начале XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26, № 4. С. 102–108.*

5. *Яцук Т.Ф. Полномочия народного комиссариата внутренних дел РСФСР по организации местного управления и хозяйства // Вестник Омского университета. 2006. № 1(39). С. 111–114.*

6. *Баранов П.П., Кашуба Ю.А., Денисенко В.В. МВД России – 200 лет: история и перспективы развития // Юристъ-Правоведъ. 2002. № 2(5). С. 3–6.*

7. *Кузьминых А.Л. Эволюция системы НКВД-МВД СССР (1934–1956 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 71–78.*

8. *Лысенков С.Г., Олейник С.А. Реформирование внутренних войск МВД СССР в середине XX века // Защита и безопасность. 2011. № 1(56). С. 7–9.*

9. *Мешков М.В., Орлова А.А. Следственный аппарат МВД России в системе органов государственной власти в 1953–1991 годах // Научный портал МВД России. 2019. № 2. С. 14–23.*

1. *Manifesto on the establishment of ministries of September 8, 1802 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Sobr. 1. Vol. 27. No. 20406.*

2. *Bykov A.V. The main milestones in the history of the Russian police: textbook. Omsk, 2018.*

3. *Surgutskov V.I. Administrative activity of internal affairs bodies (police). Moscow, 2023.*

4. *Bolgova E.I. The state and legal development of the penal enforcement system of Russia in the XIX – early XX century // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law ser. 2016. Vol. 26. No. 4. P. 102–108.*

5. *Yaschuk T.F. Powers of the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR on the organization of local government and economy // Bulletin of Omsk University. 2006. No. 1(39). P. 111–114.*

6. *Baranov P.P., Kashuba Yu.A., Denisenko V.V. The Ministry of Internal Affairs of Russia – 200 years: history and prospects of development // Jurist-Pravoved. 2002. No. 2(5). P. 3–6.*

7. *Kuzminykh A.L. Evolution of the NKVD-MVD system of the USSR (1934–1956) // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2010. No. 10. P. 71–78.*

8. *Lysenkov S.G., Oleinik S.A. Reforming the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the middle of the XX century // Protection and security. 2011. No. 1(56). P. 7–9.*

9. *Meshkov M.V., Orlova A.A. The investigative apparatus of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the system of state authorities in 1953–1991 // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. P. 14–23.*

10. *Kharichkina I.A. The forensic service in the Ministry of Internal Affairs system is 100 years*

10. Харичкина И.А. Экспертно-криминалистической службе в системе МВД 100 лет // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 9. № 2. С. 117–122.

11. Футо С.Р., Черников В.В. Федеральный закон «О полиции»: история подготовки и принятия: монография. М., 2021.

12. Сплавская Н.В. Очередная реформа МВД РФ: достижения и проблемы в разрезе эффективности работы субъектов предупреждения преступности // Вестник СевКавГТИ. 2016. № 3(26). С. 75–78.

old // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 117–122.

11. Futo S.R., Chernikov V.V. Federal Law "On Police": the history of preparation and adoption: monograph. Moscow, 2021.

12. Splavskaya N.V. The next reform of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: achievements and problems in the context of the effectiveness of the subjects of crime prevention // Bulletin of SevKavGTI. 2016. No. 3(26). P. 75–78.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Луговик Виктор Федорович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России; e-mail: vlug@yandex.ru;

Сургутсков Вадим Игоревич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России; e-mail: Surgutskov55@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.F. Lugovik, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational and Investigative Activities of Internal Affairs Bodies, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; e-mail: vlug@yandex.ru;

V.I. Surgutskov, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Deputy Chief of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Agencies, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Surgutskov55@mail.ru

---

Яблонский Иван Владимирович
Кочкин Антон Андреевич

Современные тенденции формирования территориальных органов МВД России: органы внутренних дел и федеральные территории

Рассматриваются особенности формирования территориальных органов МВД России. Отмечается, что в последние годы в системе внутренних дел преобладает тенденция создания такого рода территориальных подразделений, которые были бы адаптированы под условия функционирования принципиально новых административных единиц, называемых «федеральная территория». Определяется специфика органа внутренних дел, расположенного в пределах федеральной территории.

Ключевые слова: МВД России, территориальные органы МВД России, органы внутренних дел, федеральная территория, чартерный город.

Modern trends in the formation of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia: internal affairs bodies and federal territories

This article discusses the features of the formation of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The current structure of the internal affairs bodies of the Russian Federation shows that in recent years, the trend in the internal affairs system has been towards the creation of such territorial divisions that would be adapted to the conditions of functioning of fundamentally new administrative units, which are called "federal territory". The specifics of the internal affairs body located within the federal territory are determined.

Keywords: the Ministry of Internal Affairs of Russia, territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, internal affairs bodies, federal territory, charter city.

Федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации независимо от их статуса – федеральное министерство, федеральная служба или федеральное агентство [1] – имеют свои подразделения в субъектах Федерации, а некоторые из них – в федеральных округах, что соответствует положению ст. 78 Конституции РФ [2].

Структурные подразделения федерального органа исполнительной власти демонстрируют четкую иерархию в системе определенного органа (независимо от его формы): федеральные органы исполнительной власти на уровне федерального округа (если таковые имеются) подчиняются вышестоящим подразделениям (как правило, на уровне центрального аппарата, расположенного в Москве), но при этом контролируют подразделения федеральных органов исполнительной власти в субъектах. Окружные структурные подразделения определенного федерального органа исполнительной власти «не касаются» напрямую подразделений этого же органа исполнительной власти на

уровне муниципальных образований (так называемых районных подразделений), но могут контролировать их опосредованно – через подразделение соответствующего федерального органа исполнительной власти, отвечающего за реализацию его полномочий в пределах субъекта Федерации.

Среди федеральных органов исполнительной власти МВД России не является исключением. Территориальные органы МВД России можно разделить на несколько видов.

Во-первых, это подразделения, которые реализуют свои полномочия на уровне субъекта Российской Федерации. К таким подразделениям можно отнести главные управления (например, Главное управление МВД России по Краснодарскому краю), управления (например, Управление МВД России по Астраханской области), управления на транспорте по федеральным округам (например, Управление на транспорте МВД России по Южному федеральному округу) и министерства, которые существуют только в республиках, входящих в

состав Российской Федерации (например, МВД по Республике Ингушетия).

Во-вторых, к территориальным органам относят подразделения, которые располагаются в тех или иных муниципальных образованиях, расположенных уже внутри конкретного субъекта и подчиненных территориальному органу на уровне субъекта (если говорить про такие виды территориальных органов, которые подчиняются ГУ МВД России по Краснодарскому краю, то к их числу можно отнести, например, Отдел МВД России по Динскому району или Управление МВД России по г. Краснодару).

Однако и в первом, и втором случае есть исключения, которые не подпадают ни под одну из указанных нами категорий. В первом случае такого рода исключением может выступать ГУ МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу. Особенность его в том, что это единственное Главное управление МВД России, которое осуществляет руководство МВД России в пределах федерального округа, аналогичных примеров в России нет, за исключением управлений на транспорте МВД России. Можно предположить, что это способствует усилению контроля за деятельностью региональных подразделений МВД России, находящихся на Северном Кавказе, где длительное время наблюдалась активность экстремистских и террористических организаций, и что такой контроль поможет впредь минимизировать подобные деструктивные проявления. Это, кстати, подтверждает подп. 5.5.1 Положения о Главном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу, утвержденного приказом МВД России от 20 июня 2011 г. № 863, где указано, что одной из основных задач управления является «координация деятельности сил и средств Временной оперативной группировки органов внутренних дел и подразделений МВД России в составе Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» [3].

Во исполнение Указа Президента РФ от 18 февраля 2010 г. № 208 [4] приказом МВД России от 2 апреля 2010 г. № 259дсп [5] было образовано ГУ МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу. Следует обратить внимание на то, что именно данное подразделение сближает МВД России (в контексте анализа структуры федеральных органов ис-

полнительной власти) с иными федеральными органами исполнительной власти «военно-оборонного» характера, например Министерством обороны Российской Федерации или Федеральной службой войск национальной гвардии (Росгвардией), в которых существуют командования, контролирующие деятельность военных округов.

Нельзя не отметить, что своеобразным исключением из правил является также и ГУ МВД России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Согласно ст. 65 Конституции РФ [2] город и область являются двумя самостоятельными субъектами, соответственно, данное территориальное подразделение МВД России можно назвать межрегиональным. Санкт-Петербург – административный центр Ленинградской области. Количество граждан, проживающих в одном и другом субъекте, ниже, чем в Москве и Московской области. В связи с тем, что Санкт-Петербург менее густонаселенный город, чем Москва, а также благодаря тому, что он аккумулирует в себе важнейшие экономические, политические, социальные и иные ресурсы области, принято решение о создании единого межрегионального территориального органа внутренних дел, объединяющего два самостоятельных региона России.

Продолжая рассматривать особенности организации территориальных органов МВД России на уровне субъектов Российской Федерации, считаем необходимым обратить внимание на относительно недавно образованный Отдел МВД России по федеральной территории «Сириус». Обращаясь к теме федеральных территорий, хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, в последние несколько лет специфика местного самоуправления и федеративного устройства нашей страны, а вместе с ними и особенности формирования территориальных органов МВД России движутся в сторону поддержки проектов по созданию и развитию так называемых «чартерных городов» [6, с. 1002–1037], т.е. в сторону поддержания инициативных проектов по развитию территорий, в которых эти проекты, содержащие концепции по усовершенствованию экономики отдельных регионов, культивированию научного потенциала, направленного на усовершенствование благосостояния населения, проживающего в границах данной территории, получают поддержку и постепенно воплощаются в жизнь. Отметим, что исходя из Положения об Отделе Министерства внутренних дел Российской

Федерации по федеральной территории «Сириус», данное подразделение нельзя в полной мере назвать территориальным органом МВД России на региональном уровне, так как в соответствии со ст. 3 указанного положения оно «находится в оперативном подчинении начальника ГУ МВД России по Краснодарскому краю и начальника УМВД России по г. Сочи ГУ МВД России по Краснодарскому краю» [7]. Однако формулировка «оперативное управление» не означает полноценной зависимости от ГУ МВД России по Краснодарскому краю, а скорее указывает на обязательное и своевременное исполнение приказов и распоряжений руководства ГУ МВД России по Краснодарскому краю в целях пресечения и предупреждения преступлений в смежных районах федеральной территории «Сириус» и Краснодарского края. Автономия Отдела МВД России по федеральной территории «Сириус» от ГУ МВД России по Краснодарскому краю также закрепляется ст. 11 и 13 указанного положения, согласно которым начальника Отдела МВД России по федеральной территории «Сириус», а также его заместителей назначает Министр внутренних дел РФ, а не начальник ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Кроме того, данное структурное подразделение создано во исполнение ст. 67 Конституции РФ [2] и Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории "Сириус"» [8].

Если говорить про специфику территориальных органов МВД России на районном уровне, необходимо отметить, что они подразделяются на две основные категории. К первой относятся отделы, которые осуществляют свои полномочия, как правило, в пределах муниципального района, ко второй – управления, которые реализуют свою деятельность на уровне муниципального образования. Стоит обратить внимание на тот факт, что управление как территориальный орган на уровне субъекта Российской Федерации и управление как территориальный орган на районном уровне не тождественны, поскольку такое структурное подразделение, как управление на районном уровне, руководит зачастую несколькими отделами, расположенными в пределах одного и того же муниципального образования. Соответственно, управление как структурное подразделение МВД России на уровне субъекта Российской Федерации осуществляет руководство несколькими (а иногда несколькими десятками) отделами и управлениями, распо-

ложенными в разных муниципальных образованиях, но входящими в состав одного и того же субъекта.

Управление как структурное подразделение МВД России на районном уровне располагается обычно в таком муниципальном образовании, которое имеет статус городского округа с внутригородским делением (в городах федерального значения – чаще всего во внутригородских территориях). Во внутригородских районах же находятся отделы, которые осуществляют руководство в пределах района (либо части района), но подчиняются управлению, которое координирует деятельность органов внутренних дел во всем городском округе.

Так, например, на территории муниципального образования город Краснодар, имеющего статус городского округа с внутригородским делением, главным территориальным подразделением органов внутренних дел является Управление МВД России по городу Краснодару, включающее в себя шесть структурных подразделений, которые на уровне внутригородского района реализуют полномочия ОВД. При этом стоит отметить, что, во-первых, границы территорий, в пределах которых осуществляет свои полномочия тот или иной отдел, подчиненный управлению на уровне городского округа, определяются приказами ГУ МВД России по Краснодарскому краю, а не Управления МВД России по городу Краснодару, во-вторых, ввиду большой плотности населения г. Краснодара принято решение в некоторых округах сформировать не один, а несколько отделов, которые обслуживают разные территории в пределах одного района (внутригородского округа). Так появился Отдел полиции (п. Калинин) Управления МВД России по городу Краснодару, который расположен в восточной части Прикубанского округа города Краснодара, где также находится другой отдел полиции, обслуживающий западную часть данного района (внутригородского округа). Необходимость создания дополнительного отдела полиции обусловлена, как нам представляется, не только резким приростом населения в столице Кубани [9], но и тем, что в Прикубанский округ наряду с городскими территориями входят также пригородные сельские поселения (например, станция Елизаветинская и др.), что требует наличия дополнительных сил и средств для обеспечения охраны жизни и здоровья граждан на достаточно обширной территории.

В целях обеспечения законности и правопорядка в отдаленных районах города Краснодара создаются пункты полиции, подчиняющиеся отделам полиции, которые, в свою очередь, находятся под руководством управления внутренних дел по городскому округу. Необходимо указать, что такая практика не является чем-то необычным, поскольку аналогичные пункты полиции создаются, например, в разных частях муниципальных районов (и это при условии, что существуют телефонная связь и сеть Интернет, посредством которых можно заявлять о преступлениях, правонарушениях и иных происшествиях [10]), что способствует реализации положений ст. 7 Конституции РФ [1], закрепляющей социальное государство в качестве основы конституционного строя.

Особое внимание следует уделить подразделениям, входящим в структуру управлений на транспорте по федеральным округам. Их особенность заключается в том, что внутри указанных управлений создаются управления и отделы (включающие в себя линейные отделения и пункты), которые контролируют деятельность органов внутренних дел на уровне субъекта или нескольких субъектов Российской Федерации. В данном случае формирование структуры территориальных органов на районном и региональном уровнях основывается не на федеративном устройстве нашего государства и не на специфике муниципальных образований внутри субъектов, входящих в состав Российской Федерации. Структура линейных отделов обусловлена особенностями обслуживаемых путей сообщения (железнодорожных, автобусных, воздушных, речных и морских). Важно заметить, что такая логика структурных подразделений управлений на транспорте МВД России имеет конституционно-правовую конъюнктуру. Известно, что террористическая деятельность различных деструктивных групп

осуществляется преимущественно в местах массовых скоплений людей. В данном случае аэропорты, речные и морские порты, а также железнодорожные и автобусные станции (вокзалы) не являются исключениями. Как известно, в соответствии с ч. 4 ст. 3, ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 29 Конституции РФ [2] запрещаются создание формирований и пропаганда идеологии, которые подрывают основы конституционного строя, дискриминируют различные социальные группы, разжигают межнациональную, межконфессиональную или межрелигиозную рознь, посягают на государственную безопасность и государственный суверенитет России. Поэтому функционирование линейных структурных подразделений МВД России иллюстрирует направленность политики нашего государства на сохранение стабильности общественного порядка. Не стоит забывать, что данная функция реализуется в контексте обеспечения права граждан на свободное передвижение по территории Федерации, а также на свободный въезд в страну и свободный выезд из нее, закрепленного в ст. 27 Конституции РФ [2].

Такова специфика построения территориальных органов МВД России. Отметим, что в структуру территориальных органов МВД России не включаются образовательные, научные и иные подразделения, которые напрямую не выполняют обязанности, возложенные на полицию, но осуществляют деятельность по выработке мер, направленных на профилактику и пресечение преступной деятельности, защиту прав и свобод граждан, охрану имущества физических и юридических лиц, а также реализуют мероприятия, связанные с подготовкой будущих правоприменителей, которые будут проходить службу в территориальных подразделениях органов внутренних дел, т.е. формируют кадры для замещения должностей в полиции.

1. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 (с изм. и доп.). Доступ из ИПО «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqx57Dju42U8J695LfQTvO68Je67rPXuuq-0LGZ_Jjy31ih6KLXo5zqkfKM4IbjkOmm5af8gflavu2l2kW-yY_ctaLro-Cw5oDhiqw= (дата обращения: 24.06.2023).

2. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 дек.

1. On the system and structure of federal executive authorities: decree of the President of the Russian Federation d.d. March 9, 2004 No. 314 (amended). Access from information and legal support "Garant". URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqx57Dju42U8J695LfQTvO68Je67rPXuuq-0LGZ_Jjy31ih6KLXo5zqkfKM4IbjkOmm5af8gflavu2l2kW-yY_ctaLro-Cw5oDhiqw= (date of access: 24.06.2023).

2. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 (as

1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из ИПО «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYq147fqsY2U8J695LfQTvO68Je67rPXuuq-0LGZ_Jjy31ih6KLXo5zqkfKM4IbjkOam473yjfCcteGzwk2106TquOTzufG54Ingj-G74MQ= (дата обращения: 24.06.2023).

3. Об утверждении Положения о Главном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу: приказ МВД России от 20 июля 2011 г. № 863. Доступ из СТПАС «Юрист» (дата обращения: 24.06.2023).

4. О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 18 февр. 2010 г. № 208. Доступ из ИПО «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqx5baMpPCavNO24r6bGvGiu9qy6bvWv-Kxk_yb8t2oykmj5KOQ6p7yg-CM45nnkOOz86nwg7TRsvu90k6k4rnR87rxsuO554vijeX2 (дата обращения: 24.06.2023).

5. URL: <https://skfo.mvd.pf/gumvd/istoria> (дата обращения: 26.06.2023).

6. Romer P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth // *The Journal of Political Economy*. 1986. October.

7. Об утверждении Положения об Отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральной территории «Сириус»: приказ МВД России от 12 апр. 2021 г. № 209. Доступ из СТПАС «Юрист» (дата обращения: 24.06.2023).

8. О федеральной территории «Сириус»: федер. закон от 22 дек. 2020 г. № 437-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из ИПО «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYq2jK_xqrzXt9W_qeqZArrvs9266L7esKH8kfLeqMi5yEWio-qS8ozgg-OT55nihfOn8ae0zrPLvOu-w3-52fKP8bThs-C44ozpjw= (дата обращения: 24.06.2023).

9. URL: <https://krasnodar.23.mvd.pf/umvd/структура/item/8366374/> (дата обращения: 25.06.2023).

10. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. № 736. Доступ из ИПО «Гарант». URL: <http://ivo>

amended by a nationwide vote on July 1, 2020). Access from information and legal support "Garant". URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYq147fqsY2U8J695LfQTvO68Je67rPXuuq-0LGZ_Jjy31ih6KLXo5zqkfKM4IbjkOam473yjfCcteGzwk2106TquOTzufG54Ingj-G74MQ= (date of access: 24.06.2023).

3. On approval of the Regulations on the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the North Caucasus Federal District: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. July 20, 2011 No. 863. Access from specialized geographically distributed automated system "Lawyer" (date of access: 24.06.2023).

4. On some measures to reform the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Febr. 18, 2010 No. 208. Access from information and legal support "Garant". URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqx5baMpPCavNO24r6bGvGiu9qy6bvWv-Kxk_yb8t2oykmj5KOQ6p7yg-CM45nnkOOz86nwg7TRsvu90k6k4rnR87rxsuO554vijeX2 (date of access: 24.06.2023).

5. URL: <https://skfo.mvd.rf/gumvd/istoria> (date of access: 24.06.2023).

6. Romer P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth // *The Journal of Political Economy*. 1986. October.

7. On approval of the Regulations on the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the federal territory "Sirius": order of the the Ministry of the Interior of Russia d.d. Apr. 12, 2021 No. 209. Access from specialized geographically distributed automated system "Lawyer" (date of access: 24.06.2023).

8. About the federal territory "Sirius": fed. law d.d. Dec. 22 2020 No. 437-FZ (amended). Access from information and legal support "Garant". URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYq2jK_xqrzXt9W_qeqZArrvs9266L7esKH8kfLeqMi5yEWio-qS8ozgg-OT55nihfOn8ae0zrPLvOu-w3-52fKP8bThs-C44ozpjw= (date of access: 24.06.2023).

9. URL: <https://krasnodar.23.mvd.rf/umvd/структура/item/8366374/> (date of access: 25.06.2023).

10. On approval of the Instructions on the procedure for receiving, registering and resolving in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation applications and reports of crimes, administrative offenses, and incidents: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Aug. 29, 2014 No. 736. Access from information

garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxjK_xqrzXt9W_qeqZArrvs9266L7esKH8kfLeqMi5yEWio-qS8ozgg-OT55nihPOn8ae0zrPLvOu-w3-52fKP8bfhtOi56Y_mwQ== (дата обращения: 25.06.2023).

and legal support "Garant". URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxjK_xqrzXt9W_qeqZArrvs9266L7esKH8kfLeqMi5yEWio-qS8ozgg-OT55nihPOn8ae0zrPLvOu-w3-52fKP8bfhtOi56Y_mwQ== (date of access: 25.06.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Яблонский Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России; e-mail: kiap_krdu@mvd.ru;

Кочкин Антон Андреевич, преподаватель кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России; e-mail: kiap_krdu@mvd.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

I.V. Yablonsky, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Chief of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kiap_krdu@mvd.ru;

A.A. Kochkin, Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kiap_krdu@mvd.ru

---

Карнаушенко Леонид Владимирович

Язык права в современной социокоммуникативной реальности

В статье отмечается, что функционирование права в социальной системе связано с многочисленными аспектами, и важное значение здесь имеет коммуникативный фактор. Язык, выступая ключевым элементом коммуникативного процесса, оказывает существенное влияние на многие элементы социума, в том числе право. Среди различных разновидностей языка существует и язык права, который выполняет ряд критически важных функций, обеспечивая эффективность функционирования права. Язык права воплощает в себе основные тенденции развития права и правовой системы.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, государство, право, социокоммуникативная реальность, язык права, правовая коммуникация.

The language of law in modern sociocommunicative reality

The article notes that the functioning of law in the social system is associated with numerous aspects, including the importance of the communicative factor. In turn, language, acting as a key element of the communicative process, has a significant impact on many elements of society, including law. Among the various varieties of language, there is also the language of law, which performs a number of critical functions, ensuring the effectiveness of the functioning of law. The language of law embodies the main trends in the development of law and the legal system.

Keywords: transforming society, state, law, sociocommunicative reality, the language of law, legal communication.

Социальная система состоит из множества различных элементов, подсистем, институтов и т.д. Одну из ключевых позиций в ней занимает коммуникационная система. Именно от нее зависит эффективность взаимодействия на различных уровнях социума. Социальные взаимодействия придают обществу гибкость и динамичность, обеспечивают многие социальные институты и подсистемы необходимой вариативностью. Как отмечает Ю.В. Сорокина, «с одной стороны, она [коммуникация – Л.К.] является условием его [человека – Л.К.] существования именно как человеческого существа, с другой – представляет собой природную потребность человека. Отрыв от общества означает потерю себя, а лишение коммуникации обрекает на потерю рассудка. Во время коммуникации с другими и с самим собой формируется способ мышления, ощущения, осознание личного восприятия» [1, с. 24].

Социальная коммуникация включает в себя множество элементов, и одним из наиболее значимых является язык. Именно язык выступает основным средством осуществления коммуникации. В связи с этим вполне закономерно выглядят теории, согласно которым этапы че-

ловеческого развития напрямую зависят от используемых средств коммуникации. С точки зрения М. Маклюэна, на начальном этапе развития человечества господствовала «слуховая культура», особенностью которой является полное погружение общества в происходящее, причем даже произвольное. Общение на этом этапе заключается только в устной речи. Именно поэтому люди объединяются между собой, создавая общество, в котором царит дух сообщества. После появления алфавита и письменности единство первобытной культуры исчезло. В современном мире наступает эра электронных коммуникаций, которая возвращает человека в первобытное общество, потому что слуховое визуальное восприятие возвращается под влиянием электрических технологий [2]. Таким образом, использование языка в коммуникативных процессах, по мнению канадского ученого, во многом предопределяет специфику эволюционного развития человечества. Поэтому важность языка как элемента коммуникации и духовной жизни в целом не может быть поставлена под сомнение.

Вполне закономерно, что язык как средство коммуникации оказывается в центре внимания различных общественных наук. Исследователи отмечают, что имеется три подхода, позициони-

рующих различное восприятие языка как социального феномена: «Во-первых, язык воспринимается как инструмент общения, то есть средство коммуникации. Во-вторых, язык определяется в качестве средства выражения мыслей. В-третьих, язык рассматривается как сфера, которая определяет направление развития и характер мыслительной деятельности, а также характер межсубъектных коммуникаций» [1, с. 26].

По мнению Л.П. Павловой, существует тесная взаимосвязь между спецификой общественного состояния и языком как интегральным элементом коммуникативной и социальной системы. Наблюдаются процессы взаимовлияния языка и общества. В частности, «язык неотделим от общества и не может существовать вне общества, которое оказывает на него значительное влияние; обладая организующей функцией в отношении с обществом, язык выступает в качестве основы взаимопонимания, социального мира и развития; имея глобальный характер и являясь главным средством общения, язык вездесущ в социальном пространстве» [3, с. 97].

Вместе с тем функциональный репертуар языка является более широким, нежели обеспечение процесса коммуникации. Языку как элементу общества присущ и ряд других важных функций. Так, по мнению исследователей, язык может «выполнять функцию коллективной памяти социального коллектива. Язык и общество развиваются на основе тесной взаимосвязи, взаимозависимости и взаимовлияния, они не могут существовать друг без друга. Язык – это явление духовной культуры человечества, самый важный интегратор общества» [3, с. 98].

Таким образом, следует принимать во внимание тот факт, что научное рассмотрение языка, в том числе языка права, должно исходить из более широкого функционального репертуара, нежели средства осуществления коммуникации. Язык является неотъемлемой частью духовной жизни общества, следовательно, его правомерно позиционировать в качестве элемента социокультурной действительности. Именно язык обладает способностью воплощать в себе коллективный опыт предшествующих поколений, а также косвенно репрезентировать многие элементы социокультурной системы координат общества: норм, ценностей, менталитета, мировоззрения и т.д. Кроме того, в языковых формах воплощается духовно-нравственное содержание общества, в частности российского.

В связи с этим вполне закономерно, что язык права также обладает гораздо более широким содержанием, чем социально-коммуникативное. Рассмотрение языка права целесообразно предварить поиском ответа на вопрос о том, каков характер взаимосвязи между правом и языком. С точки зрения А.Н. Шепелева, связь между правом и языком права проявляется в следующем. «Право – это прежде всего звук, слово, система общения. Право всегда стремится быть графическим, текстуально оформленным. Язык выступает как средство материализации и реализации права. Государственная воля, чтобы стать правом, должна быть возведена в ранг закона. Следовательно, язык опосредствует государственно-властное начало, без языка не может быть и права» [4, с. 8].

Таким образом, перед языком права стоит весьма сложная задача, связанная с необходимостью коммуникативного опосредования государственно-властного начала, доведения смыслов нормативных установлений до сознания широкой аудитории, дифференцированной по множеству социальных, экономических, политических и культурных оснований. При этом спектр действия такой коммуникации должен неизбежно распространяться не только на специализированную, но и на обыденную сферу. Стоит отметить, что во многих обществах существует глубокая дифференциация между обыденной и специализированной (государственно-властной, научной, экспертной и т.п.) коммуникациями. В результате действия сложных процессов образования, социализации, инкультурации, социального развития значительная часть общества закономерно погружается в пространство обыденного сознания и использует соответствующие коммуникации. Не является исключением и современное российское общество, характеризующееся глубокой социально-экономической и социокультурной дифференциацией. Как следствие, язык права, воплощая в себе, с одной стороны, государственно-властное начало, с другой – широкий спектр социокультурных процессов и элементов духовной жизни общества, пребывает в противоречивом состоянии, что находит свое отражение в специфике его функционирования. Его целевыми коммуникативными аудиториями выступают носители как специализированного, так и обыденного сознания, поскольку отсутствие эффективности влияния на носителей обыденного сознания существенно снижает эффективность правового регулирования в стране.

Следует подчеркнуть, что язык права выступает интегральным элементом правовой коммуникации. По мнению В.Б. Исакова, языку права «свойственны точность, ясность, использование слов и терминов в строго определенном смысле; простота и надежность грамматических конструкций, исключая двусмысленность. Одно из важных качеств юридического языка – его эмоциональная нейтральность. Даже самые неординарные с моральной точки зрения события и факты юрист должен описать в нейтральных выражениях, не оказывая эмоционального давления и не раскрывая своей юридической оценки» [5, с. 68].

На язык права институтом государства возлагается серьезная роль, заключающаяся, во-первых, в форме (нейтральность и емкость), во-вторых, в эффективности «перевода» целевых установок государственной власти на уровень обыденного сознания. При этом система репрезентации смыслов, свойственная языку права, является уникальной социокультурной конструкцией, характеризуясь и очевидной взаимосвязью с более ранними этапами развития государства и его правовой системы. Язык права интегрирует в свое пространство различные разновидности языковых форм, в том числе и разговорный язык. Эта конструкция формируется на протяжении длительного исторического периода и служит целям повышения эффективности воздействия права на сознание и поведение людей, что требует интегративной языковой конструкции – здесь критическое значение приобретает именно правильный баланс элементов.

А.Н. Шепелев отмечает, что «язык права возникает как функциональная трансформация нормативных высказываний доправового социального регулирования и представляет собой социально-исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях правового регулирования поведения субъектов общественных отношений. Слово в системе языка права адаптируется к потребностям точного и ясного изложения правовой информации» [4, с. 13].

Е.Ф. Усманова обращает внимание на специфику бытования языка права в современной реальности. Так, «процессы подготовки, издания и опубликования правовых актов, уяснения и разъяснения правовых предписаний, их систематизации и реализации сопровождаются речевым общением. Чтобы закон выполнялся,

он должен быть доступен всем тем, к кому обращен. Даже при использовании одних и тех же документов можно прийти к противоположным выводам относительно их содержания» [6, с. 4].

Серьезный гносеологический интерес вызывает и структура языка права. Это связано с тем, что именно форма языка имеет важное значение в аспекте его воздействия на окружающую действительность, в том числе на сознание и поведение людей.

Следует отметить, что относительно структуры языка права в научной литературе представлены различные точки зрения. С точки зрения В.Б. Исакова, «язык права – один из стилей современного русского официального языка, объединяющий в свою очередь несколько субстилей: язык законодательства, язык подзаконных правовых актов, язык правоприменительной практики, язык юридической науки, язык юридического образования, язык юридической журналистики и др.» [5, с. 71].

Н.Ф. Ковкель обращает внимание на то, что «сложная структура содержит следующие элементы: язык закона, язык правовой доктрины, профессиональная речь юристов, язык процессуальных актов, язык договоров» [7, с. 47].

Сложная структура языка права априори предполагает и наличие множества вспомогательных факторов внешней и внутренней среды общественной жизни, служащих целям адаптации языка права в социуме. В случае развития дисфункциональности данного процесса язык права существенно снижает свою эффективность, что негативно отражается на правовой системе в целом. Однако следует учесть, что в последние годы происходят глубокие трансформации коммуникативной системы общества вследствие переопределения форм, способов и методов коммуникативного воздействия. Современное информационное общество способствует выходу на первый план глобальной компьютерной сети Интернет, которая, сочетая в себе элементы формальной и неформальной коммуникации, привносит очевидные изменения в бытование языка права.

В частности, в пространстве сети Интернет наблюдается смешение различных языков, языковых стилей и т.п. Это приводит к невиданной ранее языковой диффузии. Проблема осложняется еще и тем, что современное общество благодаря интенсивному информационно-компьютерному воздействию характеризуется информационной перегрузкой, усиливающейся информационной неопреде-

ленностью, вследствие чего происходит дезориентация части населения, в том числе и в вопросах, касающихся государства, права. Глобальное общество также имеет возможность посредством инструментов массовой культуры потребления воздействовать на особенности восприятия людьми государства и права.

Восприятие языка права, попадающего в интернет-пространство, также испытывает воздействие ряда рискованных факторов, связанных со спецификой коммуникации в Сети. Здесь существенным весом обладают неформальные коммуникаторы (блогеры, активные граждане, так называемые «боты» и т.д.), которые комментируют среди прочих объектов и право, законы, законотворческую деятельность государства и сам институт государства. В таких условиях язык права с неизбежностью сталкивается с «альтернативными» языками, которые также пытаются передавать смысл нормативных правовых актов и иных законодательных и правоприменительных установлений государства. Важное значение в данной ситуации приобретают именно попытки осмысления права посредством языковых форм. Интернет создает условия для социокультурной «экспансии» носителей обыденного сознания, что негативно отражается на специализированных языках, в том числе и языке права. Описанная проблемная ситуация обладает существенной научной и практической новизной применительно к трансформирующемуся российскому обществу, все чаще сталкиваемому с подобными явлениями. Однако имеющиеся немногочисленные научные публикации по данному вопросу не могут в полной мере преодолеть возникшую теоретическую и практическую неопределенность относительно действий государства и общества в ответ на возникшую проблему.

Современное информационное общество парадоксальным образом продуцирует именно информационную неопределенность, в том числе и по ключевым вопросам государства, права и т.п. Данный эффект возникает вследствие дисфункций интенсивно протекающих информационно-коммуникационных процессов, что создает риски и для языка права, который глубоко интегрирован в коммуникационное пространство российского общества.

Подводя итоги, следует отметить, что язык является ключевым элементом коммуникативного процесса, выступающего основополага-

ющим для существования любого общества. Среди разновидностей языка особое положение занимает язык права, призванный посредством особой иерархии вербальных форм осуществлять передачу правовой информации в широком смысле этого слова для широкой аудитории – носителей как специализированного, так и обыденного сознания. Дуализм целевой аудитории диктует необходимость языку права принимать сложные формы на основе симбиоза различных вариантов языка – от разговорных до научных форм. Интегративный характер языка права продуцирует риски, связанные с его специфическим статусом среди других языков и в коммуникационной системе российского общества в целом.

В настоящее время функционирование языка права непосредственно связано с происходящими социокоммуникативными трансформациями. Усиление роли сети Интернет, мировая глобализация коммуникационной системы, усиливающиеся негативные тенденции энтропии, перегруженности сознания, информационной неопределенности и т.п. осложняют эффективность воздействия языка права на сознание и поведение людей. При этом система социального управления не получает от науки исчерпывающих объяснительных моделей происходящего, позволяющих выйти на необходимые практические решения. Следует учитывать и тот факт, что подрастающие поколения россиян уже глубоко интегрированы в пространство интернет-коммуникаций, их социализация и социальное развитие происходят в контексте прогресса информационно-компьютерных технологий и сети Интернет. Данный факт также предполагает наличие специфики восприятия языка права молодым поколением. Указанная проблема практически не представлена в научной литературе, особенно это касается эмпирического среза исследований. Изложенное дает возможность констатировать, что современное государство и общество пребывают в состоянии информационной неопределенности относительно проблемы использования языка права в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий и Интернета. Следует учитывать и высокий динамизм проблемной ситуации, так как в настоящее время прогрессивное развитие информационно-компьютерных технологий и общая информатизация социального пространства продолжают.

1. Сорокина Ю.В. Язык как средство правовой коммуникации // Вопросы российского и международного права. 2015. № 8-9. С. 23–41.

2. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М., 2013.

3. Павлова Л.П. Язык как средство коммуникации // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1. С. 96–98.

4. Шепелев А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2002.

5. Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64–79.

6. Усманова Е.Ф. Речевая коммуникация в юридической практике: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2005.

7. Ковкель Н.Ф. Основные элементы структуры правового языка // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 44–51.

1. Sorokina Yu.V. Language as a means of legal communication // Issues of Russian and international law. 2015. № 8-9. P. 23–41.

2. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Moscow, 2013.

3. Pavlova L.P. Language as a means of communication // Bulletin of the Kurgan State University. 2019. № 1. P. 96–98.

4. Shepelev A.N. The language of law as an independent functional style: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Tambov, 2002.

5. Isakov V.B. The language of law // Jurislinguistics. 2000. № 2. P. 64–79.

6. Usmanova E.F. Speech communication in legal practice: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Saransk, 2005.

7. Kovkel N.F. The main elements of the structure of the legal language // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2013. № 4. P. 44–51.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583414.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

L.V. Karnaushenko, Doctor of Sciences in History, Professor, Chief of the Department of Theory and History of Law and State, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583414.

Самойлов Сергей Федорович
Белый Андрей Григорьевич

Раскол украинского социал-национализма и его политические последствия

Раскрываются идеологические и политические предпосылки возникновения одной из самых опасных террористических организаций – полка «Азов» (запрещен в РФ). Особое внимание уделяется идеологическим и социально-политическим разногласиям внутри социал-националистического движения, представляющего собой одно из главных направлений современного украинского национализма.

Ключевые слова: социал-национализм, «Патриот Украины» (запрещен в РФ), политическая программа, неонацистское крыло, полк «Азов» (запрещен в РФ).

The split of Ukrainian social-nationalism and its political consequences

The article is devoted to an insufficiently covered topic in the field of countering Ukrainian nationalism and neo-Nazism, and reveals the ideological and political prerequisites for the emergence of one of the most dangerous terrorist organizations – "Azov" regiment. Particular attention is paid to the ideological and socio-political differences within the social-nationalist movement, which is one of the main directions of modern Ukrainian nationalism.

Keywords: social-nationalism, "Patriot of Ukraine", political program, neo-Nazi wing, "Azov" regiment.

Актуальность исследования последствий раскола социал-национализма на Украине связана непосредственно с возникновением на ее территории огромного количества небольших праворадикально настроенных групп, которые с течением времени разрастались в крупные военизированные формирования террористической направленности и стали нести серьезную угрозу распространения экстремистских взглядов праворадикального характера.

На сегодняшний день одним из самых ярких представителей украинского социал-национализма является А.Е. Билецкий. Во многом это обусловлено тем, что именно благодаря его организаторским способностям крошечная по своим масштабам группа разрослась в достаточно мощную военно-политическую структуру.

Андрей Евгеньевич Билецкий родился 5 августа 1979 г. в Харькове. С детских лет занимался боксом и получил 1-й юношеский разряд, впоследствии освоил ножевой бой, фехтование, стрельбу и т.д. В дальнейшем приобретенные спортивные и боевые навыки помогли ему завоевать авторитет в праворадикальной среде. В 1996–2001 г. Билецкий обучался в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина по специальности «историк», окончил университет с отличием, его дипломная работа была посвящена Украинской повстанческой армии. Еще во время обучения в университете Билецкий принимал активное

участие в националистическом движении. Кроме того, в 1999 г. в числе других молодых националистов пытался принять участие в войне в Косово на стороне сербов. В качестве мотива данного поступка он указывал на необходимость противодействия исламской экспансии.

В 2002 г. Билецкий возглавил молодежное подразделение организации «Тризуб» им. Степана Бандеры (запрещена в РФ) в Харькове. Через год вступил в Социал-национальную партию Украины (первоначальное название партии «Свобода», запрещенной в РФ), а после 9-го съезда данной партии выступил против роспуска ее молодежного крыла и возглавил националистическое течение в идеологии украинского социал-национализма.

На момент создания «Патриота Украины» (запрещен в РФ) как самостоятельной организации разница в возрасте между А.Е. Билецким и основоположниками украинского социал-национализма А.В. Парубием и О. Тягнибоком составила в среднем 10 лет, и его можно отнести к молодому поколению украинских националистов, которое оценивало старшее поколение праворадикалов как «соглашателей» с «антинациональной» властью.

«Патриот Украины» (запрещен в РФ) как отдельная организация окончательно оформилась к 2005 г. В 2006 г. Билецкому удалось зарегистрировать его в Харьковском управлении юстиции [1]. Опыт участия в различных украинских националистических организациях по-

мог Билецкому рекрутировать в свою организацию бывших и действующих членов целого ряда праворадикальных организаций, прежде всего Социал-национальной партии Украины, УНА-УНСО (22 января 2015 г. внесена в перечень некоммерческих организаций, в отношении которых Верховным Судом РФ принято вступившее в законную силу решение от 17 ноября 2014 г. о ликвидации или запрете деятельности) и «Тризуба» (запрещен в РФ). Кроме того, Билецкому удалось привлечь целый ряд мелких праворадикальных групп в различных городах страны.

Главным средством вовлечения молодых праворадикалов в новую организацию явилась ее приверженность принципам «активизма», который проявлялся в участии в многочисленных акциях, а также в борьбе с «нелегальными мигрантами». Консолидации новой партии способствовала выбранная Билецким стратегия на очищение Украины от чужеродных элементов, к числу которых относились такие многочисленные категории, как «мигранты», лица «неславянской» национальности, «антиукраинские» элементы и т.д. В результате сторонники Билецкого получили достаточно большое поле деятельности. Например, одним из объектов нападения социал-националистов стала вьетнамская диаспора Харькова, представители которой активно торговали на рынках города. Помимо вьетнамцев жертвами расового и национального насилия, широко применяемого сторонниками Билецкого, стали многочисленные иностранные студенты Харькова. Такого рода деятельность не могла осуществляться без покровительства со стороны властей. Поддержка была оказана «Патриоту Украины» (запрещен в РФ) тогдашним губернатором Харькова Арсеном Аваковым.

Другим важным аспектом деятельности новой организации, привлечшим в ее ряды молодых националистов, стала ее орденская структура, предполагавшая наличие иерархии, реализацию принципа вождизма, проведение различных уличных акций. Благодаря этому у молодых праворадикалов формировалось представление о собственной социальной значимости и социальных заслугах.

Идеологической базой «Патриота Украины» (запрещен в РФ) стал манифест «Право Нации», который базировался на идее нациократии Н. Сциборского, идеолога ОУН(м) (1898–1941 гг.). Доминирующими идеями в данном документе стали биологический расизм, евгеника, ксенофобия и антикосмополитизм. Таким образом, организация, позиционировавшая

себя как националистическую и официально отрицавшая свою связь с идеями нацизма, имела ярко выраженный неонацистский характер. Доказательством этого могут служить следующие пункты политической программы «Патриота Украины» (запрещен в РФ):

1. Нация как естественное сообщество, наиболее живой духовный и биологический организм, имеющий общее происхождение, расовый тип, ментальность, язык, территорию проживания, культуру, имеет безусловное право на жизнь, сохранение своей расовой и духовной самобытности.

2. Нация имеет право на моноэтничность собственного государства, а также на полную государственную самостоятельность и игнорирование международных норм, если те угрожают существованию или нормальному развитию Нации.

3. Нация как замкнутая генетическая популяция имеет право избавляться на своей территории от инорасовой примеси путем депортации ее носителей на историческую территорию их проживания.

4. Нация имеет право улучшать собственное здоровье через внедрение расового, евгенистического и экологического законодательства.

5. Нация вправе восстанавливать свое естественное духовное, культурное и языковое пространство путем ренационализации своих отдельных представителей и социальных и региональных групп населения, которые были денационализированы в результате инородной оккупации, вхождения в состав полиэтнических государственных образований или через влияние космополитической культуры.

6. Нация имеет право на установление социально справедливого порядка в собственном государстве, а также избавление от паразитарных слоев, которые пытаются путем экономических и политических манипуляций присвоить себе материальные ценности Нации.

Ярко выраженный расистский характер программы организации «Патриот Украины» (запрещена в РФ) четко зафиксировал выделение националистического течения в идеологии социал-национализма. Размежевание было зафиксировано главным идеологом данной организации О.А. Однороженко, который в одном из своих выступлений в 2007 г. резко противопоставил идеологию и социально-политическую стратегию «Патриота Украины» и партии «Свобода» (организации запрещены в РФ) [2]. В своем докладе, явно ориентированном на праворадикально настроенную молодежь, Однороженко обвинил партию «Свобода» (за-

прещена в РФ) в выполнении государственного заказа на сдерживание националистического электората от активной поддержки подлинно патриотически настроенных сил. С его точки зрения, только «Патриот Украины» (запрещен в РФ) отказывается от стратегии согласия с властью и замалчивания жизненно важных для украинской нации расовых, межнациональных и языковых проблем. В выступлении Остороженко красной нитью проходила близкая для нас-скинхедов и других праворадикальных молодежных субкультур идея «белой революции», которая противопоставлялась скрытому региональному сепаратизму партии «Свобода» (запрещена в РФ).

Таким образом, «Патриот Украины» (запрещен в РФ) заявил о себе как о единственной организации, выражающей интересы праворадикального электората. Данная претензия вызвала резко негативную реакцию со стороны партии «Свобода» (запрещена в РФ) и привела к фактическому расколу праворадикальных организаций, придерживающихся социал-националистической идеологии. Окончательно этот раскол завершился в 2008 г. и выразился в создании под эгидой «Патриота Украины» (запрещен в РФ) политической ассоциации «Социал-национальная ассамблея» (запрещена в РФ), в которую вошел целый ряд ультраправых групп и организаций регионального масштаба (запрещены в РФ, поскольку входят в состав запрещенной Социал-национальной ассамблеи), в частности:

- «Державная Самостийность Украины» (ДСУ);
- «Слава и честь» (СиЧ) – региональная праворадикальная группировка в Одессе;
- «Украинская Альтернатива» – региональная праворадикальная организация в Чернигове;
- «Революция и державность» (Рид).

Создание данного политического объединения, призванное консолидировать социал-националистические организации на принципах националистического течения данной идеологии, привело к существенному изменению всей организационной структуры украинского социал-национализма. С этого момента в украинском социал-национализме четко просматриваются два течения:

- социальное, или «либеральное», течение, представленное ВО «Свобода» (то же, что партия «Свобода», запрещенная в РФ), ориентированное на парламентские методы борьбы, демократическое устройство партии и поддержку прежде всего западноукраинского электората;

- национальное, или неонацистское, крыло, руководимое Социал-национальной ассам-

- блей (запрещена в РФ), отстаивающее «революционные» (силовые) методы политической борьбы, централизованную организацию партии вождистского типа и поддержку всего украинского праворадикально настроенного электората.

Идеологическое размежевание со «Свободой» (запрещена в РФ) сопровождалось и структурной реорганизацией всего националистического течения в социал-национализме. Так, «Патриот Украины» (запрещен в РФ) из самостоятельной партии превратился в военизированное крыло Социал-национальной ассамблеи (запрещена в РФ). Кроме того, было создано ее молодежное крыло, куда вошли юноши от 16 до 30 лет, которое по аналогии с «Гитлерюгендом» получило наименование «Молодежь Билецкого» (запрещено в РФ).

Организационное закрепление националистического, точнее неонацистского, крыла социал-национализма было сопряжено не только с идеологическим и политическим размежеванием с ВО «Свобода» (запрещено в РФ), но и с аналогичным конфликтом с представителями традиционного интегрального национализма. В идеологическом отношении принципиальное различие между оуновским и постоуновским национализмом было проведено Билецким в области определения характера нации. Так, согласно мнению лидера «Патриота Украины» (организация запрещена в РФ) главная ошибка «классического» украинского национализма заключалась в том, что он интерпретировал нацию как культурную и языковую общность, тогда как на самом деле нация имеет природную сущность, является биологическим видом, т.е. имеет расовую основу. Следует подчеркнуть, что утверждение Билецкого о производности нации от расы имело далеко идущие практические выводы и предполагало как осуществление селекции украинской нации, так и ее очищение от инородных элементов.

Откровенно расистский характер «Патриота Украины» (запрещен в РФ) вызвал явное неприятие со стороны представителей интегрального национализма, поскольку выявлял и доводил до логического завершения расистские тенденции в идеологии украинского национализма в целом, а также делал возможным его отождествление с нацизмом. Последнее обстоятельство способствовало формированию негативного восприятия идей и социальной практики интегрального национализма. Поэтому представители украинских праворадикальных организаций, идеологически связанных с ОУН (запрещена в России), подчер-

кивая свое отличие от социал-национализма, стали называть сторонников вошедших в Социал-национальную ассамблею (запрещена в РФ) групп «новыми правыми», а себя – «старыми правыми».

В октябре 2008 г. идеологические разногласия между старыми и новыми националистами получили определенное политическое закрепление. Так, традиционную для украинского праворадикализма акцию в память бойцов украинской повстанческой армии «старые» и «новые» правые проводили отдельно. Более того, спровоцированные социал-националистами столкновения с сотрудниками правоохранительных органов представители «оуновских» националистических организаций подвергли публичному осуждению. Результатом идеологического и политического противостояния стало оформление старых «правых» в отдельное течение украинского национализма. К нему принято относить следующие организации:

Конгресс украинских националистов;

Организацию украинских националистов (Мельниковцы) – ОУН(м) (ОУН, запрещена в России);

Молодежный националистический конгресс (движение основано в 2001 г. на идеологии Организации украинских националистов (ОУН1), его деятельность запрещена в РФ);

«Правый сектор» («Тризуб» им. Степана Бандеры) (запрещен в РФ);

Украинскую Национальную Ассамблею – Украинскую Народную Самооборону;

Украинскую партию (УП);

Украинское дело (УД).

В противоположность этому Билецкому удалось добиться формирования социал-националистического полиса украинского праворадикализма. Помимо Социал-национальной ассамблеи (запрещена в РФ) и вошедших в нее организаций, сюда можно отнести:

Украинскую национал-трудовую партию – УНТП (с начала 2009 г. УНТП фактически перестала существовать);

Общественную организацию «Трезвый Киев» (неофициальная организация);

«Новую силу» (неофициальная организация);

«Свято-андреевский казацкий курень» (неофициальная организация).

Таким образом, оформление националистического течения в социал-национализме привело не только к его отмежеванию от социалистического течения, но и к расколу внутри украинского праворадикального движения в целом.

Несмотря на всю одиозность идеологии «Патриота Украины» (запрещен в РФ) и Социал-национальной ассамблеи (запрещена в РФ), ее не следует рассматривать как главную причину их оценки в качестве экстремистских организаций. В отличие от многих праворадикальных организаций «оуновского» толка социал-националистические организации Билецкого «прославились» прежде всего громкими силовыми акциями, в числе которых можно назвать:

столкновение с сотрудниками правоохранительных органов в Харькове во время проведения националистами протестной акции против инициативы придать русскому языку статус официального языка в данном городе (9 марта 2006 г.);

массовое нападение на сотрудников милиции, произошедшее в ходе проведения праворадикальной манифестации в Киеве (18 октября 2008 г.);

нападение в Харькове на журналиста С. Колесникова с нанесением ему тяжких телесных повреждений (23 августа 2011 г.);

планирование взрыва памятника Ленину в Борисполе в День независимости (24 августа 2011 г.);

вооруженное столкновение с пророссийскими манифестантами в Харькове (14–15 марта 2014 г.).

Данный перечень противоправных действий социал-националистов «Патриота Украины» (запрещен в РФ) и Социал-национальной ассамблеи (запрещена в РФ) является далеко не полным. Кроме того, следует учитывать, что, помимо данных (эпизодических) эксцессов, организации Билецкого реализовывали долгосрочные экстремистские проекты, предполагавшие регулярные противоправные действия против мигрантов, иностранных студентов, выходцев из Средней Азии и Африки, пророссийских активистов, либерально-демократически настроенных лиц и организаций и т.д.

Более того, тон агрессивной социально-политической стратегии социал-националистических объединений задавал сам Билецкий. В конце декабря 2011 г. он был задержан, а позже арестован по обвинению в непосредственном участии в указанном выше деле журналиста Сергея Колесникова. Во многом арест и осуждение Билецкого были связаны с отставкой с поста министра внутренних дел его покровителя во властных структурах Арсена Авакова. Однако нахождение лидера социал-национализма под стражей, а потом в заключении не снизило активности самого движения. Так, социал-националистические организации приня-

ли самое активное участие в событиях Евромайдана (2013–2014 г.) [3].

Свержение президента Януковича было воспринято украинским праворадикальным движением в целом и социал-националистическими организациями в частности в качестве собственной победы и рассматривалось как начало «национальной революции». Доказательством этому служила полная лояльность новой власти к националистам и неонацистам, осужденным за совершение различных преступлений экстремистской направленности. Так, в 2014 г. Верховная Рада приняла закон об амнистии всех «политзаключенных», подавляющее число которых составляли осужденные националисты и неонацисты. Одним из лиц, освобожденных по амнистии, являлся Андрей Билецкий, тут же развернувший еще более активную политическую и экстремистскую деятельность.

Освобождение Билецкого и его соратников по социал-националистическому движению следует рассматривать как закономерное проявление общей стратегии нового киевского режима, направленной на сотрудничество с националистическими и неонацистскими организациями. Внешним закреплением данной тенденции стало награждение Билецкого орденом Мужества III степени. Необходимость подобного рода действий со стороны власти в первую очередь объяснялась неприятием государственного переворота восточными и южными регионами страны. Власть катастрофически нуждалась в поддержке националистических кругов для подавления массового недовольства в указанных регионах. По этой причине она, используя предшествующий опыт Авакова по взаимодействию с праворадикалами, пошла на создание вооруженных формирований из числа националистов и неонацистов, получивших наименование добровольческих батальонов. К этому времени Билецкий включил Социал-национальную ассамблею (запрещена в РФ) и «Патриот Украины» (запрещен в РФ) в состав «Правого сектора» (запрещен в РФ), на тот момент представлявшего собой рамочную праворадикальную организацию. Вместе с тем организации Билецкого в силу особенностей идеологии, предшествующего политического опыта и харизматичности руководства не могли просто раствориться в новом националистическом объединении. Поэтому вполне закономерным стало создание на их базе особого добровольческого батальона «Азов» (запрещен в РФ).

Создание сначала спецроты, а затем полка «Азов» (запрещен в РФ) ознаменовало собой

трансформацию парамилитарного формирования, каким являлась организация «Патриот Украины» (запрещена в РФ), в полноценное вооруженное формирование праворадикалов. Доказательством этому может служить факт того, что первым командиром вновь созданного формирования, вошедшего в состав МВД Украины, стал сам Андрей Билецкий, а его заместителем по воспитательной работе был назначен главный идеолог националистического течения социал-национализма Олег Однороженко. Помимо них в командный состав батальона вошли такие известные функционеры социал-националистических организаций, как Игорь Мосейчук, Владимир Шпара, Игорь Криворучко, Вадим Троян.

Вместе с тем трансформация неонацистской по своей идеологии организации в вооруженное формирование не означала ее отказа от политической деятельности, как это позиционировала социал-националистическая пропаганда. Так, сам Билецкий в октябре 2014 г. был выбран депутатом Верховной Рады и покинул созданное им вооруженное формирование. Позднее, весной 2015 г., появляется политическое крыло «Азова» (запрещен в РФ), получившее наименование «Гражданский корпус «Азов» (запрещен в РФ). Его основу составили бывшие участники социал-националистического движения и самого батальона «Азов» (запрещен в РФ). Возвращение социал-национализма в политическое поле было завершено в октябре 2016 г. с созданием организации «Национальный корпус» (запрещена в РФ) под непосредственным руководством Билецкого. Особенности создания, развития и функционирования данных организаций представляется целесообразным рассмотреть более подробно в рамках отдельного исследования политической деятельности полка «Азов» (запрещен в РФ), создавшего вокруг себя развитую общественно-политическую инфраструктуру.

Подводя итоги анализа раскола украинского социал-национализма и его политических последствий, в результате которых формировались такие радикальные организации, как полк «Азов» (запрещен в РФ), можно прийти к следующим выводам.

1. Если рассматривать возникновение полка «Азов» (запрещен в РФ) с точки зрения логики развития украинского праворадикального движения, можно утверждать, что оно явилось результатом радикализации идей и социально-политической практики украинского интегрального национализма, приведшего к возникнове-

нию нового направления украинского праворадикализма – социал-национализма.

2. По своей идеологии, структуре и специфике социально-политической практики социал-национализм является разновидностью неонацизма.

---

1. *Обыкновенный фашизм. Украинские военные преступления и нарушения прав человека (2017–2020). М., 2020.*

2. *Калашников С.М. Националистическая мифологизация истории Украины эпохи Великой Отечественной войны на примере деятельности нацистских пособников ОУН-УПА // Этих дней не смолкнет слава. Советская авиация в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Краснодар, 2020. С. 83–86.*

3. *Курьлев К.П., Станис Д.В. Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривосточной нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3(43). С. 114–117.*

3. Распространение идеологии и организационных структур социал-национализма происходило с Запада (Львов) на Восток (Харьков) Украины, что свидетельствует о постепенной нацификации страны, протекавшей задолго до государственного переворота в 2014 г.

---

1. *Ordinary fascism. Ukrainian war crimes and human rights violations (2017–2020). Moscow, 2020.*

2. *Kalashnikov S.M. Nationalist mythologization of the history of Ukraine during the Great Patriotic War on the example of the activities of the Nazi accomplices of the OUN-UPA // Glory will not cease these days. Soviet aviation during the Great Patriotic War 1941–1945: All-Russian correspondence sci. and practical conf. Krasnodar, 2020. P. 83–86.*

3. *Kurylev K.P., Stanis D.V. Ethno-confessional situation in Ukraine as a factor of internal political instability // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. No. 5-3(43). P. 114–117.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Самойлов Сергей Федорович, доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583957;

Белый Андрей Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры безопасности дорожного движения Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583770.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

S.F. Samoilov, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Chief of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583957;

A.G. Bely, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Chief of the Department of Road Safety, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583770.

Мятченко Ирина Васильевна
Кулинская Светлана Валерьевна

Правовая культура в условиях виртуализации социального пространства

Правовая культура выполняет в обществе ряд важных функций, связанных с формированием позитивного отношения людей к праву и на этой основе устойчивого правомерного поведения. Вместе с тем в условиях происходящих трансформаций социальной системы на первый план выходят информационно-компьютерные технологии, которые способствуют генезису виртуальной реальности. В новых условиях правовая культура претерпевает определенные изменения, однако их характер и направленность остаются для современной науки не проясненными в полной мере – как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне познания.

Ключевые слова: общество, трансформации, государство, право, правовая культура, информационно-компьютерные технологии, виртуализация.

Legal culture in the context of social space virtualization

The article notes that legal culture performs a number of important functions in society related to the formation of a positive attitude of people to the law and, on this basis, sustainable lawful behavior. At the same time, in the conditions of ongoing transformations of the social system, information and computer technologies that contribute to the genesis of virtual reality come to the fore. In the new conditions, the legal culture undergoes certain changes, but their nature and orientation remain not fully clarified for modern science – both at the theoretical and empirical levels of cognition.

Keywords: society, transformation, state, law, legal culture, information and computer technologies, virtualization.

Правовая культура – один из наиболее важных социокультурных элементов регуляции социальных действий и взаимодействий, обеспечения устойчивого правомерного поведения граждан. В связи с этим правовая культура привлекает внимание исследователей, которые анализируют различные аспекты данного явления. Сущность правовой культуры составляет сложный симбиоз знаний о праве, сформированных на их основе убеждений, оценок, системы личностных координат, что, в свою очередь, способствует появлению устойчивого отношения гражданина к праву и пониманию своего места в системе правоотношений. Вместе с тем правовая культура оказывается подверженной процессам социальной и культурной динамики, испытывая на себе воздействие различных факторов социальных изменений – как на макро-, так и на микроуровнях социума. Важность правовой культуры в системе регулятивных механизмов социума не вызывает сомнений, поэтому междисциплинарный научный интерес к ней вполне закономерен.

Как отмечает И.А. Демидова, «правовая культура анализируется с позиций различных методологических подходов – культурологиче-

ского, определяющего философское, антропологическое, социологическое рассмотрение правовой культуры, информационно-семиотического, исторического, этического и др., каждый из которых представляет собой как форму ориентации, так и форму регламентации исследовательской деятельности посредством задания рамок и направления исследования. Ни один отдельно взятый подход не исчерпывает методологической характеристики исследований правовой культуры» [1, с. 29].

Междисциплинарный дискурс современных исследований правовой культуры формирует несколько актуальных гносеологических проблем, в том числе касательно содержательной сути ключевого понятия. Учеными предложено множество различных вариантов трактовок понятия «правовая культура». В частности, по мнению Л.А. Петручак, в данном аспекте речь идет об «исторически сложившейся, обусловленной экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидности культуры, которая материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения» [2, с. 10].

С точки зрения А.Р. Губайдуллина, «правовую культуру целесообразно понимать как вид духовно-материальной культуры, охватывающий различные правовые ценности, прогрессивно влияющий на эволюцию всех сфер жизнедеятельности различных субъектов права» [3, с. 38].

Данные определения акцентируют внимание на правовой культуре как интегральном элементе системы культуры, неотъемлемой части духовной жизни социума. Однако в научном дискурсе представлены и иные позиции. В частности, имеет место и более узкий взгляд на правовую культуру, которая рассматривается как «определенно-качественное состояние правовой жизни общества, которое выражается в соответствующем уровне развития правовой реальности, правотворчества, правовой доступности, правоприменительной и правореализационной деятельности» [4, с. 51].

Анализ научной литературы по проблемам, связанным с правовой культурой, позволяет утверждать, что в настоящее время широко представлено несколько основных точек зрения относительно содержания понятия «правовая культура». В ряде научных работ были предприняты попытки систематизации наиболее распространенных подходов к анализу семантического наполнения понятия «правовая культура». Как отмечает М.Н. Марченко, «исследователи в одних случаях акцентируют внимание на том, что правовая культура – система ценностей и норм, укоренившихся в сознании и мотивации, обуславливающих поведение индивида. В других случаях правовую культуру представляют в виде состояния общественного сознания и социальной практики, сложившихся на основе многократного повторения определенной деятельности» [5, с. 55].

Однако рассмотренные определения понятия «правовая культура» нуждаются на сегодняшний день в определенной модернизации с учетом происходящих социокоммуникативных трансформаций. В условиях современного общества, где центральную роль играют информационно-компьютерные технологии, важное значение имеет именно коммуникативный фактор. Электронные коммуникации постепенно занимают доминирующее положение в обществе, что отражается и на сфере права. Стоит отметить, что различные правовые явления, в том числе правовая культура, существенным образом зависят от того, насколько эффективным оказывается информационный обмен, позволяющий сформировать устойчивые образы права в сознании граждан. По

мнению Н.А. Славовой, «посредством коммуникации происходит общение граждан в сфере права и обмен информацией, аккумулируются интеллектуальные способности в сфере юриспруденции, формируется мнение и позиция ценностного отношения к праву, государственным органам и государству в целом» [4, с. 52]. В последние десятилетия речь идет не столько об интенсификации коммуникационных процессов на основе электронных технологий, сколько о более глубоких трансформационных процессах, затронувших основы жизни социума. Так, одним из наиболее знаковых явлений современного общества становятся процессы виртуализации.

Сущность процесса виртуализации была исследована в работах А. Бюля, А. Крокера и др. Виртуализация – это создание параллельного социальному миру виртуального общества, в котором действуют свои законы, «виртуальная реальность, возникающая в результате процессов виртуализации, рассматривается как отчуждение от давления социальных институтов» [6, с. 93].

Виртуальность, по мнению А. Крокера, состоит из двух взаимосвязанных компонентов: это существование чего-либо в цифровой форме, а также иллюзорность и гиперреальность [7]. Авторы теории «виртуального класса» А. Крокер и др. обращают внимание на «новый тип отчуждения, порождаемый виртуализацией: отчуждение человека от тела вследствие использования компьютеров и превращение его в потоки электронной информации, подпитывающей виртуальный капитал» [8, с. 49].

Рассматривая содержательный смысл понятия «виртуальный», следует обратить внимание на мнение В.М. Гордиевских. Как полагает исследователь, понятие «виртуальный» «трактруется как существующий в воображении, в изображениях (кино, тексты, рисунки и т.п.). При нарушении самовосприятия может отождествляться с действительным, существующим в реальности. Виртуальный – не существующий в реальности» [9, с. 126].

В обществе по мере развития потенциала глобальной компьютерной сети понимание термина «виртуальный» (как существующий в воображении) постепенно заменяется более сложной конструкцией – существованием в нематериальной электронной информационно-коммуникационной системе. Здесь ключевую роль играет глобальная компьютерная сеть Интернет и интегрированные с ней информационно-компьютерные технологии. Именно эта социотехническая среда

позволяет достигать большинства показателей виртуального пространства. В частности, Интернет обладает способностью создавать весьма правдоподобные копии «вещей». При этом социальные акторы постепенно утрачивают способности к дифференциации копий и реальности. Возникающая путаница и неопределенность ухудшают усвоение правовой информации, обмен правовым опытом и т.п. В этом заключается суть острой проблемной ситуации, не имеющей однозначных решений в современном обществе.

В научной литературе отмечается, что «Интернет является принципиально новым средством поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, востребованным публичной властью, бизнесом и частными лицами. Он дополняет современную социальную реальность, вводя в нее новые институты, основанные на его возможностях и не имеющие прямых аналогов, а также изменяет ее, устанавливая новый формат действия уже существующих институтов» [10].

Исследователи обращают внимание на генезис и развитие виртуальных коммуникаций – атрибута современного информационного общества. В частности, «виртуальные коммуникации – это операции трансляции образов, символов. Таким образом, социальные институты не перестают быть социальной реальностью, они обретают черты новой формы – виртуальной. Институциональный строй общества симулируется, а не ликвидируется, так как он, сохраняя атрибутику реальности, служит своего рода виртуальной операционной средой, в которой удобно создавать и транслировать образы и которая открыта для входа/выхода» [6, с. 95].

Виртуализация социального пространства современного социума становится одним из атрибутов происходящих цифровых трансформаций. Подобного рода тенденции начинают доминировать в социальной системе, и их следует принимать во внимание при анализе различных ее явлений, в том числе правовой культуры. Следует отметить, что правовая культура подвержена различного рода социальным инерциям, связанным с длительным периодом ее существования. Именно в этом содержится суть проблемной ситуации, так как генезис виртуальной реальности существенным образом меняет условия функционирования правовой культуры. Более того, проникая в пространство виртуальности, обретая те или иные атрибуты виртуальной системы, правовая культура претерпевает существенные изменения. Подобного рода регулятивные элементы социокультур-

ной жизни социума на протяжении длительного периода времени выстраивают свои механизмы воздействия на сознание и поведение людей. Кроме того, в полноценном функционировании правовой культуры важное значение имеет познание правовых явлений, процессов, феноменов. На протяжении десятилетий этот эффект достигался посредством социализации и воспитания, интегрированных в систему традиционного образования. Однако в последние годы на первый план выходит стихийная социализация, осуществляемая в пространстве глобальной сети Интернет на основе информационно-компьютерных технологий. Изменения, происходящие в процессе усвоения правовой информации и первоначального «знакомства» человека с правом и правовой реальностью, отражаются на функционировании правовой культуры.

Помимо прочего, одной из существенных проблем последних десятилетий применительно к правовой культуре становится существование множества ее «копий», порожденных виртуальной реальностью. Такие копии становятся интегральными элементами массовой культуры и иных социокультурных атрибутов современного общества, проникают в обыденный дискурс. В этих условиях регулятивные механизмы правовой культуры, основанные на добровольном и осознанном инициативном действии людей, подвергаются существенным рискам дезорганизации. В виртуальном пространстве кардинальным образом меняются механизмы социального контроля и в целом государственного управления, в том числе посредством применения права как регулятивного инструмента. Многие процессы принимают характер релятивизма, прежде всего на обыденном уровне социума. Постепенно утрачивается ценность достоверного, объективного, верифицированного знания, что создает существенные проблемы именно для правовой культуры, которая в своем функционировании опирается на устойчивый фундамент знаний, информации, социальной коммуникации, в первую очередь между государством и гражданами. В связи с этим неустойчивая виртуальная реальность с ее относительностью существования и информационной неопределенностью как существенным признаком лишает правовую культуру социокультурной базы. Вместе с тем правовая культура представляет собой именно элемент духовно-нравственного регулирования социума, опирающийся на институциональные механизмы системы культуры. Однако электронная реальность и сформированное на ее базе

виртуальное пространство лишают правовую культуру непосредственного контакта с населением, замещая его сложным опосредованным электронным взаимодействием. Такого рода коммуникация не позволяет использовать в полной мере культурные механизмы влияния на социализацию и воспитание подрастающих поколений, при этом данные механизмы формируются на протяжении десятилетий, а их быстрая модернизация является маловероятной. Это создает риски деформации правовой культуры значительной части граждан, соответственно, формируются и риски криминализации социального пространства и роста неправомерных социальных действий.

Подводя итоги, следует заметить, что правовая культура представляет собой один из наиболее эффективных инструментов социальной регуляции. Важность правовой культуры связана с ее тесной интеграцией в систему культуры общества, вследствие чего возникает широкий круг возможностей по использованию аксиологической, мировоззренческой, соционормативной культурных подсистем. В процессе трансляции правовой информации для эффективного функционирования правовой культуры важное значение имеет коммуникативный фактор. Современное информационное общество существенно трансформирует коммуникационную систему общества, на первый план выходят информационно-компьютерные технологии, интегрированные в глобальную сеть Интернет. С одной стороны, это существенно расширяет возможности обмена информацией, повышения образовательного уровня и расширения кругозора, с другой стороны, перегружает сознание

людей и усиливает общую информационную неопределенность.

Кроме того, одним из последствий интенсификации воздействия информационно-компьютерных технологий на сознание человека становится виртуализация, которая во многом стирает грань между реальностью и ее электронными копиями. Более того, виртуальная реальность обладает потенциалом интеграции людей, физических объектов, явлений, процессов в свое пространство. Виртуальное копирование реальных, «физических» социальных объектов становится проблемой современного информационного общества. Именно поэтому виртуализация воздействует и на правовую сферу. Вполне закономерно, что в условиях современного информационного общества правовая культура испытывает на себе влияние процессов виртуализации. Это создает новые, ранее неизвестные науке и практике условия, которые формируют потребность в развертывании сети теоретических и эмпирических исследований. Однако в настоящее время в российском обществе подобных научных изысканий недостаточно для решения проблемы. В особенно сложном положении оказывается практика государственного управления, сталкивающаяся с неоднозначными оценками как самой правовой культуры, так и изменений, происходящих в аспекте процессов виртуализации. Слабое использование возможностей воздействия устойчивой правовой культуры на сознание и поведение людей перегружает принудительные инструменты государства, вынуждает его работать на пределе своих возможностей, что также несет в себе серьезные риски дезорганизации.

1. Демидова И.А. Определение правовой культуры в теории права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 28–33.

2. Петручак Л.А. Правовая культура современного российского общества: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

3. Губайдуллин А.Р. Правовая культура и ее роль в изучении правовой системы общества // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 35–44.

4. Славова Н.А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 3. С. 48–55.

5. Марченко М.Н. Правовая культура как социологическая категория // Вестник Москов-

1. Demidova I.A. Definition of legal culture in the theory of law // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2. P. 28–33.

2. Petrushak L.A. Legal culture of modern Russian society: theoretical and legal research: diss. ... Dr of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2012.

3. Gubaidullin A.R. Legal culture and its role in the study of the legal system of society // Courier of Kutafin Moscow State Law University. 2018. No. 5. P. 35–44.

4. Slavova N.A. Legal culture: concept and functions // Vestnik of Volzhsky University. 2020. No. 3. P. 48–55.

5. Marchenko M.N. Legal culture as a sociological category // Bulletin of Moscow University. Ser. 11: Law. 2013. No. 2. P. 45–61.

ского университета. Сер. 11: Право. 2013. № 2. С. 45–61.

6. Игнатъев В.И., Степанова А.Н. Виртуальное социальное действие и трансформация повседневных практик // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2010. № 3. С. 91–104.

7. Kroker A. Weinstein M. *Data Trash: The Theory of Virtual Class*. Montreal, New World 10 Perspectives, 2001.

8. Грибов И.А. Информационное общество: от виртуальной реальности к реальной виртуальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9(23): в 2 ч. Ч. II. С. 47–51.

9. Гордиевских В.М. Сущность, структура и классификация современных технологий виртуализации // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 1. С. 124–132.

10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-pravo-osnovnye-problemy-novogo-napravleniya-yuridicheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 12.04.2023).

6. Ignatiev V.I., Stepanova A.N. *Virtual social action and transformation of everyday practices* // *Moscow University Bulletin. Ser. 18: Sociology and political science*. 2010. No. 3. P. 91–104.

7. Kroker A. Weinstein M. *Data Trash: The Theory of Virtual Class*. Montreal, New World 10 Perspectives, 2001.

8. Gribov I.A. *Information society: from virtual reality to real virtuality* // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2012. No. 9(23): in 2 pts. Pt. II. P. 47–51.

9. Gordievsky V.M. *Essence, structure and classification of modern virtualization technologies* // *Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University*. 2015. No. 1. P. 124–132.

10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-pravo-osnovnye-problemy-novogo-napravleniya-yuridicheskikh-issledovaniy> (date of access: 12.04.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мятченко Ирина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612584241;

Кулинская Светлана Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, **доцент** кафедры русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612584241.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

I.V. Myatchenko, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612584241;

S.V. Kulinskaya, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, **Assistant Professor** of the Department of Russian and Foreign Languages, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612584241.

Нехай Асиет Юрьевна
Голубихина Наталья Валерьяновна

Правовой менталитет в системе социокультурных координат личности

Правовой менталитет как элемент социокультурной регуляции выполняет ряд ключевых функций как в системе культуры, так и в обществе в целом. Современное российское общество подвержено процессам социокультурной дифференциации, в результате чего наблюдается «атомизация» культурной и социальной жизни. В этих условиях эффективность воздействия правового менталитета на сознание и поведение людей снижается. Однако масштаб проблемы применительно к современному российскому обществу не может быть в полной мере исследован, так как в научной литературе практически не представлены результаты эмпирических изысканий, в результате чего возникает дефицит первичной информации.

Ключевые слова: государство, право, правовой менталитет, система культуры, социокультурные координаты личности, социокультурная дифференциация.

Legal mentality in the system of socio-cultural coordinates of the individual

The article notes that the legal mentality as an element of socio-cultural regulation performs a number of key functions, both in the cultural system and in society as a whole. One of the main difficulties is that modern Russian society is subject to the processes of socio-cultural differentiation, as a result of which there is an "atomization" of cultural and social life. In these conditions, the effectiveness of the impact of the legal mentality on the consciousness and behavior of people decreases. However, the scale of the problem in relation to modern Russian society cannot be fully reflected, since the results of its empirical research are practically not presented in the scientific literature, as a result of which there is a shortage of primary information.

Keywords: state, law, legal mentality, cultural system, socio-cultural coordinates of personality, socio-cultural differentiation.

В социальной системе присутствует ряд механизмов, направленных на поддержание порядка и стабильности посредством пресечения девиантного и делинквентного поведения. Здесь центральную роль играет социальный институт государства, регулятивная сила которого существенно выше других институциональных структур. Одним из основных инструментов государства выступает принуждение к следованию нормам права. Однако функциональный репертуар государства существенно шире. В частности, важное значение имеет ряд регулятивных элементов, непосредственно связанных с системой культуры. Одним из них является правовой менталитет.

В научной литературе представлено множество вариантов толкования понятия «правовой менталитет». В частности, с точки зрения В.А. Рыбакова, правовой менталитет представляет собой «исторически сложившиеся специфические системы мировоззренческих представлений как устойчивые правовые архетипы, исторически выработанные определенной этнокультурной (национальной) общностью, заложенные в глубинном уровне правосознания» [1, с. 62].

Сходной точки зрения придерживается и Р.С. Байниязов, который предлагает понимать под правовым менталитетом «глубинный уровень правосознания, выраженный в структурированной единой и целостной общности правовых представлений, стереотипов, привычек, реакций и др., в характере и способе юридического восприятия» [2, с. 49].

Данный вектор в оценке правового менталитета апеллирует к рационально-логическим основаниям социокультурной действительности. В этом аспекте речь идет о ценностях, мировоззрении, идеологиях и т.п. глубинных упорядоченных конструктах системы культуры. Подобное понимание правового менталитета близко классической теории общественного познания.

В то же время некоторые исследователи придерживаются несколько иной точки зрения, согласно которой правовой менталитет в большей мере связан с социально-психологическими, эмоционально-чувственными факторами (в противовес рационально-логическим). В данном аспекте речь идет о «коллективном бессознательном как определенной совокупно-

сти черт характера, мировоззренческих установок, принципов, привычек, проявляющихся в характере человека (например, чувство справедливости, терпение, рационализм). Это находит свое проявление в нормах поведения, в способах и формах деятельности, в системе стереотипов и традиций, укоренившихся наиболее глубоко» [3, с. 221].

О.В. Сазанов рассматривает правовой менталитет как «совокупность стереотипов и символов, складывающихся в процессе правовых отношений в рамках определенной исторической эпохи и обладающих национально-культурной спецификой» [4, с. 9].

Социально-психологический акцент в объяснении природы и содержательной сути правового менталитета предполагает позиционирование доминирующей роли социальных чувств, настроений, эмоций и т.п. при осуществлении мыслительных процессов восприятия права. Это весьма сложная и противоречивая конструкция правового менталитета, которая вместе с тем достаточно распространена в современном научном дискурсе. Основная концептуальная позиция ученых данного направления связана с мнением о том, что современное общество способно продуцировать эмоционально-чувственные, нередко иррациональные модели окружающей действительности (в том числе и права), доминирующие над рационально-логическими.

По мнению исследователей, правовой менталитет выступает элементом более широкого конструкта – правового сознания. Правовой менталитет «выполняет функцию упорядочения, стабилизации, консервации, в некоторой степени "замораживания" элементов последнего. Нельзя право рассматривать как изолированный и оторванный от ментального духа феномен. Без него право вырождается в противоположное себе явление – квазиправо» [5, с. 47].

Правовой менталитет непосредственно связан с духовной культурой определенного общества. В каждом локальном обществе наблюдаются как процессы влияния менталитета на право, так и обратные процессы – воздействия права на менталитет и, шире, элементы духовной культуры. По мнению В.А. Рыбакова, «в правовом менталитете общества коренятся исходные культурно-исторические основы национальной правовой культуры. Поэтому правовой менталитет следует называть национальным правовым менталитетом. Данная черта вызвана тем, что формирование ментальности народа – длительный процесс, охватывающий

жизнь не одного поколения, изменения его основополагающих установок чаще всего совершаются гораздо медленнее, чем в области экономической или социально-политической жизни общества» [1, с. 63].

Вполне закономерно, что российский правовой менталитет испытал на себе влияние комплекса факторов, непосредственно связанных с социально-историческими аспектами существования российского общества. Кроме того, очевидна связь правового менталитета с более широким явлением – менталитетом российского социума. Д.В. Меньяло отмечает, что «российский правовой менталитет, правовые представления, правовые стереотипы, ценностно-правовые ориентации, правовые attitudes и установки россиян складываются под влиянием ряда факторов, среди которых географическое расположение, протяженность и заселенность территории, многонациональность, природно-климатические факторы, религия, войны, образование, а также менталитет этносов и эпохальный менталитет» [6, с. 11]. Таким образом, исторические судьбы конкретного общества преломляются не только в менталитете как одном из центральных элементов духовной культуры общества, но и в правовом менталитете. Соответственно, процессы, происходящие в системе культуры российского общества в купе с комплексом факторов, предопределивших облик российского менталитета на протяжении прошедших веков, оказывают непосредственное влияние и на правовой менталитет в его нынешнем содержательном виде.

Следует отметить, что функционирование правового менталитета как элемента системы культуры российского общества на современном этапе сталкивается с рядом сложностей, одна из основных – глубокая социокультурная дифференциация. Данное явление оказалось в центре внимания ряда исследователей. По мнению Г. Зиммеля, дифференциация культуры является одной из ее атрибутивных характеристик. Ученый констатировал «прогрессирующую стилевую дифференциацию культуры, благодаря которой каждый индивидуальный стиль, а значит, и стиль вообще как таковой, обретает черты объективности, становится независимым от конкретных людей с их привычками, особенностями, убеждениями» [7, с. 118].

В свою очередь, К. Клакхон отмечал, что «любая часть культуры должна быть функциональной, иначе она со временем исчезнет. То есть она должна тем или иным образом способствовать выживанию социума или приспособ-

соблению индивида. Однако многие функции в культуре являются не явными, но скрытыми» [8, с. 50]. Дифференциация культуры непосредственно связана с институциональным характером удовлетворения потребностей людей в сфере духовной жизни прежде всего. При этом сложный характер социальной системы с неизбежностью продуцирует появление разнообразных сегментов общественной и культурной жизни, которые существенно отличаются друг от друга.

В условиях становления информационного общества появился ряд эвристически перспективных концепций социокультурной дифференциации. В частности, А. Моль полагал, что в условиях информационных трансформаций социума катализатором процесса разделения культуры выступают стремительно развивающиеся средства массовой коммуникации. В результате социокультурная реальность оказывается наполненной множеством «культурных сообщений» как актов коммуникации. В постиндустриальном обществе имеет место не просто трансформация коммуникационного пространства под воздействием прогресса технологий приема и распространения сообщений – возникает особая «мозаичная культура» [9].

Процессы социокультурной дифференциации в современном обществе приняли весьма интенсивный характер. Основная причина сложившейся ситуации состоит в том, что появление информационно-компьютерных технологий и Интернета способствовало интенсификации процесса презентации различных культурных стилей, субкультур, контркультур и т.п. Получив доступ к широкой аудитории посредством информационно-компьютерных технологий, они одновременно стали обладателями «площадок» для трансляции своего социокультурного содержания. Именно поэтому современная система культуры выглядит мозаичной и серьезным образом дифференцированной. При этом в каждой стране подобные процессы приобретают свою неповторимую специфику и зависят от множества факторов.

Э. Тоффлер, характеризуя современное постиндустриальное общество, констатировал «продвижение человеческого общества к следующей, более высокой степени его дифференциации. Мы живем во время субкультурного взрыва. Особенно заметен рост числа субкультур в мире труда, где они возникают вокруг профессий, а также по возрастным, семейно-половым, развлекательным и иным интересам. По мере того, как общество сегментируется, оно порождает все большее разнообразие субкультур» [10].

Вместе с тем такое разнообразие культурных сегментов серьезным образом осложняет действие регулятивных механизмов системы культуры. Это, в частности, касается и правового менталитета как интегрального элемента социокультурной реальности. Современная культура является не только «мозаичной» вследствие действия процессов дифференциации. Она лишена единого доктринального ядра, придающего ей концептуальную целостность. В настоящее время она, напротив, дифференцирована на множество элементов, которые зачастую противоречат друг другу, являются конфликтными и т.п. Ситуация осложняется слабо поддающимися социальному контролю процессами интернет-коммуникации, массовой медиакоммуникации. Множество культурных форм и стилей с неизбежностью продуцируют широкую палитру взглядов на право, тогда как для познающего субъекта (например, в процессе социализации) существенное значение имеет непротиворечивость информационной картины относительно права. Кроме того, многие культурные акторы могут преследовать собственные интересы и реализовывать свои специфические потребности, вследствие чего также происходит размывание образа права. В этом аспекте влияние процессов социокультурной дифференциации на правовой менталитет может рассматриваться как потенциально рискогенное.

Именно поэтому в современном информационном обществе формируются отрывочные, зачастую недостоверные, противоречивые знания о праве. В этих условиях правовой менталитет как элемент системы культуры испытывает на себе негативные последствия процесса социокультурной дифференциации. Следствием сложившейся ситуации относительно генезиса и развития правового менталитета, прежде всего у подрастающих поколений, является частичная утрата культурно обусловленных механизмов, позволяющих добиваться добровольного инициативного следования нормам права.

В современных условиях в контексте описанной проблемной ситуации вполне ожидаемым было бы усиление внимания к ней со стороны представителей различных наук об обществе в междисциплинарной области научного познания. Однако подобного плана работ в настоящее время немного, при этом большинство носит выраженный теоретический характер, тогда как государство и общество испытывают потребность именно в практических, прикладных решениях, входящих в компетенцию науки.

Кроме того, ситуация, связанная с развитием процессов социокультурной дифференциации в российском обществе, постоянно меняется, вследствие чего происходит «устаревание» многих теоретических разработок, лишенных обновлений на основе получаемой первичной информации.

Правовой менталитет играет важную роль в системе социокультурных координат личности. Его формирование происходит в молодежном возрасте, и от степени успешности данного процесса зависит как жизненный путь отдельной личности, так и социальный порядок в государстве, стабильность общества. В современных условиях цифровой трансформации, вызванных генезисом информационного общества, наблюдаются рискогенные процессы, связанные с размыванием культурного ядра, что неизбежно отражается и на правовом менталитете. Едва ли не самыми опасными тенденциями являются девальвация морально-нравственных ориентиров общества, смешение понятий добра и зла, справедливости и несправедливости на фоне криминализации сознания и социальных практик. Ряд субкультур и контркультур в российском обществе носит выраженный криминальный характер, и в данном аспекте процесс социокультурной дифференциации применительно к правовому менталитету отличается не только рискогенностью, но и дисфункциональностью.

Подводя итоги, следует отметить, что правовой менталитет занимает важное место в системе социокультурных координат личности. Подобная система закладывается в результате ряда процессов, направленных

на становление и развитие человека (социализация, воспитание и т.д.). Именно поэтому при формировании менталитета в целом и правового в частности важна более-менее цельная картина окружающего мира, даже с учетом фрагментированности обыденного сознания. Однако процесс социокультурной дифференциации носит объективный характер и в целом соответствует тенденциям развития социума на современном этапе, именно поэтому необходимо принимать проблемную ситуацию как естественную и вполне предсказуемую. Более того, действия со стороны института государства, направленные на снятие рисков фрагментации доктринального ядра культуры вследствие процесса социокультурной дифференциации, не должны носить принудительно-силовой характер. Кроме того, последствия государственной регуляции системы культуры не являются в полной мере исследованными в настоящий момент.

Неопределенность в отношении правового менталитета как элемента системы социокультурных координат личности в настоящее время усиливается вследствие того, что в научном дискурсе присутствуют противоположные точки зрения, выделяющие рационально-логический либо эмоционально-чувственный элементы в качестве преобладающих в правовом менталитете. В таких условиях принятие управленческих решений (например, в отношении социализации и воспитания молодежи) сталкивается с гносеологическим вакуумом, преодоление которого возможно лишь посредством системной организации как теоретических, так и эмпирических исследований.

1. Рыбаков В.А. Правовой менталитет: к вопросу о понятии // *Право и государство: теория и практика*. 2017. № 6. С. 61–63.

2. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006.

3. Меняйло Д.В., Меняйло Л.Н., Иванова Ю.А. Понятие «правовой менталитет» в работах отечественных ученых // *Вестник Московского университета МВД России*. 2018. № 2. С. 219–222.

4. Сазанов О.В. Правовая культура России: проблема модернизации: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2006.

5. Ибраев Д.Ж. Правовой менталитет как системообразующий элемент и основа типологии правовых культур // *Вестник Казахско-Американского свободного университета*. 2011. № 4. С. 44–51.

1. Rybakov V.A. Legal mentality: to the question of the concept // *Law and state: theory and practice*. 2017. No. 6. P. 61–63.

2. Bainiyazov R.S. Legal consciousness and legal mentality in Russia: diss. ... Dr of Sciences in Jurisprudence. Saratov, 2006.

3. Menyailo D.V., Menyailo L.N., Ivanova Yu.A. The concept of "legal mentality" in the works of domestic scientists // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 2. P. 219–222.

4. Sazanov O.V. Legal culture of Russia: the problem of modernization: diss. ... Candidate of Sciences in Philosophy. Rostov-on-Don, 2006.

5. Ibraev D.Zh. Legal mentality as a backbone element and the basis of the typology of legal cultures // *Bulletin of the Kazakh-American Free University*. 2011. No. 4. P. 44–51.

6. Меняйло Д.В. Правовой менталитет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.

7. Зиммель Г. Соч. М., 2000.

8. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию / пер. с англ. под ред. А.А. Панченко. СПб., 1998.

9. Моль А. Социодинамика культуры: пер. с фр. / предисл. Б.В. Бирюкова. 3-е изд. М., 2008.

10. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М., 2008.

6. Menyailo D.V. Legal mentality: auth. abstr. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Volgograd, 2003.

7. Simmel G. Works. Moscow, 2000.

8. Klakhohn K. A mirror for a person. Introduction to anthropology / transl. from English ed. by A.A. Panchenko. St. Petersburg, 1998.

9. Mol A. Sociodynamics of culture: transl. from French / forew. by B.V. Biryukov. 3rd ed. Moscow, 2008.

10. Toffler E. Future shock: transl. from English. Moscow, 2008.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Нехай Асиет Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России; e-mail: asiet.12061984@mail.ru;

Голубихина Наталья Валерьяновна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612581426.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A.Yu. Nehay, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: asiet.12061984@mail.ru;

N.V. Golubikhina, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Deputy Chief of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612581426.

Генезис и специфика системы источников права Новой Зеландии

Рассматривается процесс колонизации новозеландских островов с последующим введением на этих территориях британского статутного права при частичном признании местного традиционного права племен маори. Описывается становление консолидированной конституции Новой Зеландии, раскрываются составляющие ее части: конституционные хартии и статуты, конституционные конвенции, судебные прецеденты. Анализируются специфические источники новозеландского права, в частности Договор Вайтанги 1840 г., представляющий собой государственное соглашение с маори, решения специального Суда по земельным делам, и система традиционных ценностей и обычаев маори.

Ключевые слова: Британская империя, племена маори, обычай, договор Вайтанги, прецедент, статут, конституция, подзаконный акт, общее право, колониальное законодательство, право собственности на землю, кодификация.

Genesis and specificity of the system of sources of law in New Zealand

The article describes the process of colonization of the New Zealand islands with the subsequent introduction of British statutory law in these territories and with partial recognition of the local traditional law of the Maori tribes. The formation of the consolidated constitution of New Zealand, its constituent parts: constitutional charters and statutes, constitutional conventions, and judicial precedents are considered. Such specific sources of New Zealand law as the Treaty of Waitangi of 1840, which is a state agreement with Maori, decisions of a special Land Court, and the system of traditional Maori values and customs are analyzed.

Keywords: British Empire, Maori tribes, custom, Treaty of Waitangi, precedent, statute, constitution, by-law, common law, colonial legislation, land ownership, codification.

Новая Зеландия, самый известный и крупный архипелаг в тихоокеанской Полинезии, именуемый его коренными жителями маори как «Аотеароа» («Земля длинного белого облака»), состоит из двух больших островов – Южного и Северного, разделенных проливом Кука [1, р. 5]. Заселение этих территорий полинезийцами началось около 1300 г. н.э. В 1642 г. голландский мореплаватель Абель Тасман стал первым европейцем, предпринявшим попытку наладить контакт с новозеландскими жителями – воинственно настроенными маори [2, р. 1–137]. Лишь спустя столетие британский исследователь Джеймс Кук провел здесь первые этнографические исследования, оценив маори как умеренно цивилизованную расу и провозгласив острова владениями британской короны [3, р. 1–5].

В британских статутах первое упоминание о Новой Зеландии встречается в Законе об убийствах за границей 1817 г., в котором пояснялось, что эта территория не является британской колонией и «не входит в доминионы Его Величества» [4, р. 15]. В 1835 г. несколько

северных вождей маори и пакеха (иностранцы) при участии в качестве посредника британского резидента Дж. Басби подписали своего рода Декларацию независимости (maori: He Whakaputanga), закрепившую суверенитет лидеров маори и провозгласившую независимость этой части острова в качестве протогосударства «Объединенные племена Новой Зеландии» [5]. Спустя пять лет первый английский губернатор Уильям Хобсон пригласил вождей маори на встречу в Вайтанги, где зачитал им проект договора об уступке суверенитета британской короне в обмен на «полное, исключительное и неограниченное владение своими землями и поместьями, лесами, рыбным хозяйством и другой собственностью» (Договор Вайтанги от 6 февраля 1840 г.) [6, р. 259–260].

В 1852 г. английский парламент принял Конституционную хартию Новой Зеландии, предоставившую поселенцам право на самоуправление и разделившую ее на шесть провинций. Тогда же была учреждена двухпалатная Генеральная ассамблея в качестве местного парламента, но в первые годы ее работы (1854–1868)

интересы маори не были надлежаще защищены. Хартия 1852 г. также разрешила создавать «районы маори», где законы и обычаи племен должны были сохранять свое действие, хотя этот раздел акта так никогда прямо и не применялся Коронай [7, р. 10-15].

Закон о землях коренных народов 1865 г. вступил в противоречие с общинной системой прав опеки, занятия и использования земли. В традиционной культуре маори коллективная собственность иви (племен) и хапу (подплемен) была нормой; они глубоко уважали свою землю, имели с ней духовную связь как *tangata whenua* («народ своей земли») и несли за нее ответственность. Маори ранее никогда не рассматривали земли как товар, который можно покупать или продавать отдельным лицам. В 70–80-е гг. XIX в. развернулось движение кингитанга (*māori: Kīngitanga*) за создание своего межплеменного королевства и провозглашение во главе племенного короля, статус которого был бы аналогичен статусу монарха британских колонистов. Считалось, что тогда маори смогут иметь дело с пакеха на равных и установят в общинах свою систему правопорядка, к которой правительство Окленда будет проявлять должное внимание [8].

В 1890 г. племенное квазигосударство кингитанга было объявлено выборной монархией. В 1947 г. парламент Новой Зеландии ратифицировал Вестминстерский статут 1931 г., который официально признал полную внешнюю автономию, предложенную британским парламентом, хотя и при сохранении его права издавать законы для Новой Зеландии с согласия местного парламента. Этого права английские законодатели окончательно лишись после принятия Конституционного акта Новой Зеландии 1986 г.

Сегодня Новая Зеландия является унитарным государством, состоящим из 10 провинций и 109 графств и основанным на принципах конституционной монархии [9, р. 37–38]. В основу государственного управления положена Вестминстерская модель парламентаризма. Два больших острова совместно с зависимой территорией Токелау, антарктической территорией Росса и свободно ассоциированными государствами Ниуэ и Острова Кука составляют Королевство Новой Зеландии. В Конституционном акте 1986 г. указано, что «ни один акт Парламента Соединенного Королевства, принятый после вступления в силу настоящего Акта, не распространяется на Новую Зеландию как часть ее права» (ч. 2 ст. 15). Закон о применении имперских законов (*Imperial Laws Application Act*) 1988 г. подтвердил применение

в правовой системе Новой Зеландии английского общего права (включая принципы и нормы справедливости), ряда актов парламента Соединенного Королевства и постановлений Судебного комитета Тайного совета, перечисленных в приложениях к Закону¹.

Но в Новой Зеландии нет кодифицированной конституции, а действует совокупность основополагающих конституционных законов, первый из которых был принят в 1846 г., а последний в 1986 г. Кроме того, в неписаную Конституцию введен ряд судебных решений и норм обычного права (конституционных конвенций), иных законодательных актов, которые формулируют основные принципы государственного устройства страны.

Так, в ключевые статутные части конституции Новой Зеландии входят следующие документы: Конституционный акт 1986 г., Закон о выборах 1993 г., Закон о правах человека 1993 г., Закон о Билле о правах Новой Зеландии 1990 г., Закон о Договоре Вайтанги 1975 г., Регламент Палаты представителей и др. Важную часть Конституции составляют неписанные конституционные соглашения, или конвенции (*constitutional convention*, или *political custom*). Как писал британский правовед А.В. Дэйси, впервые использовавший данный термин в 1883 г., это «некие условности, договоренности, привычки или практики, которые могут регулировать поведение нескольких членов суверенной власти, министерства или других должностных лиц» [10, р. 23].

Так, согласно одной из конституционных конвенций (*confidence-and-supply agreement*) премьер-министр Новой Зеландии не вправе просить о проведении досрочных выборов парламента, если не в состоянии больше поддерживать «доверительность и финансирование» в нижней палате парламента. Другой конституционный обычай сложился в середине XX в., когда появилось условие, что парламентские выборы должны проводиться в последнюю субботу ноября или в ближайшую дату к этому периоду.

К разновидности конвенций относится и такой документ, как *Cabinet Office Manual* 1979 г. (первое издание), который считается «авторитетным руководством по принятию решений

¹ Это часть Вестминстерского статута 1275 г. под названием "Peace of the Church and the Realm Act"; Великая хартия вольностей 1215 г. (преамбула и ст. 29); статуты, связанные с надлежащей правовой процедурой, включая Пятый статут 1351 г. и «О свободе подданных» 1354 г., Петиция о праве 1628 г., Хабеас корпус акт 1679 и 1816 гг., Акт об устройении 1701 г., Билль о правах 1688 г., Закон о завещаниях 1837 г. и др.

для министров и их сотрудников», а также дает «всеобъемлющие, последовательные и четкие рекомендации по ряду ключевых аспектов действий исполнительной власти» Новой Зеландии [11]. «Руководство кабинета министров» является составной частью конституции и служит для консолидации многих неписаных конвенций, на основе которых действует правительство Новой Зеландии.

Особой формой статутного права выступает такой вид источника, как патентные письма (Letters Patent), которые являются юридическим документом (в частности, королевским указом), выпущенным в соответствии с королевской прерогативой и предоставляющим человеку должность, право, титул или статус.

В числе источников конституционного права выделяется Договор Вайтанги (māori: Te Tiriti o Waitangi) 1840 г., который является соглашением между вождями маори и представителями британской короны [12, р. 132]. Двухязычный текст договора включает преамбулу и три статьи. Первая статья на языке маори предоставляла британской короне права лишь на «управление» территориями (kawanatanga), в то время как англоязычный текст этой статьи говорил об уступке Короне «всех прав и полномочий суверенитета». Во второй статье предусматривалось, что маори сохраняют за собой полное «вождество» – tino rangatiratanga («полная власть, суверенитет») в своих землях, деревнях и над всеми их богатствами (taonga – «сокровища»), в то время как в английском тексте устанавливалось постоянное право маори на свои земли и исключительное преимущественное право Короны на их покупку. Наконец, третья статья предоставляла маори полные права и защиту как британским подданным. Но при этом некоторые слова в английском тексте не были переведены непосредственно на письменный язык маори того времени [13].

Судебное правотворчество в Новой Зеландии является основой развития системы общего права. При толковании норм common law суды используют опровержимую презумпцию в поддержку единообразия с британским общим правом, как оно толкуется в Соединенном Королевстве и смежных юрисдикциях Содружества Наций. Местные судьи черпают вдохновение из системы общего права, единой для всех государств, в которых оно применяется. Так, за решениями, вынесенными высшими судебными инстанциями Великобритании, Австралии, Канады и др., признается сила убеждающего прецедента в юрисдикции Новой Зеландии. В свою очередь, решения вышестоящих судов

страны признаются имеющими силу обязательного прецедента для них самих и для всех нижестоящих судов [14, с. 124–125].

В некоторых случаях наблюдается несоблюдение этого общего правила, когда новозеландские суды считают, что отступление от британского общего права оправдано местными условиями, или же когда соответствующая норма уже кодифицирована в новозеландском статуте (дело *Susan Couch v. Attorney-General* [2010] NZSC 27). Соответствующие решения Верховного суда Новой Зеландии, который продолжает развивать опровержимую презумпцию общности с английским судебным правом, можно найти на официальном сайте².

В системе источников статутного права Новой Зеландии выделяется пять типов законов: публичные и частные, местные и провинциальные, а также имперские акты. Публичный закон затрагивает общественность в целом, инициируется правительством или членом парламента и регулирует вопросы государственной политики. Частный закон касается конкретных интересов или выгод идентифицированного лица или органа (например, Закон о завещаниях 1935 г. или Закон Сиденхэма о денежном клубе 2001 г.). Местный закон разрешает вопросы, затрагивающие общественные интересы, но действует только на определенной части Новой Зеландии (например, Закон о помощи гидроэнергетическим сооружениям 1910 г. или Закон о трастовых землях Мастертона 2003 г.). Провинциальный закон восходит к тому времени, когда Новая Зеландия была колонией, разделенной на провинции, и каждая из них имела юрисдикцию принимать законы, применимые только в пределах этой провинции. Наконец, имперские акты были изданы в свое время парламентами Англии, Великобритании и Соединенного Королевства и стали частью правовой системы Новой Зеландии (в соответствии с Законом о применении имперских законов 1988 г.).

Подзаконные акты, или так называемое вторичное законодательство (secondary legislation), принимаются любым органом власти в соответствии с полномочиями, которые парламент официально делегировал в конкретном своем акте, либо в соответствии с королевской прерогативой [15]. Подзаконные акты могут иметь следующие наименования: «регламент», «правила» или «приказ в Совете». В частности, «приказ в Совете» принима-

² См.: Веб-сайт всех судов Новой Зеландии с базой поиска судебных решений по инстанциям. URL: <https://www.courtsofnz.govt.nz/the-courts/supreme-court/judgments-supreme>

ется Исполнительным советом под председательством Генерал-губернатора.

Специфическим источником права Новой Зеландии является *tikanga māori*. Это система местных обычаев, традиционных ценностей и правил поведения в племенах маори. Долгое время тиканга не признавалась властями и парламентом, так как существовало предубеждение, что европейские ценности и традиции превосходят племенные нормы. «Судебная власть просто отрицала существование тиканги, а законодательство подавляло различные аспекты тиканги, что в итоге видоизменяло социальные структуры маори, в которых применялась тиканга, и привело к социально-экономической,

духовной и политической деградации общества маори» [16].

В 2010 г. Форум вождей племен иви со всей Новой Зеландии учредил независимую рабочую группу *Matike Mai Aotearoa* для начала диалога правительства с маори о подготовке новой конституции страны с учетом принципов тиканги и положений Декларации независимости 1835 г., Договора Вайтанги 1840 г., Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г.

Маори надеются, что к 2040 г. в Новой Зеландии будет принята новая писаная конституция в ознаменование двухсотлетия Договора Вайтанги.

1. Reeves W.P. *The Long White Cloud: Aotearoa*. London: Horace Marshall & Son, 1898.

2. Tasman A.J. *Journael ofte Beschrijvinge door mij, Abel Janszn Tasman van een voyagie, gedaen vande stadt Batavia in oost Indien, aengaende de ontdeckinge van 't ongekende Zuytlandt, inde Jare Anno 1642 // De reisen van Abel Janszoon Tasman en Franchoys Jacobszoon Visscherternadere ontdekking van het Zuidland*. Gravenhage, 1919. P. 1–137.

3. Cook J. *Remarkable Occurrences on Board his Majesty's Bark Endeavour // The Journals of Captain James Cook on his Voyages of Discovery; The Voyage of the Endeavour 1768–1771 / Ed. by J.C. Beaglehole*. Cambridge, 1955. Vol. I. P. 1–479.

4. Wilson J.O. *New Zealand Parliamentary Record, 1840–1984*. 4th ed. Wellington, 1985.

5. Mutu M. *Custom Law and the Advent of New Pākehā Settlers // Huia histories of Māori: ngā tāhuhu kōrero / Ed. by D. Keenan*. Wellington, N.Z., 2012.

6. Orange C. *The Treaty of Waitangi*. Wellington: Allen & Unwin / Port Nicholson, 1987.

7. McDowell M., Webb D. *The New Zealand legal system: structures, process and legal theory*. Wellington, 1998.

8. Dalton B.J. *War and Politics in New Zealand 1855–1870*. Sydney: Sydney University Press, 1967.

9. Eichbaum Ch., Shaw R. *Public Policy in New Zealand – Institutions, processes and outcomes*. Pearson Education, New Zealand, 2005.

10. Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. London: Palgrave Macmillan, 1979.

11. *Cabinet Manual 2023*. Wellington, New Zealand: Cabinet Office, 2023. URL: dpmc.govt.nz

1. Reeves W.P. *The Long White Cloud: Aotearoa*. London: Horace Marshall & Son, 1898.

2. Tasman A.J. *Journael ofte Beschrijvinge door mij, Abel Janszn Tasman van een voyagie, gedaen vande stadt Batavia in oost Indien, aengaende de ontdeckinge van 't ongekende Zuytlandt, inde Jare Anno 1642 // De reisen van Abel Janszoon Tasman en Franchoys Jacobszoon Visscherternadere ontdekking van het Zuidland*. Gravenhage, 1919. P. 1–137.

3. Cook J. *Remarkable Occurrences on Board his Majesty's Bark Endeavour // The Journals of Captain James Cook on his Voyages of Discovery; The Voyage of the Endeavour 1768–1771 / Ed. by J.C. Beaglehole*. Cambridge, 1955. Vol. I. P. 1–479.

4. Wilson J.O. *New Zealand Parliamentary Record, 1840–1984*. 4th ed. Wellington, 1985.

5. Mutu M. *Custom Law and the Advent of New Pākehā Settlers // Huia histories of Māori: ngā tāhuhu kōrero / Ed. by D. Keenan*. Wellington, N.Z., 2012.

6. Orange C. *The Treaty of Waitangi*. Wellington: Allen & Unwin / Port Nicholson, 1987.

7. McDowell M., Webb D. *The New Zealand legal system: structures, process and legal theory*. Wellington, 1998.

8. Dalton B.J. *War and Politics in New Zealand 1855–1870*. Sydney: Sydney University Press, 1967.

9. Eichbaum Ch., Shaw R. *Public Policy in New Zealand – Institutions, processes and outcomes*. Pearson Education, New Zealand, 2005.

10. Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. London: Palgrave Macmillan, 1979.

11. *Cabinet Manual 2023*. Wellington, New Zealand: Cabinet Office, 2023. URL: dpmc.govt.nz

12. Cox N. *The Treaty of Waitangi and the Relationship Between the Crown and Maori in New Zealand* // *Brooklyn Journal of International Law*. 2002. Vol. 28(1).

13. Healy S.M., Huygens I. *Treaty of Waitangi: Questions and answers*. 5th (rev.) ed. Christchurch, 2015.

14. Трикоз Е.Н., Швец А.А. Роль фикций и презумпций как юридико-технических средств развития системы «общего права» // *Общество и право*. 2021. № 1(75). С. 124–129.

15. *Правовые системы государств Содружества Наций (Австралия, Канада, Индия)* / Л.В. Карнаушенко, Е.Н. Трикоз, А.А. Швец, И.В. Яблонский. Краснодар, 2019.

16. Gallagher T. *Tikanga Māori Pre-1840* // *Te Kāhui Kura Māori*. University of Wellington. 2021. Vol. 0(1).

12. Cox N. *The Treaty of Waitangi and the Relationship Between the Crown and Maori in New Zealand* // *Brooklyn Journal of International Law*. 2002. Vol. 28(1).

13. Healy S.M., Huygens I. *Treaty of Waitangi: Questions and answers*. 5th (rev.) ed. Christchurch, 2015.

14. Trikoze E.N., Shvets A.A. *The role of fictions and presumptions as legal and technical means of developing the system of "common law" (based on the example of medieval England)* // *Society and law*. 2021. No. 1(75). P. 124–129.

15. *Legal systems of the states of the Commonwealth of Nations (Australia, Canada, India)* / L.V. Karnaushenko, E.N. Trikoz, A.A. Shvets, I.V. Yablonsky. Krasnodar, 2019.

16. Gallagher T. *Tikanga Māori Pre-1840* // *Te Kāhui Kura Māori*. University of Wellington. 2021. Vol. 0(1).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Трикоз Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, доцент кафедры истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов; e-mail: tpisp@mgimo.ru;

Швец Анна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583414.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

E.N. Trikoze, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Assistant Professor of the Department of History of Law and State, Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: tpisp@mgimo.ru;

A.A. Shvets, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Deputy Chief of the Department of Theory and History of Law and State, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583414.

Сокол Юлия Валерьевна

Екатеринодарское юридическое общество

На основе изучения исторических документов исследуются особенности возникновения и деятельности Екатеринодарского юридического общества на территории Кубанской области. Рассматриваются цель его создания, особенности формирования состава, дается оценка его деятельности, описываются причины прекращения снижения активности.

Ключевые слова: Екатеринодарское юридическое общество, Кубанская область, судебная реформа 1864 г.

Yekaterinodar Law Society

Based on the study of historical documents the features of the emergence and activities of the Yekaterinodar Law Society in the Kuban oblast are studied. In the article the purpose of creation of the society, the features of the formation of its composition are discussed, its activities are evaluated, the reasons for the cessation of the decrease in the activity are described.

Keywords: Yekaterinodar Law Society, Kuban oblast, judicial reform of 1864.

Изучение богатого отечественного исторического опыта позволяет понять и объяснить причины ряда современных проблем, избежать прежних ошибок, а также почерпнуть много полезного из деятельности предшественников.

В истории Кубани имеется забытый в настоящее время опыт деятельности такой прежде широко известной в нашей стране общественной организации юридического профиля, как Екатеринодарское юридическое общество, которое было одним из 20 [1, с. 118] (по другим данным, из 24 [2, с. 39]) подобных обществ в дореволюционной России.

Е.А. Крестьянников справедливо констатирует, что «в дореволюционной России миссия юридических обществ состояла в содействии развитию юриспруденции, повышению уровня профессиональной культуры юристов, укреплении единства служащих правосудию и усовершенствовании правовых порядков, популяризации знаний о праве» [3, с. 85]. По верным словам А.Г. Горина, «в этих своего рода профессиональных клубах юристы получали возможность непринужденного интеллектуального общения, исследования теоретических и прикладных проблем правоприменения вне тесных рамок официальной науки» [1, с. 117].

Будучи относительно немногочисленным по своему составу, Екатеринодарское юридическое общество объединяло выдающихся кубанских юристов того времени, заинтересованных в дальнейших судебных преобразованиях, инициированных судебной реформой 1864 г., а также в обеспечении верховенства права и законности как в стране в целом, так и в тогдашней Кубанской области. Как сообщал Се-

нат в своем пояснительном указе от 20 ноября 1864 г., «цель судебной реформы – дать народу правый и равный для всех суд, и как средства для этого – "возвышение судебной власти и утверждение уважения к закону"» [4, с. 3].

Судебная реформа 1864 г. объявляла в России независимость суда от административной власти, состязательность, открытость, публичность судебного процесса и т.п. По словам Г.Г. Тельберга, гласность судопроизводства «развязывала ум и язык русскому исследователю-юристу, разрушала ту традиционную ограду, которая отделяла его от оценки положительного права» [5, с. 360–361].

Идея независимости суда, воплощенная в Судебных уставах 1864 г., создание самостоятельной судейской корпорации неминуемо приводили к мысли об автономии юристов вообще, которые тогда, по словам Г.А. Джаншиева, «встрепенулись и воспрянули духом» [6, с. 216]. Развитие юридического образования и науки в стране получило мощный импульс.

Реализация на практике такого требования судебной реформы, как наличие обязательного высшего юридического образования для всех лиц, занятых «судейской работой», привела к тому, что на Кубани в конце XIX в. появилась немногочисленная, но устойчивая группа высококвалифицированных юристов из числа так называемого «судебного сословия» [5, с. 362], которые по своему образованию и профессиональной деятельности были способны выявлять и обсуждать насущные вопросы правоприменительной практики, проявляли энтузиазм в избавлении от устаревших норм и предлагали варианты совершенствования отечественного законодательства и практики его применения.

Не вызывает сомнений тот факт, что появление в Екатеринодаре юридического общества – это наглядное доказательство существования в Кубанской области высококвалифицированных и общественно активных представителей суда, прокуратуры и адвокатуры.

Важно отметить, что в Кубанской области в отличие от других административно-территориальных единиц Российской империи судебные уставы 1864 г. вводились с определенными ограничениями, обусловленными специфическими региональными причинами (недавним окончанием Кавказской войны, нестабильностью в регионе, недостаточной распространенностью среди «инородцев» русского языка, спецификой местных обычаев, непрекращающимися конфликтами между «инородческим и иноплеменным населением», казаками и иногородними, сложной криминогенной обстановкой, низким уровнем нравственного и культурного развития местного населения и т.д.).

По указанным причинам введение судебных уставов 1864 г. на территории Кубанской области состоялось только в 1871 г. В этом же году были открыты Екатеринодарский окружной суд и мировые судебные установления [7, с. 18]. При этом окружной суд отправлял правосудие без участия присяжных заседателей вплоть до 1906 г. К тому же мировые судьи не избирались, а назначались Первым Департаментом Правительствующего Сената по представлению Наместника Кавказского [8, с. 30].

Отличительной особенностью Екатеринодарского общества является то, что оно было создано в неуниверситетском городе Екатеринодаре и базировалось при окружном суде.

Открытие юридического общества состоялось в Екатеринодаре 2 января 1902 г. Именно в этот день в 14 часов в помещении Екатеринодарского окружного суда состоялось первое общее собрание членов этого общества. На общее собрание явилось 39 человек из числа чиновников окружного суда, присяжных поверенных и их помощников, а также «несколько лиц-юристов из областного правления» [9, стб. 148].

Таким образом, Екатеринодарское общество объединяло представителей судейского корпуса, прокуратуры, присяжной и частной адвокатуры. Соединение в одном сообществе людей различных юридических профессий способствовало обмену их опытом, знаниями и мнениями. Вместе с тем нами не было получено сведений о наличии среди членов общества представителей профессорско-преподавательского состава. Отсутствие в Екатеринодаре университета с юридическим факультетом и

других специальных юридических учебных заведений препятствовало включению в него преподавателей высшей юридической школы, что негативно отражалось не только на его составе, но и на последующей научной проработке имеющих практическое значение юридически значимых вопросов.

На первом собрании были произведены выборы председателя общества, товарища председателя и трех членов совета. Председателем нового общества был избран председатель окружного суда О.А. Ювжик-Компанейц, товарищем председателя – член суда П.А. Ифлянд, членами совета – присяжный поверенный В.И. Канатов и товарищ председателя суда Н.М. Енишерлов, кандидатами к ним – присяжный поверенный С.И. Невзоров и член суда М.М. Вербичев.

Руководили Екатеринодарским юридическим обществом незаурядные люди. Так, председатель Екатеринодарского окружного суда действительный статский советник Орест Антонович Ювжик-Компанейц (1852–1912) начал свою карьеру в 1876 г. судебным следователем; в 1885–1889 гг. занимал должность прокурора Симферопольского окружного суда; в 1899–1906 гг. – председателя Екатеринодарского окружного суда; с 1906 г. – председателя департамента Тифлисской судебной палаты; с 1911 г. – сенатора. О.А. Ювжик-Компанейц публиковал статьи в «Журнале Гражданского и Уголовного Права» и «Журнале Министерства Юстиции».

Заместитель (товарищ) председателя Екатеринодарского юридического общества – член окружного суда надворный советник Павел Адольфович Ифлянд (1859 – дата смерти неизвестна) окончил Санкт-Петербургский Императорский университет. В декабре 1902 г. был назначен на должность товарища (заместителя) Екатеринодарского окружного суда, а в феврале 1904 года – товарища председателя Тифлисского окружного суда [10, с. 36]. П.И. Ифлянд активно публиковался в «Журнале Министерства юстиции». Нам удалось найти около 34 его публикаций в данном журнале за 1896–1917 гг.

Присяжный поверенный Владимир Иванович Канатов (1843–1911) родился в Санкт-Петербурге в семье действительного статского советника, обучался в Императорском училище правоведения, по окончании которого служил в департаменте Министерства юстиции, затем трудился в Херсоне, Одессе и Ярославле, приобретая судейский и прокурорский опыт [11, с. 55; 12, с. 29]. В возрасте 27 лет

В.И. Канатов стал первым председателем Екатеринодарского окружного суда. Однако в 1874 г. он ушел с этой должности и стал одним из самых успешных адвокатов Екатеринодара [12, с. 29].

После выборов руководящих органов юридического общества обсуждался вопрос об устройстве библиотеки и членских взносах. Было принято решение о том, что членский взнос составляет 5 рублей. Часть этих денег должна была пойти на устройство библиотеки, выписку необходимых книг и журналов. Кроме того, было принято решение «обратиться к разным людям с просьбой о пожертвованиях книгами» [13, с. 258].

Материальное обеспечение юридического общества осуществлялось за счет его членских взносов, что объясняло постоянную нехватку финансовых средств как для активной издательской деятельности, так и для приобретения новой литературы.

Открытию общества предшествовала большая подготовительная работа. В частности, об этом свидетельствуют архивные материалы канцелярии начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска об утверждении Устава Екатеринодарского юридического общества [14]. 26 мая 1901 г. генерал-лейтенант Я.Д. Малама, совмещавший должности начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского Казачьего войска, в письме в штаб Кавказского военного округа написал следующее: «Возвращая при сем проект устава Екатеринодарского юридического общества со списком лиц, входящих в число учредителей названного общества, имею честь сообщить Окружному штабу, что с моей стороны препятствий к утверждению означенного проекта устава не встречается».

Поскольку Екатеринодарское юридическое общество учреждалось при Екатеринодарском окружном суде, 1 ноября 1901 г. его устав был утвержден министром юстиции. Министерство юстиции также осуществляло общий контроль за его деятельностью.

Согласно параграфу 1 Устава его цель – «теоретическая и практическая разработка вопросов права по всем его отраслям и распространение в населении Кубанской области и Черноморской губернии юридических сведений» [13, с. 258].

Так, 5 октября 1902 г. на заседании общества, открывшемся в 19 часов 30 минут под председательством О.А. Ювжик-Компанейца, товарищ председателя общества П.А. Ифлянд прочитал

доклад «Об условиях судебного рассмотрения уголовных дел по проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства». На этом заседании юридического общества присутствовал 21 человек. Поводом для заседания послужило рассмотрение ряда предложений Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части.

Отмечая неприкосновенность положенных в основу российского уголовного процесса в стадии судебного разбирательства принципов гласности, устности и непосредственности, состязательности, непрерывности и оценки доказательств по внутреннему убеждению, П.А. Ифлянд исследовал «пределы соблюдения означенных начал». В частности, докладчик поддержал предложение Комиссии об изменении ст. 590 проекта (изд. 1900 г.), согласно которому «не возбраняется прочтение в судебном заседании письменных показаний подсудимого, данных при производстве предварительного следствия или дознания, когда с ними не согласны изустные его показания на суде» [15, стб. 2136].

Докладчик констатировал, что «всякое показание, дано ли оно на предварительном следствии или же на суде, являясь лишь одним из доказательств, подвергается строгой фактической проверке и оценке со стороны суда; поэтому рекомендуемая статьей 590 проекта мера представляется ныне вполне целесообразной в интересах правосудия» [15, стб. 2136].

Развернулась дискуссия. В частности, член Екатеринодарского окружного суда А.А. Балкашин сообщил, что «из многолетней практики своей он вынес убеждение в совершенной нежелательности оглашения на суде письменных показаний подсудимого. Пользование таким письменным доказательством на суде является нарушением начала устности судопроизводства. Рассматривать как улику показание подсудимого, данное им на предварительном следствии, опасно, так как обвиняемые иногда принимают на себя вину в учинении преступления, в действительности ими не совершенного» [15, стб. 2136–2137].

Член Екатеринодарского окружного суда Я.А. Мордмилович также выступил против оглашения в суде показаний подсудимого, заметив, что «уголовное правосудие есть борьба общества с преступлением. На суде эта борьба между обвинительной властью и подсудимым в видах всестороннего раскрытия истины ведется на началах равноправности сторон и состязательности процесса. Раз подсудимый

находится налицо при производстве судебного следствия и лично дает свои объяснения, то представлялось бы неправильным напоминать ему и рассматривать как улику те показания его, которые он давал до судебного следствия, в стадиях процесса, не обставленных теми гарантиями, которые на суде обеспечивают всестороннее раскрытие истины. Пользование письменными показаниями подсудимого, как уликой против него, роняет достоинство уголовного правосудия» [15, стб. 2137].

Председатель общества (он же председатель Екатеринодарского окружного суда) О.А. Ювжик-Компанейц поддержал мнение основного докладчика и «высказался за целесообразность проектируемой комиссией меры» [15, стб. 2138].

По окончании прений юридическое общество большинством голосов проголосовало за позицию, высказанную докладчиком, и «признало постановление, положенное в статье 590 проекта, целесообразным в интересах правосудия» [15, стб. 2138]. Заседание общества завершилось в 22 часа.

На заседаниях 28 сентября и 21 декабря 1902 г. обсуждался доклад члена общества П.С. Ширского «Поземельные права станичных обществ в Кубанской области» [15, стб. 660]. В обсуждении доклада приняли участие члены общества Скидан, Ювжин-Компанейц, Енишерлов, Мордмиллович и Вербичев.

Однако добиться эффективного достижения целей, заявленных обществом в его уставе, не удалось. Со временем активность Екатеринодарского юридического общества снижалась. Нам не удалось получить архивные сведения о его деятельности после 1903 г.

К числу причин, негативно повлиявших на деятельность общества, можно отнести следующие. Прежде всего, это относительная малочисленность его состава: 39 членов на момент его открытия, а также отсутствие в составе юридического общества представителей высших юридических учебных заведений (по причине отсутствия таковых в Екатеринодаре). В связи с этим объединить в одном юридическом сообществе представителей теоретической и

практической юриспруденции не удалось, что существенно ограничивало возможности этого общества в полной реализации заявленных им уставных целей. Кроме того, наличие в Екатеринодарском юридическом обществе преимущественно судебных деятелей сковывало их активность в решении острых правовых вопросов, могущих выходить за рамки официальной позиций.

Важно также отметить, что вскоре его наиболее активные члены, в частности председатель окружного суда О.А. Ювжик-Компанейц и товарищ председателя общества судья П.А. Ифлянд, покинули г. Екатеринодар в связи с назначением на новые судебные должности в другие регионы страны. К 1906 г. весь состав Екатеринодарского окружного суда существенно обновился. В частности, сменился не только председатель окружного суда, но и его заместители (товарищи), а также многие судьи.

Вместе с тем, будучи легальной общественной организацией либерального направления, Екатеринодарское юридическое общество демонстрировало активное участие судебных деятелей в общественно-политической жизни страны, содействуя осуществлению правосудия и повышению качества судопроизводства.

Несомненной заслугой Екатеринодарского юридического общества является стремление его членов содействовать повышению качества осуществления правосудия, распространению юридических знаний среди местного населения, совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. В целом практическая разработка разнообразных правовых вопросов, рассматриваемых Екатеринодарским обществом, была напрямую связана с реализацией преобразований в стране в духе судебной реформы 1864 г., обеспечения верховенства права и законности.

В завершение следует указать, что дальнейшее изучение исторического опыта деятельности Екатеринодарского юридического общества будет способствовать повышению эффективности современных общественных объединений российских юристов.

1. Горин А.Г. Юридические общества дореволюционной России // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 117–123.

2. Миридонова В.С. Научно-исследовательская деятельность Санкт-Петербургского юридического общества // Вестник Ниже-

1. Gorin A.G. Legal societies of pre-revolutionary Russia // Soviet state and law. 1989. No. 7. P. 117–123.

2. Miridonova V.S. Research activities of the St. Petersburg Law Society // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after

городского университета им. Н.И. Лобачевского: Гражданское общество, государство и право в переходный период. Серия: Право. 2002. Вып. 1(5). С. 39–46.

3. Крестьянников Е.А. Юридическое общество при Императорском Томском университете // Журнал российского права. 2013. № 9(201). С. 85–94.

4. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы (К 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды. М., 1891.

5. Тельберг Г.Г. Влияние Судебной реформы 1864 г. на науку права в России // Судебная реформа: сборник Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. Т. 1. С. 354–380.

6. Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ: в 2 т. М., 2008. Т. 2.

7. Галкин А.Г. Екатеринодарский окружной суд в свете судебной реформы 1864 года // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 16–21.

8. Паршина Н.В. К вопросу о проведении судебной реформы на территории Кубанского казачьего войска во второй половине XIX века // Новый ракурс. 2023. № 1. С. 27–35.

9. Хроника // Право. Еженедельная юридическая газета. 1902. № 3. Стб. 148.

10. Извлечение из Высочайших приказов по гражданскому ведомству // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 4. С. 36.

11. Бардадым В.П. Кубанские портреты. Краснодар, 1999.

12. Матвеев О.В. Из опыта становления правовых отношений на Кубани: корпорация присяжных поверенных // Наследие веков. 2017. № 4(12). С. 28–38.

13. Из деятельности юридических обществ // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 2. С. 254–258.

14. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Ед. хр. 3629. Оп. 2.

15. Екатеринодарское юридическое общество // Право. Еженедельная юридическая газета. 1902. № 46. Стб. 2136–2138.

N.I. Lobachevsky: Civil society, state and law in transition. Series: Law. 2002. Iss. 1(5). P. 39–46.

3. Krestyannikov E.A. Law Society at the Imperial Tomsk University // Journal of Russian Law. 2013. No. 9(201). P. 85–94.

4. Dzhanshiev G.A. Fundamentals of judicial reform (On the 25th anniversary of the new court): historical and legal etudes. Moscow, 1891.

5. Telberg G.G. Influence of the Judicial Reform of 1864 on the Science of Law in Russia // Judicial Reform: coll. by N.V. Davydov and N.N. Polyansky. Moscow, 1915. Vol. 1. P. 354–380.

6. Dzhanshiev G.A. The era of the Great Reforms: in 2 vols. Moscow, 2008. Vol. 2.

7. Galkin A.G. Yekaterinodar District Court in the Light of the Judicial Reform of 1864 // Bulletin of the Chuvash University. 2010. No. 4. P. 16–21.

8. Parshina N.V. On the issue of judicial reform on the territory of the Kuban Cossack army in the second half of the 19th century // New perspective. 2023. No. 1. P. 27–35.

9. Chronicle // Law. Weekly legal newspaper. 1902. No. 3. Column 148.

10. Extract from the Highest Orders for Civil Affairs // Journal of the Ministry of Justice. 1904. No. 4. P. 36.

11. Bardadym V.P. Kuban portraits. Krasnodar, 1999.

12. Matveev O.V. From the experience of establishing legal relations in the Kuban: a corporation of sworn attorneys at law // Heritage of the Ages. 2017. No. 4(12). P. 28–38.

13. From the activities of legal societies // Journal of the Ministry of Justice. 1902. No. 2. P. 254–258.

14. State Archive of the Krasnodar Territory. F. 454. Storage unit 3629. Inv. 2.

15. Yekaterinodar Law Society // Law. Weekly legal newspaper. 1902. No. 46. Columns 2136–2138.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сокол Юлия Валерьевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия; e-mail: ulya-sokol@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Yu.V. Sokol, Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law, North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice; e-mail: ulya-sokol@mail.ru

---

Таранюк Юлия Викторовна
Третьяков Владимир Иванович

Полномочия и значение решений Конституционного Суда РФ и Суда ЕС для дальнейшего развития права: сравнительный анализ

Дается сравнительная характеристика деятельности Конституционного Суда РФ и Суда Европейского Союза, анализируются принимаемые ими решения. Указывается, что данные судебные органы имеют некоторое сходство в своей деятельности, но одновременно и существенные отличия. Указывается, что Суд ЕС нельзя отнести исключительно к органам конституционного контроля.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, Суд ЕС, реализация права, заполнение правовых пробелов, Европейский Союз.

Powers and significance of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Court of the EU for the further development of law: a comparative analysis

The article gives a comparative description of the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Court of the European Union and the decisions they make. It is indicated that these judicial bodies have some similarities in their activities, but at the same time significant differences. It is indicated that the EU Court of Justice cannot be attributed exclusively to the bodies of constitutional control.

Keywords: the Constitutional Court of the Russian Federation, the Court of Justice of the European Union, the implementation of law, filling in legal gaps, the European Union.

Иерархичность системы законодательства, строгое и неуклонное соответствие нормативных актов предписаниям, имеющим более высокую юридическую силу, являются важнейшими основами, на которых строятся законность и правопорядок. Особое значение в иерархии нормативных актов имеют конституции и конституционные акты, определяющие основы построения и функционирования правовой системы государства. Соответствие всех нормативных правовых актов РФ ее Конституции [1] контролирует Конституционный Суд РФ.

Современный период характерен формированием и функционированием надгосударственных объединений со сложной структурой, системой органов управления и законодательством. Одним из старейших действующих межгосударственных объединений является Европейский Союз, который предпринимает попытки построить свою внутреннюю систему власти, управления и законодательства, наиболее приближенные к государственной. Европейский Союз (Евросоюз, ЕС) основан на различных договорах, которые носят характер его учредительных документов. Важной целью

Евросоюза на сегодняшний день является обеспечение соответствия законодательства государств – участников ЕС его учредительным договорам. Вопросами контроля в этой сфере занимается Суд ЕС. В настоящее время часто высказывается мнение о том, что он выполняет функцию конституционного суда [2, с. 27].

Согласно Федеральному конституционному закону от 27 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [3] (далее – ФКЗ № 1) отечественный Конституционный Суд представляет собой судебный орган конституционного контроля, осуществляющий свою судебную власть, основанную на принципах самостоятельности и независимости, в процессе конституционного судопроизводства (ст. 1).

Суд Европейского Союза является одним из важнейших институтов данного объединения. Его статус и структура были определены Ницким договором 26 февраля 2001 г. [4]. Структурно Суд Европейского Союза состоит из Европейского суда, общего суда (Трибунала, Суда общей компетенции) и специализированных трибуналов, которые утверждаются согласно регламенту Европейского парламента и Совета.

Очевидно, что Суд ЕС имеет более сложную структуру, чем Конституционный Суд РФ, что определяется характером рассматриваемых им дел и кругом полномочий.

Полномочия Конституционного Суда РФ достаточно обширны и определены в ст. 3 ФКЗ № 1. К ним прежде всего относится разрешение дел о соответствии Конституции РФ нормативных правовых актов РФ и ее субъектов, договоров между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, договоров между органами государственной власти субъектов РФ и не вступивших в силу международных договоров РФ. Такие дела инициируются конкретными органами и должностными лицами, обладающими властными полномочиями, исчерпывающий перечень которых дает ч. 1 ст. 3 ФКЗ № 1.

Далее, к полномочиям Конституционного Суда РФ отнесены споры о компетенции между федеральными органами государственной власти; между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ; между высшими государственными органами субъектов РФ. Они рассматриваются Конституционным Судом РФ по ходатайству Президента РФ или любого из участвующих в споре органов.

Конституционный Суд РФ проверяет конституционность источников российского законодательства, примененного для разрешения конкретного юридического дела, по жалобам на нарушение прав и свобод граждан, если исчерпаны все внутригосударственные средства судебной защиты.

Также на данный судебный орган возложена обязанность по рассмотрению вопроса об исполнении решений межгосударственных органов, принятых в соответствии с положениями международных договоров с участием Российской Федерации, если их интерпретация в спорном решении противоречит российской Конституции. Аналогичное полномочие Конституционного Суда РФ связано с возможностью реализации решения иностранных или международных судебных органов, противоречащего основам публичного правопорядка России, в случае если данное решение налагает определенные обязанности на Российскую Федерацию.

По запросу конкретных субъектов (ч. 4 ст. 3 ФКЗ № 1) Конституционный Суд РФ дает толкование российской Конституции и заключение о соблюдении установленного законом порядка выдвижения обвинения в совершении государственной измены или тяжкого уголовного преступления против действующего или нахо-

дящегося в досрочной отставке Президента РФ (по запросу Совета Федерации).

Конституционному Суду РФ также предоставлено право (по запросам компетентных субъектов) проверять конституционность вопросов, выносимых на референдум РФ, проектов законов о поправках к Конституции РФ, федеральных конституционных законов РФ, нормативных актов, принятых в порядке ч. 2 и 3 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 Конституции РФ, и законов субъектов РФ до их обнародования. Также Конституционному Суду РФ принадлежит право законодательной инициативы по вопросам его ведения.

Следует отметить, что данный перечень полномочий Конституционного Суда РФ не является исчерпывающим, поскольку ст. 3 ФКЗ № 1 содержит фразу: «разрешает иные полномочия». Однако она же устанавливает, что в процессе разрешения подведомственных ему вопросов Конституционный Суд РФ обязан воздерживаться от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов.

Таким образом, круг полномочий Конституционного Суда РФ достаточно широк, но вопросы, находящиеся в его ведении, обязательно связаны с проверкой на соответствие российской Конституции, и это является отличительным признаком функционирования Конституционного Суда.

Что касается Суда ЕС, то его обязанности определены прежде всего Договором о функционировании ЕС [5]. Статьи 253, 254, 257 возложили на Суд Евросоюза функции по обеспечению соблюдения договоров ЕС в процессе их толкования и применения, а также наделили правом выносить решения по искам стран – участниц ЕС по факту нарушения одной из них своих обязательств, установленных Договором об учреждении ЕС.

Суд ЕС вправе рассматривать дела по спорам, возникшим в связи с причинением ущерба действиями институтов ЕС, его служащими или актами и налагать на виновную сторону обязанность по возмещению ущерба. Также он участвует в рассмотрении апелляционных споров в отношении решения Суда первой инстанции, разрешает споры между служащими ЕС и самим объединением, а также споры согласно арбитражной оговорке или переданные на рассмотрение Суда ЕС специальным соглашением сторон.

Таким образом, очевидно, что в отличие от Конституционного Суда РФ Суд ЕС обладает

более широкими полномочиями, поскольку еще правомочен рассматривать дела по существу и в апелляционном порядке, т.е. в отличие от Конституционного Суда РФ он обладает правом рассмотрения фактических обстоятельств дела.

Суд наделен неограниченной юрисдикцией в отношении предусмотренных Регламентами санкций, может осуществлять контроль законности актов ЕС, порождающих правовые последствия для третьих лиц, правомочен рассматривать споры, касающиеся исполнения их обязательств, установленных Уставом Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), актами Совета управляющих ЕИБ, актами Административного совета ЕИБ, а также исполнения национальными центробанками обязанностей, закрепленных в договорах и уставах Европейской системы центральных банков (ЕСЦБ) и Европейского центрального банка (ЕЦБ). Основная цель Суда ЕС изложена в ст. 220 Ниццкого договора и сводится к обеспечению сохранения единообразия права ЕС при толковании и применении его учредительных документов. В большинстве случаев это делается посредством реализации права Суда ЕС выносить решения в преюдициальном порядке в соответствии со ст. 234 Договора о ЕС [6, 558]. Согласно Амстердамскому договору такие решения могут выноситься по вопросам визовой политики, предоставления убежища и иммиграции [7].

Также Суд ЕС толкует право и выносит в преюдициальном порядке решения по международным конвенциям государств – членов ЕС, в частности Брюссельской конвенции о подсудности и исполнении решений по гражданским и торговым делам, а также Соглашения о Европейской ассоциации свободной торговли (ст. 293 Договора о ЕС).

Очевидно, что полномочия Конституционного Суда РФ и Суда ЕС обладают сходством в плане проверки ими соответствия нижестоящих нормативных актов основным законам (Конституции РФ и учредительным договорам Евросоюза), разрешения споров между государственно-властными субъектами (например, органами государственной власти РФ и ее субъектов либо на уровне ЕС – рассмотрение исков о нарушении обязательств между странами-участницами). В процессе принятия решений и Конституционный Суд РФ, и Суд ЕС выносят решения, юридическая сила которых определяется законодательством соответствующего уровня.

Согласно ст. 6 вышеуказанного ФКЗ решения Конституционного Суда РФ имеют обще-

обязательную силу на всей территории России и для всех органов государственной власти, местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. В соответствии со ст. 79 они окончательны, не подлежат обжалованию и вступают в силу немедленно после провозглашения.

Постановления Конституционного Суда РФ, принятые в результате рассмотрения дел без проведения слушания, перечень которых указан в ст. 47.1 ФКЗ № 1, вступают в силу со дня их официального опубликования, а опубликованию они, согласно ст. 78, подлежат немедленно.

Юридическая сила решений Конституционного Суда РФ основана на принципе непосредственного действия. Это означает, что решение не требует подтверждения со стороны каких-либо иных органов или должностных лиц. Важно, что юридическая сила постановления Конституционного Суда РФ о признании нормативного правового акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием одного и того же акта.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ обладает некоторыми правотворческими полномочиями. Под правотворчеством в теории права понимается деятельность компетентных субъектов, направленная на выработку, принятие, изменение, дополнение или отмену нормативных актов.

Именно отмена нормативных актов, не соответствующих Конституции РФ, наиболее часто осуществляется российским Конституционным Судом. Согласно ст. 79 ФКЗ № 1 признанные им неконституционными акты или их отдельные положения утрачивают юридическую силу либо в случаях, предусмотренных данным федеральным конституционным законом, не приобретают ее. Международные договоры РФ, признанные не соответствующими отечественной Конституции, не подлежат введению в действие и применению, а решения судебных и иных органов, основанные на указанных актах или их отдельных положениях либо примененные в истолковании, расходящемся с данной Конституционным Судом РФ в постановлении интерпретацией, должны быть пересмотрены, а до пересмотра не подлежат исполнению.

Утрата юридической силы нормативного акта означает прекращение его действия, фактическую его отмену. Это позволяет утверждать, что правотворческие функции Конституционного Суда РФ связаны с так называемым негативным правотворчеством, т.е. отменой

нормативных актов вследствие признания их недействительными.

Что касается решений Суда ЕС, то их статус детально не регламентируется ни одним нормативным договором. Тем не менее определенный временной промежуток функционирования данного органа позволяет определить его основные черты.

Прежде всего, ст. 249 Договора, учреждающего Европейское Сообщество [4], не определяет решения Суда ЕС как источник европейского права. В ст. 271, 280 Договора о функционировании ЕС решения Суда ЕС наделены исполнительной силой. Если Суд ЕС признает, что какое-либо государство – член Евросоюза не исполняет своих договорных обязательств, на виновную страну возлагается обязанность по принятию надлежащих мер по исполнению решения суда под угрозой штрафных выплат или пеней, что установлено ст. 260 Договора о функционировании ЕС [5]. Согласно ст. 267 этого же Договора Суд Европейского Союза наделен полномочиями выносить решения в преюдициальном порядке о толковании договоров, действительности и толковании актов институтов, органов или учреждений Союза. При этом под действительностью понимаются правомерность акта, отсутствие в нем недостатков содержания, формы, порядка принятия и т.д., которые могут служить основанием для признания Судом ЕС акта недействительным.

Также право Суда ЕС по толкованию реализуется и посредством ст. 269 Договора о функционировании ЕС, на основании которой Суд ЕС вправе выносить решение о правомерности актов, принятых Европейским советом или Советом.

Статья 220 Римского договора налагает на Суд обязанности по обеспечению соблюдения единообразного понимания права ЕС при толковании и применении его учредительных договоров. Такого эффекта Суд ЕС добивается главным образом при принятии решений, выносимых в преюдициальном порядке. Посредством реализации данного права Суд ЕС реализует свои нормотворческие полномочия.

Здесь интересно отметить, что в отличие от Конституционного Суда РФ, решениями которого можно только прекратить действие нормативных актов, Суд ЕС осуществляет правотворческие полномочия, направленные на формирование новых правовых принципов и норм. Данные принципы и нормы, вырабатываемые Судом ЕС в процессе реализации своих функций по рассмотрению споров, имеют обя-

зательную силу. Это результат определенной пассивности европейского законодателя, что вынуждает Суд ЕС брать на себя не только правореализационные полномочия, но и функции по развитию и наполнению европейского права посредством его расширительной интерпретации.

В качестве основных принципов Судом ЕС были введены верховенство права ЕС и его прямое действие. Принцип верховенства права ЕС был утвержден в ходе судебной деятельности в результате принятия решения по делу *Flaminio Costa v. ENEL* (*Ente Nazionale Energia Elettrica*) от 15 июля 1964 г. [8]. В его мотивировочной части Суд отметил, что отказ государств – членов тогда еще Европейского Сообщества от части своих полномочий в пользу Сообщества (на настоящий момент – Евросоюза) налагает на них запрет на изменение норм права ЕС при их имплементации и обязанность издавать собственные нормативные акты в соответствии с законодательством ЕС. Это, в свою очередь, свидетельствует о верховенстве европейского права над внутрисударственным, о запрете его оспаривания национальным законодательством.

Функционирование права ЕС также основывается на принципе прямого действия, который, как и предыдущий, был сформулирован благодаря правоинтерпретационной деятельности Суда ЕС и впервые озвучен в решении Суда по делу *Van Gend en Loos v. Netherlands Inland Revenue Administration* от 5 февраля 1963 г. [9].

Также решения Суда ЕС очень часто формируют правила поведения, заполняющие пробелы в праве. Примером может послужить дело 283/81, в результате рассмотрения которого Суд Евросоюза сформировал одну из своих основных позиций относительно толкования ст. 177 Маастрихского договора, которая затем была зафиксирована, в частности, в Договоре о функционировании ЕС [10].

По указанному делу Суд ЕС пришел к выводам о том, что п. 3 ст. 177 Маастрихского договора должен толковаться так, чтобы национальный суд, против решения которого нет права обжалования на основании национального законодательства, был обязан с целью правильного применения нормы права обращаться за ее интерпретацией в Суд ЕС, если не установит, что поднятый вопрос не имеет существенного значения для результатов дела или уже был предметом рассмотрения Суда ЕС ранее либо что правильное применение законодательства ЕС настолько очевидно, что не

оставляет возможности для любых обоснованных сомнений.

С учетом изложенного можно констатировать, что решения Суда ЕС носят прецедентный характер. Правда, он был признан не сразу вследствие замалчивания этого вопроса в учредительных договорах ЕС. Европейская юридическая доктрина отрицала прецедентный характер решений ЕС и настаивала на том, что они порождают юридические последствия только в отношении определенного случая, а его толкования имеют своей целью только сориентировать участников правоотношений в правильном понимании той или иной нормы [11, с. 174].

Но, с другой стороны, большинство участников правоотношений и ученых признавали, что на решениях Суда ЕС и его интерпретации основываются не только решения государств-членов (что роднит его с Конституционным Судом РФ, на решениях которого могут основываться решения судов общей юрисдикции), но и акты основных институтов ЕС и государств-членов. Как и Конституционный Суд РФ, Суд ЕС нередко ссылается на свои предыдущие решения для обоснования и выработки новых позиций.

Прецедентный характер своих решений зафиксировал сам Суд ЕС в Деле CILFIT [12]. В нем он фактически отменил нормы Учредительного договора и обязал национальные суды стран – участниц ЕС применять в качестве правовых норм решения Суда ЕС, даже если обстоятельства нового рассматриваемого дела не являются идентичными тому, по которому было ранее вынесено решение и которое должно быть применено. Налицо активное использование решений Суда ЕС для заполнения правовых пробелов.

Вместе с тем Суд ЕС внедрил в практику собственное право отступать от ранее принятых им решений. Это было сделано по итогам рассмотрения дела HAG GF [13], по которому не только было принято решение, противоположное предыдущему, исходившему из похожих обстоятельств, но и обосновано право Суда ЕС не быть связанным своими предшествующими решениями.

Что касается Конституционного Суда РФ, он предпочитает следовать своим предшеству-

ющим решениям. Достаточно редко, но все же в его деятельности присутствует формирование новых правил поведения, которые попадают затем в российское законодательство. Ярким примером является позиция Конституционного Суда РФ, выраженная им в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П [14], на основании которой положения международных договоров РФ в интерпретации, противоречащей российской Конституции, не могут быть применимы в России. Позднее на основании данной позиции были внесены изменения в Конституцию РФ (ст. 79) [1] и ФКЗ № 1 (ст. 79) [3].

Таким образом, по своей структуре, компетенции, характеру принимаемых решений деятельность Конституционного Суда РФ и Суда Европейского Союза имеют как общие черты, так и различия. Их объединяют полномочия контроля за соответствием нормативных актов Конституции и учредительным документам ЕС, общеобязательность принятых решений и нормативный характер интерпретации норм права. Различия главным образом сводятся к тому, что функции Суда ЕС выходят за рамки конституционного контроля, поскольку он имеет право рассматривать дело по существу, в том числе и в апелляционном порядке. И, конечно, нельзя не сказать о разнице в юридических последствиях принимаемых решений: в результате признания нормативного акта неконституционным постановлением Конституционного Суда РФ данный акт теряет юридическую силу. Признание же Судом ЕС несоответствия нормативного акта страны-участницы учредительным документам Евросоюза не влечет автоматически подобных юридических последствий: на страну возлагается обязанность привести собственную нормативную базу в соответствие. В то же время решения Суда ЕС самостоятельно и часто формируют нормативные принципы и правила поведения на территории европейского пространства, что отличает их от решений Конституционного Суда РФ.

Резюмируя изложенное, считаем, что Суд ЕС нельзя отнести к органам конституционного контроля. Как представляется, по характеру своей деятельности он ближе к верховным судам государств.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 04.10.2022 № 8-ФКЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/> (дата обращения: 23.06.2023).

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 (as amended on 04.10.2022 No. 8-FKZ) [Web resource]. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/> (date of access: 23.06.2023).

2. Джейкобс Ф.Г. Является ли Суд Европейских Сообществ конституционным судом // Конституционное судопроизводство в Европейском сообществе и национальном праве. Баттерворт, 1992.

3. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон от 27 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 01.07.2021 № 5-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 23.06.2023).

4. Ницкий договор, изменяющий договор о Европейском союзе, договоры, учреждающие Европейские сообщества, и некоторые относящиеся к ним акты 2001 г. // Official Journal. March 2001. № 10.

5. Договор о функционировании Европейского Союза, Рим, 25 марта 1957 г. (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 23.06.2023).

6. Консолидированный текст Договора о Европейском Союзе и Договора об учреждении Европейского Сообщества // Европейское право / под ред. Л.М. Энтина. М., 2000.

7. Амстердамский договор от 2 окт. 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cvce.eu/obj/treaty_of_amsterdam_2_october_1997-en-578ebb8e-d641-4650-b1e3-3b3a795e01c9.html (дата обращения: 23.06.2023).

8. Judgment of the Court of 15 July 1964. Flaminio Costa v E.N.E.L. [Электронный ресурс]. URL: http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!CELEXnumdoc&numdoc=61964J0006&lg=en (дата обращения: 18.06.2023).

9. Judgment of the Court of 5 February 1963. NV Algemene Transport-en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration [Электронный ресурс]. URL: http://eur-lex.europa.eu/Result.do?T1=V6&T2=1962&T3=26&RechType=RECH_naturel&Submit=Search (дата обращения: 18.06.2023).

10. Договор о Европейском Союзе. Мaastricht, 7 февр. 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ppt.ru/newstext.phtml?id=25293> (дата обращения: 23.06.2023).

11. Pescatore, P. L'ordre juridique des Communautés Europeennes / VEtudes des sources du droit Communautaire. Liege, 1975.

12. Case C – 283/81. 1982 [Электронный ресурс]. URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61981J0283:EN:HTML> (дата обращения: 23.06.2023).

13. Case C – 10/89. 1990 [Электронный ресурс]. URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/>

2. Jacobs F.G. Whether the Court of Justice of the European Communities is a constitutional court // Constitutional jurisprudence in the European Community and national law. Butterworth, 1992.

3. On the Constitutional Court of the Russian Federation: fed. constitutional law d.d. July 27, 1994 No. 1-FKZ (as amended on 01.07.2021 No. 5-FKZ) [Web resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (date of access: 23.06.2023).

4. Treaty of Nice amending the Treaty on the European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts of 2001// Official Journal. March 2001. No. 10.

5. Treaty on the Functioning of the European Union, Rome, 25 March 1957 (as amended by the Treaty of Lisbon 2007) [Web resource]. URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (date of access: 23.06.2023).

6. Consolidated text of the Treaty on the European Union and the Treaty establishing the European Community // European Law / ed. by L.M. Antin. Moscow, 2000.

7. Amsterdam Treaty d.d. Oct. 2 1997 [Web resource]. URL: https://www.cvce.eu/obj/treaty_of_amsterdam_2_october_1997-en-578ebb8e-d641-4650-b1e3-3b3a795e01c9.html (date of access: 23.06.2023).

8. Judgment of the Court of 15 July 1964. Flaminio Costa v E.N.E.L [Web resource]. URL: http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!CELEXnumdoc&numdoc=61964J0006&lg=en (date of access: 18.06.2023).

9. Judgment of the Court of 5 February 1963. NV Algemene Transport-en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration [Web resource]. URL: http://eur-lex.europa.eu/Result.do?T1=V6&T2=1962&T3=26&RechType=RECH_naturel&Submit=Search (date of access: 18.06.2023).

10. Treaty on European Union. Maastricht, Febr. 7, 1992 [Web resource]. URL: <https://ppt.ru/newstext.phtml?id=25293> (date of access: 23.06.2023).

11. Pescatore, P. L'ordre juridique des Communautés Europeennes / VEtudes des sources du droit Communautaire. Liege, 1975.

12. Case C – 283/81. 1982 [Web resource]. URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61981J0283:EN:HTML> (date of access: 23.06.2023).

13. Case C – 10/89. 1990 [Web resource]. URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61989J0010:EN:HTML> (date of access: 23.06.2023).

LexUriServ.do?uri=CELEX:61989J0010:EN:HTML
(дата обращения: 23.06.2023).

14. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (дата обращения: 23.06.2023).

14. In the case of reviewing the constitutionality of the provisions of article 1 of the Federal Law "On the Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Protocols thereto", paragraphs 1 and 2 of article 32 of the Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation", parts one and four of article 11, paragraph 4 of part four of article 392 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 13, paragraph 4 of part 3 of article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 15, paragraph 4 of part 1 of article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and paragraph 2 of part four of article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Thoughts: decree of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. July 14, 2015 No. 21-P [Web resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (date of access: 23.06.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Таранюк Юлия Викторовна, кандидат юридических наук, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина; e-mail: FiorOrienta@bk.ru;

Третьяков Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет; e-mail: Tretyakov1717@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Yu.V. Taranyuk, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: FiorOrienta@bk.ru;

V.I. Tretyakov, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Kuban State University; e-mail: Tretyakov1717@yandex.ru

---

Щенникова Лариса Владимировна

Право собственности в исследованиях зарубежных цивилистов

Автор анализирует публикации современных зарубежных цивилистов, исследующих категорию субъективного права собственности с целью обнаружения его новых граней и возможностей для совершенствования гражданско-правового регулирования. Погружение в цивилистическую доктрину, развивающую теорию данного субъективного гражданского права, позволило выделить последовательно ряд проблем, на решение которых направлены усилия современной цивилистики. Автор доказывает фундаментальное значение исследуемой категории и ее социальную роль в современном обществе. В качестве необходимых атрибутов гражданско-правового регулирования называются легитимность и эффективность субъективного права собственности.

Ключевые слова: гражданское право, вещное право, право собственности, способы приобретения права собственности, способы прекращения права собственности.

The property right in the studies of foreign civilists

The author refers to the publications of modern foreign civilists exploring the category of subjective property rights in order to discover its new facets and opportunities for improving civil law regulation. Immersion in the civil doctrine, which develops the theory of this subjective civil law, has allowed us to consistently identify a number of problems that the efforts of modern civil law are aimed at solving. The author proves the fundamental importance of the category under study and its social role in modern society. The legitimacy and effectiveness of subjective property rights are called as necessary attributes of civil law regulation.

Keywords: civil law, property law, property right, methods of acquiring property rights, methods of termination of property rights.

Истинная свобода недостижима,
а значит, не стоит идти на жертвы
ради ее призрака.

Джонатан Франзен [1, с. 3]

Аксиоматично, что в системе гражданско-правовых категорий право собственности всегда занимало и занимает центральное место и, соответственно, имеет для цивилистической науки основополагающее значение. Когда погружаешься в изучение трудов ученых-цивилистов, посвященных вопросу субъективного права собственности, становится очевидным, что у каждого из них обнаруживается свой стиль, неповторимый почерк. Авторы, проявляя свою самобытность, идут самостоятельным путем, отличаясь яркими индивидуальными чертами. Вот почему представляет научный интерес обращение к публикациям современных зарубежных цивилистов, исследующих категорию права собственности с целью обнаружения ее новых граней и, соответственно, возможностей для решения актуальных задач вещно-правового регулирования. Предметом изучения автора настоящей статьи выступили публикации уче-

ных-цивилистов из Великобритании, Австралии, Ирана: Эвелин Рамекерс, Майкла Джона Вейера, Рут Майнзен-Дик, Алирезы Насери, Хабиба Аллаха Туранга, Вахида Шейкхморади, Пола Х. Рубина, Тилмана Клумппа. Погружение в цивилистическую доктрину, развивающую теорию субъективного права собственности, позволило выделить ряд проблем, на решение которых направлены усилия ученых-цивилистов современности.

Фундаментальность понятия и его место в системе категорий гражданского права. Воспользуемся сравнительно-правовым методом, одним из наиболее эффективных в методологии цивилистики, для того чтобы из анализа совокупности научных работ зарубежных ученых представить собирательный образ категории субъективного права собственности. В первую очередь обратим внимание на оценку постановки самого вопроса о его понятии. Во-первых, этот вопрос современные иссле-

дователи, в частности Эвелин Рамекерс, называют обманчиво простым и, на первый взгляд, решенным [2, р. 588]. На самом деле цивилистика и сегодня находится в активном поиске новых актуальных моделей для данного основополагающего субъективного гражданского права. И новые подходы свидетельствуют о том, что гражданское право уже не выглядит столь консервативно, как казалось исследователям в минувшем XX в. Во-вторых, вопрос понимания права собственности ученые называют социально важным, поскольку он связан со справедливым распределением в обществе материальных благ. Так, Рут Майнзен-Дик утверждает, что данное право налагает серьезные обязанности и влечет за собой ответственность субъектов [3, р. 2]. Для того чтобы быть действительным, констатируют исследователи, право собственности должно обязательно сопровождаться обязанностью других его признавать и уважать. При этом уважение всегда обусловлено действием принципов социальной справедливости и социальной ответственности для обладателей этого сильного вещного права. Подтверждением данного тезиса являются размышления Майкла Джона Вейера о справедливом признании общим правом Австралии титула коренных народов, который предусматривает права, основанные на законах и обычаях народов, ведущих племенной образ жизни [4, р. 17]. В-третьих, вопрос трактовки субъективного права собственности связан с контролем над всеми ресурсами, включая ресурсы ограниченные. Вот почему сегодня, например, активно обсуждаются проблемы управления водными ресурсами в сельском хозяйстве и анализируется вытекающее из субъективного права собственности правомочие на устойчивое орошение. В-четвертых, вопрос понимания категории права собственности, констатируют ученые, в частности Эвелин Рамекерс, соединяет разные интересы и обеспечивает реализацию потребностей разных социальных групп в обществе. Задачей гражданского закона, утверждает автор, является предоставление участникам гражданских правоотношений набора инструментов для достижения их желаний. При этом предварительно должны быть определены типы интересов, которые могут быть рассмотрены как имущественные, и решен вопрос о гражданско-правовых средствах для реализации и защиты данных интересов [2, р. 589]. В-пятых, вопрос понятия субъективного права собственности, как утверждает Майкл Джон Вейер, является государственно важным, поскольку именно

государство обеспечивает исключение всех третьих лиц из доступа к объекту права собственности. Государство, рассуждает ученый, будет подавлять гражданские свободы третьих лиц в той мере, в какой они входят в сферу владения имуществом. Это составляет основу концепции собственности, ибо в данном субъективном праве заложено наиважнейшее правомочие исключать всякое другое лицо из доступа к его объекту, что обеспечивается принудительной силой государства [4, р. 18]. Наконец, вопрос субъективного права собственности связан с глобальной проблемой сочетания частных и публичных интересов. Как считают иранские ученые, он связан с ограничениями, налагаемыми законом в связи с существованием общественных интересов, общественной дисциплиной и социальными льготами [5].

Проведенный научный анализ работ зарубежных цивилистов позволил выделить пять основополагающих характеристик субъективного права собственности. Во-первых, ученые неизменно подчеркивают его древнее происхождение, берущее начало с простейшей фразы «это мое» [2]. Во-вторых, указывается на его служебную роль (функциональное значение) в условиях свободного рынка и капиталистической конкуренции [6]. Функциональная роль проявляется, считают авторы, как в познавательной (научной) деятельности, так и в практическом применении полученных знаний в правотворчестве с целью эффективного развития имущественных отношений принадлежности материальных благ. В-третьих, понятие субъективного права собственности является абстрактным [4], ибо представляет собой обобщенную идею, выражающую существенные признаки и свойства устанавливаемых гражданских правоотношений. Абстрактность доказывается и созданными теориями, обосновывающими необходимость данного права: «оккупации», «труда», «свободы» и «прибыли». В-четвертых, в настоящее время право собственности, несмотря на его главенствующую роль в системе вещных прав, определяют как право ограниченное, ибо его развитие в законодательствах стран мира связано с ростом пределов и ограничений возможностей собственника. Особенно очевидно эту тенденцию демонстрируют исламские государства, включая Исламскую Республику Иран. Цивилисты из Ирана считают главным звеном института права собственности именно систему необходимых на сегодняшний день ограничений права частной собственности [5]. Наконец, ученые единодушны в признании за категори-

ей субъективного права собственности фундаментального характера. И в доказательство этого признака возможно привести, по крайней мере, десяток научных аргументов. Первый заключается в констатации того, что это право составляет фундамент всей системы гражданского права, оправдывая свое значение основы (*fundamentum*). Второй связан с закономерностями развития общества. Вот почему так близки цивилистика и экономическая теория. Открытые закономерности экономического развития находят свое выражение в системе норм института права собственности, также имеющих закономерный и научно обоснованный характер. И здесь очень велика цена ошибки, например, в признании утопией экономической теории К. Маркса или его оппонентов, доказывающих, что право частной собственности является естественным правом человека, подлежащим защите посредством осуществления государственной власти. Третий аргумент, доказывающий фундаментальность субъективного права собственности, состоит в его связи с базовыми принципами гражданского законодательства. И здесь актуальным является не только принцип неприкосновенности собственности (ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [далее – ГК РФ]), но и все другие основные начала, включая равенство, свободу, добросовестность, невмешательство, беспрепятственность реализации и судебную защиту. Четвертый аргумент – концептуальная роль права собственности для развития гражданского законодательства. В его основу могла быть положена концепция единого и ведущего права государственной социалистической собственности, признававшаяся советским гражданским правом, или получившая развитие в современных условиях концепция признания и защиты права частной собственности. Пятый аргумент в пользу фундаментального характера права собственности связан с его главной ролью в системе иных категорий гражданского права. Именно право собственности обеспечивает необходимое взаимодействие всех элементов системы, выполняя главную, системообразующую роль. В-шестых, субъективное право собственности как категория актуально для практики, в чем также отражается его фундаментальный характер. Доказательством данного признака служат многочисленные примеры гражданских дел, рассмотренных, в частности, российскими судами, в аргументации решений которых используется теоретическая конструкция права собственности. В-седьмых, для права собственности очевидна корректи-

рующая роль в развитии гражданских правоотношений, что также подтверждает его фундаментальный характер. В-восьмых, очевиден стимулирующий характер субъективного права собственности, оказывающий позитивное влияние на развитие других имущественных отношений в их системе. В-девятых, несомненно гносеологическое значение исследуемой категории. Она активизирует познавательные процессы в цивилистической науке, способствуя открытию новых знаний. Наконец, категория субъективного права собственности проявляется и в возможностях открытия с его помощью новых решений стратегических задач развития современного общества. Итак, исследуемое нами понятие права собственности является древним, функциональным, абстрактным, ограниченным и, что особенно важно подчеркнуть, фундаментальным в цивилистике.

Развитие теоретических представлений о понятии права собственности. В отечественной цивилистике долгие годы понятие субъективного права собственности ориентировалось на триаду правомочий собственника. В советский период понятие, по сути, к этим правомочиям сводилось. И здесь цивилистическая наука и законодатель были единодушны. В 90-е гг. прошлого века в ходе работ по кодификации гражданского законодательства была предпринята попытка отказаться от жесткой связи категории права собственности с правомочиями владения, пользования и распоряжения. Появилось много научных работ, в которых содержалась критика триады как концентрированного выражения субъективного права собственности. Однако законодатель в первой части нового ГК РФ занял промежуточную позицию, соединив в ст. 209 старый и новый подходы к трактовке понятия. В результате раздел кодифицированного закона по-прежнему начинается с констатации принадлежности собственнику правомочий владения, пользования и распоряжения. При этом п. 2 данной статьи указывает уже на возможность собственника совершать с принадлежащим ему имуществом любые действия по своему усмотрению. В ходе разработки Концепции развития гражданского законодательства РФ российская цивилистическая наука активизировалась в направлении размышлений о понимании центральной категории вещного права. Некоторым итогом явилась отдельная статья проекта разд. 2 ГК РФ «Вещное право», посвященная данному понятию. Однако подготовленный проект так и не был принят законодателем. Возможно, тем самым цивилистической науке был дан шанс более основательно подойти к его

разработке. Вот почему обращение к исследованиям зарубежных цивилистов, посвященным данной проблематике, является перспективным и плодотворным.

Рассмотрим три подхода к пониманию права собственности, которые, с нашей точки зрения, довольно оригинальны и представляют собой попытки вдохнуть в старую конструкцию что-то новое. Первый подход содержится в исследовании Пола Х. Рубина и Тилмана Клумппа, представляющих университет Эмори. В трактовке этих авторов право собственности может иметь идеализированную и реальную формы. В идеальном представлении это сильная форма власти над активом. Однако если исходить из реальности, то право собственности должно рассматриваться как «связка палок», включающая четыре группы прав (С, В, Е, Т). В группу С включено право на контроль и принятие решений об использовании. Вторая группа (В) ограничивается возможными претензиями к стоимости актива. Следующая группа правомочий (Е) позволяет не допускать других к использованию актива. Наконец, группа прав Т дает возможность разделять в единонаследии право собственности на правомочия и передавать их другому держателю [6]. Интересно, что право собственности, регулирующее отношения между собственником и другими лицами по отношению к имуществу, здесь называется «правом против мира» в отличие от прав, рождаемых договором, т.е. обязательственных. Право собственности может быть зарегистрированным или незарегистрированным, может передаваться бессрочно или на определенный срок, при этом оно всегда ограничивается целым рядом факторов. В частности, ограничения могут быть связаны с правами других лиц, если речь идет, например, о загрязнении и шуме, требованиями закона, когда устанавливаемые нормы защищают животных от жестокого с ними обращения, или государственной политикой, направленной на сохранение культурных ценностей и поддержание должного уровня эстетических стандартов. Авторы замечают, что возможно обнаружить некоторое противоречие общего подхода к понятию как к набору прав, или «связке палок», реальному положению дел, когда из этого набора целый ряд возможностей выпадает. Тогда право собственности оказывается похожим на другие гражданские права, теряя свою индивидуальность. Однако такой вариант развития событий не колеблет уверенности авторов в правильности избранного подхода.

И если собственник желает сохранить большой набор правомочий, то он, как считают

авторы, должен предпочесть всем другим капиталистическую систему организации экономических отношений.

Второй подход к пониманию субъективного права собственности, на котором остановим свое внимание, содержится в работе Рут Майнзен-Дик, посвященной праву собственности в связи с решением проблемы устойчивого орошения в развивающихся странах. Здесь автор приводит целый ряд подходов к определению права собственности. В частности, подчеркивает, что его можно назвать правом на притязания и поток выгод, правом на притязания и связанные с ним обязательства, а можно делать акцент на том, что это главным образом социальный институт. Социальность права собственности Рут Майнзен-Дик иллюстрирует возможностями фермеров пользоваться водой для полива. Так, один фермер может иметь право на воду, но не иметь к ней доступа, так как те, кто живут выше по течению, берут слишком много воды. Другой фермер может иметь доступ к воде благодаря физическому местонахождению, но не иметь на эту воду прав. Третьи водопользователи, и таких достаточно много, не имеют ни официально оформленных прав, ни доступа к воде, хотя от этого зависит возможность получения средств к существованию. Вот почему автор призывает рассматривать право собственности в первую очередь как социальный институт, который должен не разделять, а связывать людей. Субъективное право собственности сегодня не должно подразумевать возможность субъекта делать с ресурсом все, что угодно. Законодателю важно обеспечить участников гражданско-правовых отношений набором прав, которым могут воспользоваться разные претенденты, нуждающиеся в использовании ограниченного ресурса [3]. Таким образом, социальная направленность права собственности в данном конкретном случае заключается в необходимости учета различных интересов и установления для их удовлетворения адекватного набора правомочий для собственника ирригационных систем.

Третий подход понимания права собственности изложен в работе Эвелин Рамекерс из оксфордского колледжа Уодхэм. Ее труд так и называется «Что такое право собственности?». Не соглашаясь с позициями своих предшественников по поводу исследуемого понятия, данный автор предлагает вниманию читателей принципиально новую кубическую его модель. Цель нового подхода заключается в том, чтобы уйти от национальных определений права собственности, сделав конструкцию стандар-

тно обобщенной. Куб складывается из ядра и нормативной правовой базы, окружающей ядро. Ядро визуализирует три измерения права собственности. Первое измерение включает вещи, которые могут быть объектами данного права. Второе – содержание права собственности, т.е. возможности его обладателя. Третье отражает временной показатель действия права. Функционирование ядра модели регулируется набором правил, содержащихся в нормах права. Весь куб Эвелин Рамекерс назвала системным, состоящим из кубов второстепенных. Они представляют различные виды объектов, измеряют глубину права и определяют его возможные ограничения во времени существования [2]. Представленная кубическая модель еще раз доказывает абстрактность изучаемого права и, как ни парадоксально, сближает цивилистику с геометрией.

Итак, можно заключить, что зарубежная цивилистика находится в активном поиске новых подходов к пониманию субъективного права собственности. Некоторые из них очевидно оригинальны. Другие напоминают отечественный набор правомочий, правда, в другом его наполнении. Третьи хотя и ориентированы на связь с ограниченными ресурсами, но, как представляется, являются сущностно верными. Действительно, современное понимание права собственности не может восприниматься в отрыве от решений насущных социальных задач, а значит, не может не обладать такой характеристикой, как социальность.

Право собственности и капитализм. В исследованиях по гражданскому праву ученые обычно не уделяют должного внимания роли института права частной собственности в развитии общества. В том числе не является предметом исследования для российских цивилистов определение ее значения для современного капитализма. В связи с этим не могут не представлять интерес для российского читателя разработки зарубежных авторов, посвященные роли института частной собственности в развитии капиталистического производства.

Так, Пол Х. Рубин и Тилман Клумпп выделяют, по крайней мере, три основополагающих значения частной собственности для развития капитализма. При этом свое исследование авторы начинают с утверждения, что только уважение частной собственности может обеспечить процветание общества. Напротив, те общества, которые пытаются частную собственность уничтожить, обречены на неудачи.

Итак, первое значение частной собственности состоит в ее возможностях обеспечивать

эффективное использование ресурсов, в том числе ограниченных. Любое общество призвано оградить имеющиеся ресурсы от истощения, одновременно обеспечив достаточное инвестирование в их развитие. Способов управления ресурсами существует достаточно много. Среди них государственное регулирование, местное управление, общественная собственность. Однако только частная собственность, по мнению авторов, как форма управления доступом к ресурсам может быть по-настоящему эффективной. Для иллюстрации роли частной собственности в эффективном использовании земли авторы приводят конкретный пример эксплуатации участка пастбища. Ресурсы данного земельного участка уменьшаются с увеличением общего количества скота, имеющего к нему доступ. Неограниченные возможности для пользователей истощают ресурс, уменьшая его ценность. Этот эффект называют «трагедией общего достояния». Для того чтобы не допустить трагедии истощения ресурса, устанавливается частная собственность. Тогда у владельца появляется стимул ограничить пределы использования, установив ограничения в размере пасущегося стада. Если у самого владельца земли нет скота, он может сдавать землю в аренду, дав доступ к пастбищу другим скотоводам, по цене, которая обеспечит ее оптимальное использование. И тогда неэффективное использование ресурса с большой долей вероятности будет предотвращено. Кроме того, право частной собственности позволит предпринимателям получать адекватную компенсацию за свои средства, инвестируемые в сохранение ресурса земли.

Второе положительное значение частной собственности, по мнению ученых, состоит в облегчении торговли, которая, в свою очередь, способствует прогрессивному развитию экономики. Для того чтобы люди добровольно участвовали в актах обмена, государством должно быть признано и защищено право частной собственности. Участники гражданского оборота должны быть снабжены гарантиями защиты своих прав. Получатель должен быть уверен в законности титула, который он собирается получить, а также в иммунитете от вмешательства третьих лиц в приобретенное имущество. Также должны быть гарантированы права для продавца, отчуждающего имущество и получающего за него оговоренную плату. Этот, казалось бы, простой механизм купли-продажи может опираться только на существование частной собственности, получившей необходимое признание и доверие в обществе. Ста-

бильные права собственности необходимы и для накопления ресурсов в форме капитала. Стимулы для сохранения ресурсов есть тогда, когда отсутствует возможность для третьих лиц их присвоить. Право частной собственности позволяет предпринимателям поставлять ресурсы в обмен на требование доходов, которые этими ресурсами генерируются. Таким образом обеспечиваются права инвесторов, идущих на риск, связанный с самим бизнесом, но не рискующих лишиться прибыли (присвоения) в случае успеха.

Наконец, право частной собственности, считают авторы, помогает разрешать конфликты, которые возникают из-за противоречивого использования ресурсов. И этот тезис также иллюстрируется конкретным примером.

Так, например, жители страдают от того, что находящаяся рядом фабрика загрязняет своими выбросами воздух. И здесь может быть соизмерим ущерб жителей (снижение качества жизни, затраты на лечение от болезней) с ущербом фабрики (упущенная выгода от прекращения производства или установки очищающих воздух фильтров). При этом стороны могут достичь экономически взаимовыгодной договоренности. Жители могут согласиться платить больше за то, чтобы не допустить загрязнение, и это позволит фабрике установить фильтры и прекратить вредные выбросы. Такое решение вопроса позволяет людям жить комфортно, а фабрике продолжить производственную деятельность, обеспечив в том числе сохранение рабочих мест. Так система капиталистической частной собственности помогает предотвращать конфликты, эффективно обеспечивая соблюдение имущественных прав.

Общий вывод, к которому приходят авторы, состоит в том, что капитализм не может существовать без права частной собственности, которое дополняется для профессиональных участников гражданского оборота (предпринимателей) свободным рынком и конкуренцией при организации обмена [6].

Необходимые атрибуты гражданско-правового регулирования права собственности. Цивилистическая наука всегда находится в поиске необходимых, отвечающих требованиям времени атрибутов для входящих в систему гражданского права институтов. Термин *attributio* означает приписывание, соответственно, можно сказать, что законодатель использует определенные знаки отличия, которыми наделяет совокупность тех или иных гражданско-правовых норм, тем самым определяя их качественное своеобразие. Вот об

этих качественных характеристиках, необходимых для современного института права собственности, рассуждают иранские ученые Алезера Назери, Хабиб Аплах Турани и Вахид Шейкморради. Гражданское законодательство этой страны, обладающей четвертой по размеру ВВП экономикой в исламском мире и второй по размеру в Западной Азии, не может не привлекать внимание российских цивилистов. Кроме того, здесь имеет значение и экономическое сотрудничество между Россией и Ираном, берущее начало в XVI в. и остающееся тесным на сегодняшний день.

Право собственности, считают иранские ученые, занявшее сегодня «высокую и прочную позицию» по сравнению с другими гражданскими правами, не может не подчиняться научно обоснованным правилам, содержащимся в гражданском законодательстве. При этом истоки необходимых атрибутов для регулирования отношений принадлежности материальных благ должны лежать в конституции страны. Для иранской правовой системы может быть обнаружено по крайней мере три атрибута такого рода. Как представляется, эти качественные отличия являются актуальными и для урегулирования отношений собственности в Российской Федерации, вот почему считаем плодотворным обратиться к их анализу.

Первым и, пожалуй, самым значимым атрибутом для субъективного права собственности, по мнению иранских ученых, является его легитимность. О законном основании права собственности говорят статьи Конституции Исламской Республики Иран (ст. 44, 22, 47, 46, 49). Основной закон подчеркивает, что уважаемой в стране является только законная собственность, а предприниматели имеют право на результаты исключительно законного бизнеса. Идея легитимности права собственности предполагает, что неприкосновенной в этой стране является не любая собственность, а только приобретенная законным путем. Накопление богатства незаконными способами, в том числе в результате ростовщичества, воровства, взяточничества, азартных игр, ненадлежащего использования государственных контрактов, влечет за собой нелегитимность, а значит, недействительность права. Приобретенное таким образом имущество подлежит передаче законному владельцу, а если таковой не известен, передается в национальную казну (ст. 49 Конституции Ирана). Реализация данного конституционного предписания, подчеркивают ученые, должна быть особенно тщательной, ибо является основой стабильности всей правовой

системы Ирана. Истоки требования законности к праву собственности и ведению бизнеса заложены в Священном Коране – священной книге мусульман, а в настоящее время это требование последовательно проводится в жизнь в нормах гражданского законодательства.

Вторым необходимым атрибутом гражданско-правового института права собственности, по мнению авторов, является эффективность данного субъективного права. Поддержка собственности государством в этой стране связана с критерием экономического роста и процветания общества. Если собственность причиняет обществу вред или вызывает замедление в его экономическом развитии, она не будет пользоваться какой-либо поддержкой и защитой государства. Признак эффективности оказывается важным, поскольку государство заинтересовано в экономической независимости общества, искоренении нищеты и удовлетворении потребностей людей. В Конституции Ирана подчеркивается (ст. 43), что право собственности не может использоваться законным владельцем любым способом, а обязано быть результативным, т.е. приводить к экономическому росту и прогрессу в обществе.

Третий атрибут гражданско-правового института права собственности – это система ограничений для данного права. Так, необходимым ограничением в реализации права собственности в Иране является развитие городов, которое должно быть упорядоченным, удовлетворять потребности граждан и сводить городские проблемы к минимуму.

Законодатель ограничивает право собственности в интересах урбанизма, обеспечивая тем самым безопасность, здоровье и комфорт городской жизни. Документом, который создает гарантии соблюдения ограничений, является разрешение на строительство, в котором должен быть указан тип использования здания в соответствии с комплексным планом развития города. Таким образом, все участники гражданско-правовых отношений обязаны использовать свою собственность в соответствии с городскими правилами, а любое несанкционированное владение влечет за собой неблагоприятные имущественные последствия. На собственников возлагается принятие эффективных мер для защиты города от угроз наводнений и пожаров, предотвращения опасности от строительных конструкций, наполнения и закупорки колодцев и ям на дорогах. Собственники жилья в Иране не должны размещать какие-либо предметы на балконах, в подъездах с видом на общественные места и рядом с ними.

В случае нарушения этих важных ограничений муниципалитеты имеют право применять санкции, чтобы реализовать необходимые нормы в области соблюдения красоты и чистоты градостроительства.

Четвертый атрибут гражданско-правового регулирования отношений собственности – это система норм о национализации. Само это слово подчеркивает значение данного основания прекращения права собственности для всей нации. В результате национализации часть частной собственности полностью и безусловно переходит в сферу публичной (общественной) собственности, иначе говоря, выделяется нации. Государство Иран может прибегнуть к национализации в двух случаях: а) когда система частной собственности оказывается неспособной управлять ресурсами или заниматься определенной экономической деятельностью; б) когда частная собственность приобретает важное экономическое значение, становясь источником национального богатства. Правом государства считается возможность использовать самостоятельно свои собственные ресурсы и богатство нации. В процессе проведения национализации правительство действует от имени общества, последовательно исполняя волю народа. Целью национализации является использование национальных ресурсов и богатств для повышения благосостояния людей. Национализация способствует проведению экономических реформ и обеспечению социальных выгод, а значит, является важнейшим способом управления национальной экономикой [5].

Опыт законодательства Ирана может быть плодотворно использован при совершенствовании гражданского законодательства в нашей стране. Это касается государственной защиты исключительно легитимного права собственности и применения неблагоприятных последствий санкционного характера по отношению к имуществу, добытому незаконным путем. Заслуживает одобрения и может быть плодотворно использована в отечественном гражданском законодательстве идея эффективности (результативности) субъективного права собственности, заключающаяся в необходимости его служения исключительно экономическому росту и общественному прогрессу. Интересен опыт гражданско-правового регулирования и практической реализации норм, посвященных национализации. Нельзя забывать истинное значение этого способа прекращения права частной собственности, состоящего в служении всему обществу. Вот почему законодатель-

ству о национализации в нашей стране следует уделить особое внимание, исходя из ее роли в проведении экономических и социальных реформ. Наконец, имеет определенные перспективы для российского законодательства система ограничений субъективного права собственности, устанавливаемых, в частности, в интересах урбанизма, т.е. обеспечения безо-

пасности, здоровья и комфорта жизни граждан в городах.

Слова Джонатана Франзена, избранные в качестве эпиграфа к публикации, символичны, ибо свидетельствуют о новой тенденции в развитии современного общества, уходящего от культа свободы, в том числе абсолютной свободы частной собственности.

1. Франзен Дж. Свобода: роман / пер. с англ. Д. Горяниной и В. Сергеевой. М., 2011.

2. Ramaekers E. *What is Property Law* // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2017. Vol. 37.

3. Meinzen-Dick R. *Property rights and sustainable irrigation: A developing country perspective* // *Agricultural Water Management*. 2014. Vol. 145.

4. Weir M. *Concepts of property* // *The National Legal Eagle*. 2001. Vol. 7. Iss. 1.

5. Naseri A., Toorang A.H., Sheikmoradi V. *Restrictions on the Right to Private Property in the Iranian Legal System* // *International journal of humanities and social sciences*. 2016.

6. Rubin P.H., Klumpp T. *Property Rights and Capitalism* // *The Oxford Handbook of Capitalism*. 2011.

1. Franzen J. *Freedom: a novel* / transl. from English by D. Goryanina and V. Sergeeva. Moscow, 2011.

2. Ramaekers E. *What is Property Law* // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2017. Vol. 37.

3. Meinzen-Dick R. *Property rights and sustainable irrigation: A developing country perspective* // *Agricultural Water Management*. 2014. Vol. 145.

4. Weir M. *Concepts of property* // *The National Legal Eagle*. 2001. Vol. 7. Iss. 1.

5. Naseri A., Toorang A.H., Sheikmoradi V. *Restrictions on the Right to Private Property in the Iranian Legal System* // *International journal of humanities and social sciences*. 2016.

6. Rubin P.H., Klumpp T. *Property Rights and Capitalism* // *The Oxford Handbook of Capitalism*. 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета; e-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

L.V. Schennikova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Kuban State University; e-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

---

Абросимов Антон Вячеславович

К вопросу о принципе добросовестности в материальном и процессуальном праве

Анализируются различия в назначении и специфические особенности применения и функционала принципа добросовестности в российском гражданском, гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве. Рассматриваются различные доктринальные позиции в совокупности с правовыми нормами в исследуемой сфере.

Ключевые слова: процессуальное право, принцип добросовестности, гражданское право, гражданский процесс, арбитражный процесс, злоупотребление правом, недобросовестность, процессуальные права.

On the issue of the good faith principle in civil and civil procedural law

This study is devoted to the analysis of the differences in the purpose and specific features of the application, the functionality of the good faith principle in Russian civil, civil procedural and arbitration procedural law. The article devoted to the consideration of various doctrinal positions in conjunction with legal norms in the area under consideration.

Keywords: procedural law, good faith principle, civil law, civil process, arbitration process, abuse of law, dishonest behaviour, procedural rights.

Принцип добросовестности является одним из значимых принципов российского гражданского права. Также он зачастую рассматривается как оценочная правовая категория. Как и любым другим оценочным категориям, добросовестности свойственны нечеткость формулировок, отсутствие единого определения и, по всей видимости, невозможность такое определение сформулировать. По крайней мере, формулировка определения добросовестности в гражданском или гражданском и арбитражном процессуальном праве невозможна без существенного изменения функционала и правил применения данного правового понятия.

Несмотря на отсутствие четких дефиниций, российская судебная практика давно уже выработала свои подходы к трактовке добросовестности. Добросовестность выполняет стандартизирующую функцию, автоматически ставя под сомнение поведение участника гражданских правоотношений, существенно отличающееся от принятой деловой практики и «требований разумности и добросовестности». Данная позиция отражена как в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, так и в работах ряда исследователей гражданско-правовых оценочных категорий, в частности Н.И. Беседкиной [1].

Применительно к добросовестности в гражданском праве могут использоваться различные лексические конструкции: ее можно рассматривать как правовое понятие, правовой

принцип, оценочную или правовую категорию. Особенности их трактовки зависят от того, в каком контексте рассматривается правовое понятие добросовестности – как общее правовое явление или часть отдельного правового института (например, приобретательной давности, добросовестности приобретения или др.). Стоит отметить, что в исследовании С. Рейнхольда, посвященном международному праву и связанным с этим дипломатическим отношениям, встречается взгляд на добросовестность как на «общее правило» [2]. Применение подобных понятий в публичном праве, на первый взгляд, может показаться не слишком уместным, однако особенностью международного права как раз является юридически равный статус различных субъектов, что вносит в международные правовые отношения определенную диспозитивность.

Представляется, что подобный взгляд вполне актуален и для российского гражданского права: добросовестность в нем действительно является общим правилом реализации прав и законных интересов участников гражданских правоотношений. В частности, нормы ст. 10 ГК РФ распространяются на самые разнообразные общественные отношения, возникающие в ходе гражданского оборота, и могут использоваться применительно к различным видам сделок, предусмотренных гражданским законодательством. При этом как участники гражданских правоотношений, так и стороны гражданского или арбитражного процесса име-

ют значительную свободу относительно путей реализации своих прав и законных интересов.

Рассматривая процессуальные правоотношения, нельзя не отметить их усложненность участием органа власти. Диспозитивность и свойственная гражданским правоотношениям свобода действий частично сужается в том случае, если возникает судебный спор. Отсутствие четких процедурных предписаний, свойственное гражданскому праву, также не характерно для права процессуального. Тем не менее в судебном процессе вопросы злоупотребления правом не перестают быть актуальными. Состязательность, свойственная гражданскому и арбитражному процессу, право на отложение судебных заседаний, возможность сознательного затягивания судебного процесса, а также ряд других обстоятельств обуславливают необходимость пресечения судом заведомо недобросовестных действий сторон. Помимо этого, суду необходимы понятия, применимые при явных нарушениях закона сторонами. Недобросовестность является безусловно применимым понятием при совершении противоправных деяний.

Стоит отметить, что одним из главных назначений как ст. 10 ГК РФ, так и ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ является создание в правовой системе механизмов, которые не допустят для какой-либо из сторон правоотношений извлечение выгоды из злоупотребления своими правами, в особенности в том случае, если извлечение неправомерной выгоды осуществляется правовыми методами и замаскировано под правомерное поведение, подкреплено ссылками на правовые нормы. Потребность в подобных нормах обусловлена необходимостью учитывать не только букву закона, но и дух и принципы права. В тех аспектах, где государство и право не регулируют общественные отношения в полной мере, следует установить основные принципы и понятия, которые будут препятствовать действиям в обход закона с противоправной целью. Поскольку даже при регулировании процессуальных правоотношений отсутствует возможность напрямую влиять на правомерность намерений действий сторон, возникает необходимость в использовании оценочных категорий разумности и добросовестности.

В научной доктрине встречаются различные позиции относительно добросовестности в материальном и процессуальном праве. По мнению Е.В. Вавилина и А.В. Чекмаревой, добросовестность является межотраслевым понятием, а судам следует эффективно про-

тивнодействовать злоупотреблению правом [3]. Т.О. Третьякова также рассматривает добросовестность как понятие, универсальное для различных отраслей права и, помимо этого, связанное с концепцией законного интереса. По ее мнению, добросовестным является такое поведение, при котором лицо правомерно пользуется своими правами [4].

Как уже упоминалось выше, взаимосвязь принципов диспозитивности и добросовестности представляется весьма тесной. Именно с указания на данную взаимосвязь начинается свою статью, в частности, А.А. Алексеев [5]. Данный автор указывает на проблему противопоставления прав и свобод одних лиц правам и свободам других, нередко возникающую на практике. То есть когда одному лицу предоставляется слишком много прав либо это лицо слишком активно ими пользуется, может возникнуть дисбаланс в реализации прав различных участников гражданских правоотношений. Сложно не согласиться с тем, что именно на уменьшение возможности «вторгаться» в область прав и законных интересов других лиц направлен принцип добросовестности. В работе А.Б. Кубравы также встречается упоминание о взаимосвязи принципа свободы договора и принципа добросовестности в схожем контексте: по мнению данного автора, принцип добросовестности в некоторой мере противопоставлен свободе договора и служит противовесом неограниченной свободе, придавая гражданским правоотношениям большую упорядоченность [6]. Безусловно, представляется возможным констатировать, что принципы свободы договора (в узком смысле), диспозитивности (в более широком смысле) и добросовестности в определенной мере антагонистичны, однако, по существу, такой антагонизм обусловлен тесной связью этих принципов, их способностью к взаимному дополнению. Стоит отметить, что в контексте рассмотрения процессуальных правоотношений следует рассуждать о диспозитивности и состязательности в широком смысле, а в случае, когда речь идет о гражданских правоотношениях, можно говорить и о принципе свободы договора как важнейшем принципе гражданского права. В процессуальном праве доктрина добросовестности имеет то же назначение, что и в материальном: ограничение реализации прав законными интересами, нормами правами и интересами других лиц.

С.К. Соломин в своей работе упоминает про подразделение добросовестности на добросовестность в объективном и добросовестность в субъективном смысле применительно к ма-

териальному праву [7]. Под последней обычно понимается неосведомленность лица о том, что его действия выходят за рамки закона или нарушают законные права и интересы других лиц. Представляется, что в процессуальном праве, в отличие от материального, данная дифференциация не является актуальной. С точки зрения судьи, принимающего решение и отклоняющего ходатайства, любое недобросовестное поведение стороны в ходе процесса представляется недобросовестным в объективном смысле. Более того, учитывая специфику процессуального законодательства, совершение недобросовестных действий в процессе рассмотрения судебного спора по незнанию представляется более маловероятным, нежели в гражданских правоотношениях.

А.Р. Султанов отмечает, что тенденции к увеличению роли принципа добросовестности свойственны российскому как гражданскому, так и гражданскому процессуальному праву [8]. Данный автор рассматривает гражданский процесс как закономерное продолжение гражданских правоотношений. Такой подход представляется релевантным текущему положению дел, однако, несмотря на это, следует отметить, что процессуальные правоотношения имеют отличную от обычных гражданских правоотношений специфику в силу своей особой регламентации, наличия некоторых норм, предусматривающих уголовную ответственность участников судебного процесса, в частности ст. 307 УК РФ. В то же время ложь в гражданских правоотношениях зачастую не влечет за собой никаких предусмотренных уголовным законом неблагоприятных последствий, во всяком случае если в недобросовестном поведении отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ или другими нормами Уголовного кодекса РФ.

Рассматривая взаимосвязь между различными отраслями права, Д.М. Ананьин указывает на то, что запрет реализовывать гарантированные законом права и интересы во вред другим лицам восходит к конституционному праву [9]. По его мнению, в России существует межотраслевой принцип запрета злоупотребления правом. Однако, поскольку нормы Конституции РФ сравнительно редко применяются напрямую, судить о наличии или отсутствии

того или иного принципа в правовой отрасли следует все же по отраслевому законодательству. Безусловно, конституционные нормы могут применяться напрямую и, как отмечал Р.Р. Лугманов, данное обстоятельство способствует более частому применению принципа добросовестности в силу популяризации «преобразующего конституционализма» в различных иностранных правовых системах [10], а также иных подходов, предполагающих прямое действие и применение конституционных норм в гражданских правоотношениях [11]. В исследовании Э. Хатчинсона, помимо данных тенденций, указывается на тенденцию имплементации доктрины добросовестности некоторыми странами англосаксонской правовой семьи.

Таким образом, как в материальном, так и в процессуальном гражданском праве существует правовое понятие и соответствующий ему принцип добросовестности. В обеих отраслях установлены запрет на злоупотребление правом и нормы, направленные на недопущение извлечения неправомерной выгоды из недобросовестных действий. Однако процессуальное законодательство ставит перед правоприменителем и сторонами гораздо более четкие рамки, которые частично противоречат существу формально неопределенной правовой категории добросовестности. В процессуальных правоотношениях судья не только выносит суждения относительно недобросовестности того или иного лица, но также активно участвует в правоотношениях, предотвращая нарушение процессуального порядка, в том числе производимое путем злоупотребления процессуальными правами. При этом формальный состав ст. 307 ГК РФ делает саму по себе сознательную ложь в судебном процессе уголовно наказуемым деянием, в то время как в гражданском обороте уголовно наказуемым является в первую очередь хищение чужого имущества. Нельзя не отметить характерные черты принципа добросовестности, неотъемлемо присущие ему на современном этапе развития российской правовой системы: он носит общий характер, а нормы, призванные обеспечить добросовестность участников правоотношений, проходят сквозь все гражданское законодательство, делая возможным их применение по отношению к любым видам сделок и почти на любом этапе спора.

1. Беседкина Н.И. Разумность, добросовестность и справедливость в системе оценочных категорий частного права // Образование и право. 2016. № 2. С. 98–105.

1. Besedkina N.I. Reasonableness, conscientiousness and justice in the system of evaluative categories of private law // Education and Law. 2016. No. 2. P. 98–105.

2. Reinhold S. *Good Faith in International Law* // *UCL Journal of Law and Jurisprudence. Bonn Research Paper on Public International Law*. 2013. № 2. P. 40–63.

3. Вавилин Е.В., Чекмарева А.В. *Некоторые проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей: материальный и процессуальный аспекты* // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2020. № 451. С. 196–202.

4. Третьякова Т.О. *Проблемы злоупотребления процессуальным правом в гражданском и арбитражном процессе* // *БГЖ*. 2018. № 2(23). С. 418–420.

5. Алексеев А.А. *Злоупотребление правом в гражданском процессе России* // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Право*. 2017. С. 51–55.

6. Кубрава А.Б. *Соотношение принципов свободы договора и добросовестности* // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2019. № 1. С. 107–109.

7. Соломин С.К. *Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы* // *Вестник ОмГУ. Серия: Право*. 2016. № 2(47). С. 75–85.

8. Султанов А.Р. *Ложь, добросовестность в гражданском праве и процессе* // *Евразийская адвокатура*. 2019. № 5. С. 62–66.

9. Ананьин Д.М. *Процессуальная активность суда в противодействии злоупотреблениям процессуальными правами* // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2019. № 4. С. 87–91.

10. Лугманов Р.Р. *Принцип добросовестности как средство развития права* // *Право и политика*. 2021. № 5. С. 60–75.

11. Hutchison A. *Good Faith In Contract: A Uniquely South African Perspective* // *Journal of Commonwealth Law*. 2019. № 1. P. 227–271.

2. Reinhold S. *Good Faith in International Law* // *UCL Journal of Law and Jurisprudence. Bonn Research Paper on Public International Law*. 2013. No. 2. P. 40–63.

3. Vavilin E.V., Chekmareva A.V. *Some problems of conscientious exercise of rights and performance of duties: material and procedural aspects* // *Tomsk state university journal*. 2020. No. 451. P. 196–202.

4. Tretyakova T.O. *Problems of procedural law abuse in civil and arbitration proceedings* // *Baltic humanitarian journal*. 2018. No. 2(23). P. 418–420.

5. Alekseev A.A. *Abuse of the right in the civil process in Russia* // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2017. P. 51–55.

6. Kubrava A.B. *Correlation between the principles of contract freedom and good faith* // *North Caucasian Legal Bulletin*. 2019. No. 1. P. 107–109.

7. Solomin S.K. *The theory of good faith in Russian civil law: formation, development, prospects* // *Vestnik OmGU. Series: Law*. 2016. No. 2(47). P. 75–85.

8. Sultanov A.R. *Lie, good faith in civil law and process* // *Eurasian Advocacy*. 2019. No. 5. P. 62–66.

9. Ananyin D.M. *Procedural activity of the court in counteracting the abuse of procedural rights* // *Electronic supplement to the Russian legal journal*. 2019. No. 4. P. 87–91.

10. Lugmanov R.R. *The good faith principle as a cure of law developing* // *Law and Politics*. 2021. No. 5. P. 60–75.

11. Hutchison A. *Good Faith In Contract: A Uniquely South African Perspective* // *Journal of Commonwealth Law*. 2019. № 1. P. 227–271.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Абросимов Антон Вячеславович, аспирант, стажер-исследователь Центра исследований и экспертиз юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: abrosimov.aav@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.V. Abrosimov, Postgraduate Student, Trainee Researcher of the Center for Research and Expertise of Law faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: abrosimov.aav@yandex.ru

---

Ларичев Василий Дмитриевич
Панкратьев Анатолий Николаевич

Порядок направления налоговыми органами материалов для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях

С изменением порядка принятия процессуальных решений по фактам совершения налогового преступления возникли правовые неопределенности, касающиеся особенностей направления налоговыми органами материалов в следственные органы при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления. В статье рассматривается указанная и ряд смежных с ней проблем, выясняется, существует ли практика перепроверки материалов, поступивших из налоговых органов, путем проведения оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела, а также исследуются другие вопросы, возникающие при направлении материалов налоговыми органами в следственные органы.

Ключевые слова: налоговые преступления, налоговые органы, налоговая проверка, материалы налоговых органов, возбуждение уголовного дела, органы внутренних дел.

The procedure for sending materials by tax authorities to initiate a criminal case on tax crimes

With the change in the procedure for making procedural decisions on the facts of committing a tax crime, legal uncertainties arose regarding the specifics of the tax authorities sending materials to the investigative authorities when identifying circumstances that suggest a violation of the legislation on taxes and fees containing signs of a crime. The article examines this and a number of related problems, finds out whether there is a practice of double-checking materials received from tax authorities by conducting operational investigative activities before initiating a criminal case, and also examines other issues that arise when tax authorities send materials to investigative authorities.

Keywords: tax crimes, tax authorities, tax audit, materials of tax authorities, initiation of a criminal case, internal affairs bodies.

С марта 2022 г. изменился порядок принятия процессуальных решений по фактам совершения налогового преступления [1]. На сегодня сведения, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), не могут являться самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела по факту совершения налогового преступления.

В настоящее время прерогатива направления материалов в следственные органы принадлежит налоговому органу. Однако изучение организационных моментов взаимодействия правоохранительных и налоговых органов, а также анализ нормативной базы позволяют говорить о наличии правовой неопределенности в этом вопросе. Следует отметить, что налоговое законодательство не содержит норм, регламентирующих в достаточной мере порядок и полномочия налоговых органов.

В п. 3 ст. 32 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) закрепляется обязанность налоговых органов направить мате-

риалы в органы предварительного следствия в течение 10 дней со дня выявления следующих обстоятельств: если в течение 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения налогоплательщиком не исполнена в полном объеме обязанность по уплате сумм недоимок, пеней и штрафов, хотя некоторые ученые [2, с. 121–124; 3, с. 132] и практики [4] утверждают обратное.

Однако ни в этой статье НК РФ, ни в какой-либо другой норме данного кодекса не содержится запрет налоговому органу направлять рассматриваемые материалы в следственные органы для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела раньше.

Таким образом, в законе нет прямого указания на то, что это должны быть материалы со вступившим в законную силу решением налогового органа. То есть налоговые органы могут использовать п. 3 ст. 82 НК РФ для направления любых материалов, в том числе и до вступления в силу решения о привлечении. Также

следственные органы могут быть проинформированы об обстоятельствах, позволяющих предполагать факт совершения преступления, до завершения налоговой проверки и принятия процессуального решения.

Напротив, действующее правовое регулирование общественных отношений, возникающих в связи с совершением преступлений, исходит из возможности каждого, в том числе и государственного органа (коим является налоговый орган), обратиться в следственный орган с обращением (заявлением) о совершении преступления и просьбой о возбуждении уголовного дела. В этом смысле каких-либо ограничений законодательство не предусматривает. Это право можно назвать всеобщим.

Статья 31 НК РФ прямо не предусматривает такого правомочия налогового органа, как обращение в следственный орган с материалами для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Вместе с тем исходя из характера вышеприведенного правового регулирования данная статья НК РФ не исключает наличие у налоговых органов такого права.

Аналогичный по своей сути вопрос (об отсутствии у налогового органа ряда правомочий, прямо предусмотренных в ст. 31 НК РФ) был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ [5].

Налоговые органы имеют право требовать от налогоплательщиков устранения выявленных нарушений налогового законодательства и контролировать выполнение указанных требований (п. 8 ст. 31 НК РФ). Они также имеют право применять предусмотренные законодательством Российской Федерации меры ограничительного, предупредительного и профилактического характера, направленные на недопущение и (или) ликвидацию нарушений юридическими и физическими лицами обязательных требований в установленной сфере деятельности [6, подп. 6.6].

В акте налоговой проверки указываются документально подтвержденные факты нарушений законодательства о налогах и сборах, выявленные в ходе проверки, или запись об отсутствии таковых. К акту прилагаются документы, подтверждающие факты нарушений, выявленные в ходе проверки. Вместе с тем данные материалы хотя и содержат сведения о нарушении налогового законодательства, но являются лишь предварительными выводами налогового органа.

Согласно п. 3 ст. 32 НК РФ (в редакции от 1 января 2023 г.), если в течение 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового

правонарушения не исполнена обязанность по уплате сумм недоимок, соответствующих пеней и штрафов, размер которых позволяет предполагать факт совершения преступления, налоговые органы обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

На основании указанных положений налогового законодательства направление материалов в следственные органы для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.1 УК РФ, осуществляется налоговыми органами по истечении 75-дневного срока, установленного п. 3 ст. 32 НК РФ.

Вместе с тем в случае установления налоговым органом обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у налогоплательщика намерения на добровольное возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, налоговый орган вправе направить материалы проверки до истечения срока, предусмотренного п. 3 ст. 32 НК РФ (в том числе до вступления его в силу), в целях принятия мер по обеспечению взыскания ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации. В данном случае направление материалов допускается только при условии приложения документов и иных доказательств, подтверждающих сведения о совершении налогоплательщиком действий, указанных в настоящем пункте.

Следует также учитывать, что п. 3 ст. 32 НК РФ не устанавливает запрета на направление в следственные органы материалов налоговой проверки, по результатам рассмотрения которых вынесено решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения в связи с истечением сроков давности привлечения к налоговой ответственности, проведением повторной выездной налоговой проверки, однако содержащих вывод о сумме неуплаченных налогов в результате совершения правонарушения.

Порядок, установленный в п. 3 ст. 32 НК РФ, применим и в случае вынесения налоговым органом решений по результатам проведения проверки полноты исчисления и уплаты налогов в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами (ст. 105.17 НК РФ).

Необходимо учитывать, что обжалование налогоплательщиком вступившего в силу решения налогового органа, вынесенного по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки, а равно принятие судом обе-

спечительных мер по приостановлению исполнения такого решения, введение процедуры банкротства не являются обстоятельствами, препятствующими направлению в следственные органы материалов, которые могут служить поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.1 УК РФ.

Об этом свидетельствует и позиция Минфина [7] и ФНС России [8, 9], которая заключается в том, что принятие судом обеспечительных мер не влияет на обязанность налоговых органов по направлению материалов проверки в следственные органы.

Неопределенная ситуация складывается в части возбуждения уголовных дел о совершении преступлений, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ, признаки совершения которых налоговый орган не может установить в ходе налоговой проверки, так как налоговым законодательством в принципе не предусмотрено проведение мероприятий налогового контроля по фактам сокрытия денежных средств, за счет которых должна быть взыскана недоимка. Соответственно, решение о привлечении к налоговой ответственности не выносится. Даже если признаки объективной стороны этого состава преступления будут установлены, проведение налоговой проверки как повод для возбуждения уголовного дела не предусмотрено [10].

В части применения ст. 199.2 УК РФ необходимо учитывать, что объективная сторона данного преступления не устанавливает такой обязательный признак, как предоставление в налоговый орган заведомо ложных сведений о налоговых обязательствах. Действия по сокрытию денежных средств либо имущества осуществляются с целью неисполнения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов, срок уплаты которых истек.

Следует также учитывать, что если сокрытие денежных средств или иного имущества, за счет которого должно производиться взыскание, осуществляется в целях уклонения от исполнения налоговых обязательств, вменяемых по результатам проведения налоговой проверки, то для пресечения действий, совершаемых в целях сокрытия имущества и принятия мер для обеспечения возмещения ущерба, соответствующие материалы могут быть направлены налоговым органом на основании п. 3 ст. 32 НК РФ после вынесения решения по проверке.

При выявлении обстоятельств, содержащих признаки преступления по ст. 199.2 УК РФ, УФНС России (уполномоченный территориальный налоговый орган) направляет письменный

запрос в подразделение ЭБиПК о привлечении сотрудников для осуществления оперативно-розыскных мероприятий и проведения документального исследования (ревизии) в целях наиболее полного установления таких обстоятельств.

При поступлении запроса подразделением ЭБиПК выделяется сотрудник (сотрудники), которому поручается оперативное сопровождение сбора и подготовки налоговым органом материалов в целях наиболее полного установления признаков преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, в том числе производство оперативно-розыскных мероприятий, назначение и производство документального исследования (ревизии) материалов, собранных совместно с налоговым органом.

Подразделение ЭБиПК территориального органа в течение 10 суток с момента поступления запроса уведомляет налоговый орган, направивший запрос, о принятом решении с указанием ФИО сотрудника (сотрудников) и контактных сведений.

Совместные мероприятия, включая документальное исследование (ревизию), проводятся сотрудниками УФНС России и подразделением ЭБиПК до передачи соответствующих материалов в СУ Следственного комитета РФ.

Таким образом, налоговые органы имеют полномочия направить материалы в органы предварительного следствия в период с момента фактического выявления нарушения налогового законодательства, но не позднее сроков, установленных ст. 32 НК РФ.

До внесения изменений в УПК РФ правоохранительные органы имели возможность использовать материалы налоговых органов, по которым истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, дополнять их результатами ОРД за последующие периоды деятельности налогоплательщика и привлекать виновных лиц к ответственности, способствуя тем самым возмещению причиненного ущерба.

В связи с этим в ходе проведения исследования нами в Следственном комитете РФ была запрошена информация о том, *имеется ли практика перепроверки материалов, поступивших из налоговых органов, путем проведения оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела.*

В ответе Следственного комитета РФ было указано, что перепроверка материалов налоговых органов путем проведения оперативно-розыскных мероприятий осуществляется не во всех регионах.

Так, об их обязательном проведении сообщили ГСУ по Красноярскому краю и Республике Хакасия, СУ по Воронежской и Кировской областям. В ряде регионов такая обязанность отсутствует, но по каждому материалу следователем в орган дознания направляется поручение, в том числе для установления новых и дополнительных обстоятельств, актуализации ранее полученных данных, обнаружения документации и имущества, на которое может быть наложен арест (СУ по республикам Марий Эл, Татарстан, Волгоградской, Ленинградской, Магаданской, Свердловской, Томской областям).

В СУ по Архангельской области и Ненецкому автономному округу такие мероприятия проводятся при поступлении из налогового органа материалов в порядке ст. 82 НК РФ, в СУ по Нижегородской области – при отсутствии расчета суммы ущерба, в СУ по Республике Северная Осетия – Алания и Омской области – при недостаточности данных для возбуждения уголовного дела в целях подтверждения выводов налогового органа, в СУ по Тверской области – при «пограничном» размере суммы криминального ущерба.

Некоторые следственные органы указали, что проведение указанных мероприятий не обязательно, но возможно, в том числе в целях установления умысла на совершение преступления, исследования документов для определения суммы ущерба (ГСУ по Московской области, СУ по Республике Бурятия, Удмуртской Республике, Забайкальскому и Ставропольскому краям, Новосибирской, Челябинской областям и др.).

Кроме того, в Следственный комитет РФ был направлен запрос о том, *проводится ли перепроверка расчета, предоставленного налоговым органом, до возбуждения уголовного дела при установлении размера неуплаченных налогов и сборов (сокрытых денежных средств и имущества)*, на что получен следующий ответ.

В региональных следственных подразделениях отсутствует единообразная правоприменительная практика. В ряде следственных органов такая перепроверка не проводится (например, в следственных управлениях по республикам Калмыкия, Татарстан, Кабардино-Балкарской Республике, Хабаровскому краю и Еврейской автономной области, Калужской, Новгородской, Курганской областям, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и др.). В СУ по Ивановской и Ярославской областям такой подход объяснили длительностью проведения экспертных исследований, несопоставимой со сроками процессуальной про-

верки. В Ленинградской области такая необходимость отсутствует, поскольку расчет размера недоимки (сокрытых средств) проводится органом дознания в ходе налоговой проверки и представляется уже в материалах налогового органа.

В других следственных органах перепроверка проводится в обязательном порядке путем проведения экспертиз, исследований и ревизий как силами подразделений ЭБиПК, так и в экспертных организациях (например, в СУ по республикам Бурятия, Ингушетия, Мордовия, Саха (Якутия), Алтайскому, Ставропольскому краям, Иркутской, Костромской, Псковской, Тюменской, Пензенской областям и др.).

Ряд следственных подразделений сообщили, что перепроверка расчета проводится в отдельных случаях при наличии такой необходимости (СУ по Карачаево-Черкесской Республике, Краснодарскому краю, Орловской области и др.). Например, при недостаточности сведений в полученных материалах налогового органа (СУ по Республике Дагестан), при отсутствии в таких материалах расчета, проведенного специалистами органа дознания (СУ по Нижегородской области), при «пограничной» сумме недоимки (стоимости сокрытого имущества), необходимой для привлечения к уголовной ответственности (СУ по Приморскому краю, Тверской и Томской областям), при необходимости распределения данной суммы между руководителями, поочередно осуществлявшими управление организацией в исследуемом периоде, учета понесенных налогоплательщиком расходов, который не всегда производится налоговыми органами (ГСУ по г. Санкт-Петербургу, СУ по Забайкальскому краю), при направлении материалов в порядке ст. 82 НК РФ (СУ по Архангельской области и Ненецкому автономному округу, Мурманской области), при проверке сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ (СУ по Республике Коми, Кировской, Новосибирской областям), при выявлении ошибок в расчете (СУ по Воронежской области) или новых ранее не учтенных фактов и обстоятельств (СУ по Республике Карелия).

В ГСУ по Красноярскому краю и Республике Хакасия, в СУ по Омской области перепроверка не проводится только по сообщениям о преступлениях, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ, так как в материалах налогового органа уже есть расчет, выполненный органом дознания. В СУ по Пермскому краю по ст. 199.2 УК РФ проводится лишь корректировка суммы с учетом справок, поступивших из подразделений

ЭБиПК, по другим составам расчет, приведенный в решении налогового органа, признается достаточным.

В ГСУ по Республике Крым и г. Севастополю, в СУ по Кемеровской области – Кузбассу пере проверка осуществляется путем направления запросов в налоговые органы в целях актуализации размера недоимки (сокрытого имущества), например, в связи с возможным погашением задолженности.

Также выяснялось, *если нарушение, выявленное налоговым органом, охватывает период менее трех лет, проводится ли самостоятельная проверка в пределах трех финансовых лет подряд (в соответствии с примечанием к ст. 198 и 199 УК РФ).*

Следственный комитет РФ ответил, что в большинстве следственных подразделений самостоятельная проверка в таких случаях не проводилась либо указанные материалы не поступали. Подобные проверки проводились в СУ по Республике Бурятия, Камчатскому и Краснодарскому краям, Воронежской, Курганской, Тамбовской, Ярославской областям и ряде других подразделений. По информации ГСУ по г. Москве, Московской области, СУ по Забайкальскому краю, в этих целях назначаются судебные экспертизы, охватывающие необходимый 3-летний период. Ряд следственных органов сообщил, что в указанных ситуациях принимаются меры по установлению дополнительных фактов в рамках 3-летнего периода путем проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий (СУ по Иркутской, Кировской, Омской, Ростовской областям).

В СУ по Владимирской и Тульской областям самостоятельная проверка проводится только при «пограничной» или недостаточной сумме недоимки, а в СУ по Новосибирской области в данном случае могут инициироваться дополнительные мероприятия налогового контроля. В СУ по Приморскому краю налоговый орган самостоятельно проверяет недостающие периоды и досылает необходимые материалы.

Также отсутствует четкая регламентация, какие именно документы, вынесенные (полученные) налоговым органом, соответствуют поводу для возбуждения уголовного дела по смыслу ст. 140 УПК РФ.

Налоговые органы имеют право осуществлять налоговый контроль не только путем проведения налоговых проверок, но и в других формах, предусмотренных НК РФ [11, ст. 7, ч. 3].

В связи с этим налоговые органы в своей деятельности проводят проверку полноты исчис-

ления и уплаты налогов в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами (ст. 105.17 НК РФ), мероприятия по взысканию задолженности (ст. 46–48 НК РФ), иные процедуры, в том числе рассмотрение деятельности налогоплательщиков на заседании комиссии налогового органа. По их результатам составляются разные по форме документы, которые могут содержать сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ.

Данные материалы содержат сведения о нарушении налогового законодательства, а также выводы налогового органа. По своему содержанию и форме они соответствуют признакам сообщения о преступлении при направлении в орган следствия и могут служить поводом для возбуждения уголовного дела, однако порядок их направления в органы предварительного следствия никак не регламентирован.

В зависимости от конкретной ситуации для эффективного принятия процессуального решения предпочтительным будет более ранее направление материалов, например для своевременного наложения ареста на имущество фигурантов, либо более позднее направление для завершения дополнительных мероприятий.

Немаловажным при выборе момента направления является наличие сил и средств, необходимых для организации расследования и проведения неотложных следственных действий, в том числе физической возможности следователя принять в производство дополнительное уголовное дело с учетом текущей нагрузки. Схожим образом материалы налогового органа изначально должны отвечать процессуальным требованиям и не нуждаться в доработке на этапе принятия процессуального решения.

В связи с этим перед подразделениями ЭБиПК возникает задача обеспечить организацию процесса направления в органы предварительного следствия пригодных материалов в приемлемые сроки.

Материалы в следственные органы направляются налоговыми органами в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 32 НК РФ, в соответствии с требованиями Соглашения о взаимодействии между Следственным комитетом РФ и Федеральной налоговой службой от 13 февраля 2012 г. № 101-162-12/ММВ-27-2/3 и прилагаемых к нему протоколов.

При выявлении в процессе проведения камеральных и выездных проверок фактов, свидетельствующих о необоснованном заявлении сумм НДС к возмещению (ст. 159 УК РФ), и при наличии решения об отказе в возмещении НДС

полностью или частично, вступившего в силу решения о привлечении (отказе в привлечении) налогоплательщика к налоговой ответственности, налоговые органы направляют соответствующие материалы в МВД России для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

В соответствии со ст. 100 НК РФ в акте налоговой проверки указываются документально подтвержденные факты нарушений законодательства о налогах и сборах, выявленные в ходе проверки, или запись об отсутствии таковых. Данные материалы содержат сведения о нарушении налогового законодательства и выводы налогового органа и соответствуют признакам сообщения о преступлении при направлении в орган следствия.

В случае поступления сообщений, полученных из иных источников (заявлений граждан, организаций; средств массовой информации; обращений государственных и иных организаций и т.п.), по фактам нарушений налогового законодательства организовывается проведение мероприятий налогового контроля.

Ход и результаты совместных мероприятий подлежат обязательному обсуждению в процессе предварительного ознакомления сотрудников СУ Следственного комитета РФ в рамках заседаний межведомственных рабочих групп СУ Следственного комитета РФ, ОВД и УФНС России (уполномоченного территориального налогового органа).

По результатам обсуждения СУ Следственного комитета РФ даются рекомендации о дальнейшем сборе материалов, проведении дополнительных мероприятий сотрудниками подразделений ЭБиПК и УФНС России, выяснении конкретных вопросов в ходе проведения документальных исследований (ревизий) с отражением в протоколе рабочей встречи.

Направление УФНС России материалов в СУ Следственного комитета РФ для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 199.2 УК РФ производится по результатам предварительного согласования в ходе обсуждений.

В случае наличия дополнительной информации о сокрытии денежных средств (имущества) от процедуры принудительного взыскания задолженности по налогам, страховым взносам налоговый орган направляет указанные сведения с приложением соответствующих документов в следственные органы СУ Следственного комитета РФ.

Копии материалов, направляемых в СУ Следственного комитета РФ для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 198–199.2 УК РФ, представляются в проку-

мерованном и прошнурованном виде, с копиями, заверенными должностным лицом налогового органа и скрепленными соответствующей печатью, с описью вложения к каждому тому согласно хронологии приложенных документов, с сопроводительным письмом, в котором излагаются обстоятельства, позволяющие предполагать факт нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления.

Непредставление полного пакета копий документов не является безусловным основанием для отказа в принятии или возвращении СУ Следственного комитета РФ материалов, представленных УФНС России, в случае, если в представленных документах содержатся достаточные сведения об обстоятельствах, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ. При отсутствии полного перечня документов в сопроводительном письме сообщается об объективных причинах невозможности представления тех или иных документов.

Налоговые органы могут предоставлять дополнительную информацию по переданным ранее материалам как по запросу следователя, так и в инициативном порядке.

При необходимости должностное лицо следственного органа по результатам рассмотрения сообщения о налоговом преступлении и расследования уголовного дела вправе привлечь сотрудников налогового органа либо органа внутренних дел для участия в уголовном судопроизводстве, в том числе в качестве специалистов, либо эксперта отдела криминалистики СУ Следственного комитета РФ.

Поступившие в следственный орган из УФНС по субъекту Российской Федерации материалы при наличии признаков преступления принимаются и регистрируются в качестве повода для возбуждения уголовного дела в соответствии с ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ и рассматриваются в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

Возврат следственным органом следственного управления материалов в УФНС России без регистрации в книге регистрации сообщений о преступлениях по формальным основаниям не допускается.

УФНС России по субъекту Российской Федерации в соответствии со ст. 123 УПК РФ вправе обжаловать вынесенное по результатам рассмотрения направленных материалов решение руководителю следственного органа, сотрудником которого вынесено обжалуемое решение, или прокурору после совместного предварительного рассмотрения на тематической межведом-

ственной рабочей группе обжалуемых материалов и принятия решения о целесообразности обжалования вынесенного решения.

В случае признания СУ Следственного комитета РФ того, что материалы изначально не содержат признаки налогового преступления либо представлены с существенными нарушениями требований, предусмотренных названным выше Соглашением, указанные материалы подлежат возврату с обоснованием причин принятия такого решения.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим следующее.

1. Отдельные ученые утверждают, что налоговые органы обязаны направить материалы в органы предварительного следствия в течение 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. В то же время в законодательстве нет прямого указания на то, что это должны быть материалы со вступившим в законную силу решением налогового органа. В связи с этим авторы считают возможным направление материалов в следственные органы с момента фактического выявления нарушения налогового законодательства, но не позднее сроков, установленных ст. 32 НК РФ.

2. Обжалование налогоплательщиком вступившего в силу решения налогового органа, вынесенного по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки, принятие судом

обеспечительных мер по приостановлению исполнения такого решения и другие процедуры не являются обстоятельствами, препятствующими направлению материалов в следственные органы.

3. Неопределенная ситуация складывается в части возбуждения уголовных дел о совершении преступлений, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ, признаки совершения которых налоговый орган не может установить в ходе налоговой проверки. В связи с этим при выявлении таких обстоятельств налоговые органы обращаются в подразделение ЭБиПК с целью привлечения сотрудников для осуществления оперативно-розыскных мероприятий и проведения документального исследования.

4. В случае поступления сообщений, полученных из иных источников, по фактам нарушений налогового законодательства организуется проведение мероприятий налогового контроля.

5. К числу вопросов, требующих дополнительной регламентации, относятся:

изучение и оценка материалов ОРД и мероприятий налогового контроля следователем до момента направления их для принятия процессуального решения;

порядок и условия направления налоговым органом материалов в органы предварительного следствия, а также перечень документов, приобретаемых к таким материалам, и др.

1. О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2023).

2. Пушторская Е.В. О препятствиях для реализации налоговыми органами полномочий по направлению материалов о выявленных налоговых преступлениях в следственные органы // Роль прокуратуры в построении правового государства: история и современность (к 300-летию российской прокуратуры): сб. ст. по материалам науч.-практ. круглого стола, 18 февр. 2022 г. Владивосток, 2022. С. 121–124.

3. Серова Е.Б., Пушторская Е.В. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(97).

4. Генпрокуратура разъяснила порядок возбуждения уголовных дел по налоговым престу-

1. On amendments to articles 140 and 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: fed. law d.d. March 9, 2022 No. 51-FZ. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of access: 10.04.2023).

2. Pushtorskaya E.V. On the obstacles to the exercise by tax authorities of the powers to send materials on identified tax crimes to the investigating authorities // The role of the prosecutor's office in building a rule of law state: history and modernity (to the 300th anniversary of the Russian prosecutor's office): coll. of papers based on proc. of sci. and practical round table, Febr. 18, 2022. Vladivostok, 2022. P. 121–124.

3. Serova E.B., Pushtorskaya E.V. Initiation of criminal cases on tax crimes: problems and possible solutions // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1(97).

4. The Prosecutor General's Office clarified the procedure for initiating criminal cases for tax crimes [Web resource]. URL: [https://www.advgazeta.ru/novosti/genprokuratura-razyasnila-](https://www.advgazeta.ru/novosti/genprokuratura-razyasnila)

пленениям [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/genprokuratura-razyasnila-poryadok-vozbuzhdeniya-ugolovnykh-del-po-nalogovy> (дата обращения: 20.07.2023).

5. По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева: постановление Конституционного Суда РФ от 8 дек. 2017 г. № 39-П.

6. Положение о Федеральной налоговой службе: постановление Правительства РФ от 30 сент. 2004 г. № 504. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2023).

7. Письмо Минфина РФ от 1 июля 2013 г. № 03-02-08/25039.

8. Письмо ФНС от 29 дек. 2011 г. № АС-4-2/22500.

9. Письмо ФНС от 11 окт. 2011 г. № АС-4-2/16795.

10. Есаков Г.А. Налоговые преступления: тонкая настройка ответственности в 2022 году и на перспективу // Закон. 2022. № 11. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2023).

11. О налоговых органах: закон РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2023).

poryadok-vozbuzhdeniya-ugolovnykh-del-po-nalogovy (date of access: 20.07.2023).

5. In the case of checking the constitutionality of the provisions of articles 15, 1064 and 1068 of the Civil Code of the Russian Federation, subparagraph 14 of paragraph 1 of article 31 of the Tax Code of the Russian Federation, article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and part one of article 54 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints from citizens G.G. Akhmadeeva, S.I. Lysyak and A.N. Sergeyev: decree of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Dec. 8, 2017 No. 39-P.

6. Regulations on the Federal Tax Service: decree of the Government of the Russian Federation d.d. Sept. 30, 2004 No. 504. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of access: 10.04.2023).

7. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation d.d. July 1, 2013 No. 03-02-08/25039.

8. Letter of the Federal Tax Service d.d. Dec. 29, 2011 No. AS-4-2/22500.

9. Letter of the Federal Tax Service d.d. Oct. 11, 2011 No. AC-4-2 / 16795.

10. Esakov G.A. Tax crimes: fine-tuning of liability in 2022 and in the future // Law. 2022. No. 11. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of access: 10.04.2023).

11. About tax authorities: law of the Russian Federation d.d. March 21, 1991 No. 943-1. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of access: 10.04.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларичев Василий Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России; e-mail: larichev48@mail.ru;

Панкратьев Анатолий Николаевич, кандидат юридических наук, начальник отдела по борьбе с налоговыми правонарушениями Управления «Ф» ГУЭБиПК МВД России; e-mail: a.pankratev@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.D. Larichev, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: larichev48@mail.ru;

A.N. Pankratiev, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Chief of the Department for Combating Tax Offenses of the Department "F" of the Main Directorate of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: a.pankratev@gmail.com

В память о профессоре В.Е. Квашисе

17 июля 2023 г. ушел из жизни выдающийся ученый – доктор юридических наук, профессор заслуженный деятель науки Российской Федерации Виталий Ефимович Квашис.

В 1961 г. Виталий Ефимович окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и поступил на работу в аппарат Президиума Верховного Совета СССР, где в течение семи лет был консультантом Секретариата Председателя Президиума.

В 1967 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Амнистия и помилование по советскому уголовному праву». С 1968 г. Виталий Ефимович работал во ВНИИ МВД СССР в должностях старшего научного сотрудника, ведущего исследователя, заместителя начальника отдела, главного научного сотрудника. В 1983 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Преступная неосторожность (криминологические проблемы)».

Имя ученого-правоведа В.Е. Квашиса известно не только в России, но и за рубежом. Виталий Ефимович участвовал во многих международных проектах, повышал квалификацию в зарубежных научных организациях. Он оставил богатое научное наследие как автор и соавтор более 300 научных трудов по проблемам уголовного права, криминологии, виктомологии и уголовной политики, многие из них переведены на несколько иностранных языков.

За заслуги в деле укрепления правопорядка, развития правовой науки и подготовки кадров В.Е. Квашис был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», награжден орденом Почета, орденом Дружбы, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, нагрудным знаком «Почетный работник МВД», другими ведомственными наградами.

Редакционный совет журнала «Общество и право» выражает искренние соболезнования семье, близким, коллегам, ученикам, друзьям и всем, кто знал Виталия Ефимовича, светлая память о котором навсегда останется в наших сердцах.

**Редакционный совет журнала
«Общество и право»**

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ Р 7.0.60-2020 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 30.09.2023
Выпуск в свет 09.10.2023
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 17,9
Тираж 150 экз. Заказ 183
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249